F 17/172

ЗАПИСКИ

ДЮКА ЛИРІЙСКАГО.

ae

2007058014

ЗУПИСКИ

ЗАПИСКИ

ДЮКА ЛИРІЙСКАГО И БЕРВИКСКАГО
ВО ВРЕМЯ ПРЕБЫВАНІЯ ЕГО

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ РОССІЙСКОМЪ ДВОРѢ
ВЪ ЗВАНІИ ПОСЛА
КОРОЛЯ ИСПАНСКАГО.

—

1727—1730 ГОДОВЪ.

Переводъ съ Французскаго.

Д. Языкова.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Гутенберговой Типографіи.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.
С. Петербургъ. 29 октября 1844.

Цензоръ А. Крыловъ.

Сочинитель сихъ записокъ, Яковъ, дюкъ Лирійскій и Бервикскій, родился 1695 года, во Франціи. Отецъ его, Яковъ Фицджемсъ, дюкъ Бервикскій, сынъ Англинскаго короля Іакова II, былъ неизмѣнною подпорою отцу своему, жизнь котораго была обильна несчастіями. По высадкѣ Вилгелма Оранжскаго на берега Англіи, Іаковъ II принужденъ былъ бѣжать во Францію (1688). Какъ вѣрный сподвижникъ гонимаго судьбою отца, Фицджемсъ принялъ участіе во вторженіи его въ Ирландію (1689); но и тутъ счастіе имъ неблагопріятствовало, и Король принужденъ былъ возвратиться опять во Францію, гдѣ сынъ его вступилъ въ тамошнюю службу. Въ чинѣ маршала, онъ, начальствуя надъ Французскимъ войскомъ, въ войну за наслѣдство Испаніи, одержалъ (1707), при Алмансѣ, совершенную побѣду надъ соединенными Англинскими, Австрійскими и Португальскими войсками, и тѣмъ положилъ прочное основаніе владычеству Бурбоновъ въ Испаніи. Восхищенный сею рѣшительною побѣдою Филиппъ V наградилъ маршала титломъ Дюка города Лиріи (Lihria) и достоинствомъ первокласнаго гранда Испан-

скаго, и вмѣстѣ съ тѣмъ принялъ въ свою службу старшаго его сына Якова, котораго назвалъ Дюкомъ Лирійскимъ и Бервикскимъ. Пушечное ядро кончило жизнь Фицджемса, обильную великими дѣяніями, при осадѣ Филипсбурга, 12 іюня 1734 года.

Сынъ его Яковъ, какъ сказано выше, сдѣлавшись гражданиномъ Испаніи, служилъ вѣрно своему Государю. Король отправилъ его посломъ своимъ въ Россію, къ Екатеринѣ I, которая однакоже скончалась тогда, когда онъ былъ еще въ Вѣнѣ, и онъ пріѣхалъ въ Петербургъ уже при Петрѣ II, и оставался тамъ до возшествія на престолъ Анны. Послѣ сего былъ онъ посломъ въ Вѣнѣ, начальствовалъ надъ войсками въ Италіи (1731), осаждалъ и взялъ Гасту, и умеръ, 1733, въ званіи Испанскаго посла въ Неаполѣ.

Онъ оставилъ послѣ себя весьма любопытныя записки, которыя изданы вторымъ его сыномъ Фицджемсомъ, въ Парижѣ, 1788, подъ заглавіемъ: Mémoires du due de Lihria et de Berwick, écrits par lui-même.

Изъ сихъ-то записокъ издаю я теперь все то, что относится до времени пребыванія его при Русскомъ Дворѣ. Онѣ начинаются пріѣздомъ его въ Вѣну.

Сличая слова его со многими отечественными оффиціяльными и частными извѣстіями, оказывается, что онъ имѣлъ очень вѣрные свѣденія о всемъ, что касается до тогдашнихъ государственныхъ и дворскихъ произшествіяхъ. Не льзя не отдать ему справедливости въ безпристрастіи и основательности, кромѣ того только, что онъ слишкомъ рѣзко и несправедливо описываетъ характеръ нѣкоторыхъ лицъ, заслуживающихъ полное уваженіе; но мѣстъ сихъ очень мало, и поелику они, при своей неспра-

ведливости, не приносятъ ни какой пользы для исторіи, то я ихъ исключилъ.

Многіе изъ важнѣйшихъ его показаній, сопровождаю я своими замѣчаніями, объясненіями и приложеніями.

Царствованіе Петра II, очень хорошо описано К. П. Арсеньевымъ. (С.П.Б. 1740). Царствованіе Анны ожидаетъ еще искуснаго пера; но записки Дюка Лирійскаго послужатъ очень хорошимъ для сего матеріаломъ, несравненно лучшимъ, нежели находящійся въ запискахъ извѣстнаго Манштейна.

Здѣсь долженъ я замѣтить, что Дюкъ Лирійскій велъ свои записки по *новому* стилю, который тогда превосходилъ *старый* 11 днями. Я удержалъ его.

Многимъ покажется странно, что онъ Петра II и Анну, называетъ всегда *Царемъ* и *Царицею;* но ето объясняется тѣмъ, что въ то время Испанскій Дворъ не соглашался еще дать Русскимъ Государямъ титла Императора.

По напечатаніи сей книги оказались въ ней нѣкоторыя погрѣшности, изъ коихъ важнѣйшія та, что на страницѣ 20, строка 8, на полѣ выставленъ 1729 годъ, вмѣсто 1728, что продолжается до страницы 33. Прочія опечатки благосклонный читатель можетъ легко исправить самъ.

Мая 16 дня 1727 года я былъ у Принца Евге- 1727
нія, который принялъ меня чрезвычайно ласково.

Принцъ Евгеній Савойскій, по мнѣнію моему, совершенный герой; нѣтъ такихъ добрыхъ качествъ, которыхъ бы въ немъ не было: онъ откровенснъ, учтивъ, простъ въ обращеніи, не теряя однако же приличія, и гордъ безъ тщеславія; онъ неспособенъ обманывать никого, и каждому слову, исходящему изъ устъ его, можно вѣрить, какъ самой истинѣ; онъ краснорѣчивъ, знастъ науки и читалъ много; говоритъ совершенно на пяти языкахъ: Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ, Италіянскомъ, и Испанскомъ. Неизвисть ему неизвѣстна, и угнѣтаемая добродѣтель всегда найдетъ въ немъ защитника. На войнѣ онъ всегда веселъ, бдителенъ, внимателенъ и ровенъ, даже находясь въ жесточайшемъ огнѣ. Никто лучше его не знаетъ военнаго искусства: ето доказываютъ десять сраженій, имъ выигранныхъ. Въ политическихъ дѣлахъ онъ проницателенъ, и изъясняется, хотя въ немногихъ словахъ; но очень ясно. Онъ ненавидитъ комплиментовъ и не терпитъ благодарности за оказанную имъ милость. Будучи справедливъ въ высочайшей степени, онъ не отрѣчется дать удовлетвореніе каждому честному человѣку, ежели сей,

1727 думая быть отъ него оскорбленнымъ, потребуетъ онаго. Словомъ, ето совершенный человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Іюня 5, дюкъ Бурбонвильскій получилъ отъ графа Цинцендорфскаго записку, которою онъ приглашалъ обоихъ насъ пріѣхать къ нему сего же дня утромъ, въ Луксембургъ. Мы тотъ же часъ отправились туда и, съ самаго пріѣзда, занялись дѣлами съ симъ министромъ и съ принцемъ Евгеніемъ. Отъ нихъ мы узнали, что вчера вечеромъ пріѣхалъ курьеръ изъ Петербурга съ извѣстіемъ, что Царица Екатерина I скончалась 17 мая, въ 10 часовъ вечера, отъ болѣзни, которая продолжавшись нѣкоторое время, кончилась нарывомъ въ груди (1). Они сказали, что ето происшествіе не измѣнитъ ни въ чемъ настоящей нашей системы, потому что новое Русское министерство рѣшилось слѣдовать принятымъ покойною Царицею правиламъ, въ чемъ удостовѣряетъ Императора князь Меншиковъ, первый Русскій министръ, въ почтительномъ письмѣ, которое онъ писалъ, по сему случаю, къ Его Величеству.

Послѣ сего, графъ Цинцендорфскій разсказалъ намъ, что происходило въ Петербургѣ по смерти Екатерины.

Какъ скоро она скончалась, князь Меншиковъ поставилъ караулъ у всѣхъ входовъ дворца, а на другій день по утру пригласилъ во дворецъ

Царевича, внука послѣдняго Царя, Герцога и Гер- 1727
цогиню Голштейнъ-Готторпскихъ, Принцессу Елисавету, дочь покойной Царицы, и всѣхъ вельмож и первѣйшихъ министровъ Русскихъ: Меншиковъ объявилъ имъ, что Царица скончалась въ прошедшую ночь, вруча ему свое духовное завѣщаніе, которое онъ тутъ же и прочелъ. Въ самомъ началѣ завѣщанія она объявила единственнымъ своимъ наслѣдникомъ вышесказаннаго Царевича, внука своего супруга. Всѣ, бывшіе въ собраніи, выслушавъ сіе, тотчасъ закричали Ура! Тетка его, Герцогиня Голштинская, первая пала къ его ногамъ, а за нею и всѣ прочіе, и тутъ же присягнули въ вѣрности. Остальное содержаніе духовной относилось къ образу правленія и назначало регентство, которое должествовало продлиться до того времени, когда новому Царю исполнится 16 лѣтъ, а тогда было ему только 12. Въ члены совѣта регентства назначались: Герцогъ и Герцогиня Голштинскіе, Принцесса Елисавета, сестра Герцогини, князь Меншиковъ, государственный канцлеръ графъ Головкинъ, адмиралъ графъ Апраксинъ, Царскій оберъ гофмейстеръ баронъ Остерманъ, и князь Дмитрій Голицынъ. Въ концѣ духовной, Екатерина предписывала поддерживать союзъ и согласіе съ Императоромъ и слѣдовать той же системѣ, которой она слѣдовала (2). По статьи, относящай-

*

1727 ся до малолѣтства Царя, осталась безъ исполненія, потому что тутъ же объявили его совершеннолѣтнимъ, и Герцогъ Голштинскій, оскорбляемый Меншиковымъ, чрезъ два мѣсяца, уѣхалъ съ своею супругою, въ свои владѣнія(3).

Извѣстіе о кончинѣ Екатерины I огорчило меня до чрезвычайности; ибо, одна изъ главнѣйшихъ причинъ, по которой я принялъ посольство въ такую отдаленную отъ пота моего Государя страну, состояла въ томъ, что мнѣ хотѣлось узнать лично такую великую Государыню, которую и лучшіе писатели не могутъ выхвалить достойно. Но меня много успоконвало увѣреніе Императорскихъ министровъ, что ета великая потеря не сдѣлаетъ ни какой перемѣны въ настоящихъ дѣлахъ, потому что на другій день ея кончины, все было въ величайшемъ спокойствіи, хотя тогда можно было опасаться величайшаго волненія. Правда, что за недолгое до смерти Царицы время, былъ открытъ заговоръ, главою котораго были, генералъ Толстой и генералъ Дивіеръ, родомъ Португалецъ; но ихъ обоихъ схватили и заговоръ ихъ не имѣлъ ни какихъ послѣдствій (4).

Іюня 21 получили мы извѣстіе о смерти епископа Любскаго, двоюроднаго брата Герцога Голштинскаго, который долженъ былъ жениться на Принцессѣ Елисаветѣ Московской (5).

Вмѣстѣ съ симъ получено также извѣстіе объ обрученіи Царя съ дочерью князя Меншикова. 1727

Въ 28 день пріѣхалъ курьеръ изъ Берлина съ извѣстіемъ, что Король Англинскій Георгъ умеръ въ Оснабрюкѣ 13 числа, отъ апоплексическаго удара.

Іюля 26 пріѣхалъ вторый курьеръ изъ Мадрида, который огорчилъ меня также, какъ и первый, потому что я не получилъ съ нимъ никакого повелѣнія, и маркизъ де ла Пазъ все притворялся, что не знаетъ о кончинѣ Царицы. Наконецъ, 4 августа пріѣхалъ третій курьеръ и привезъ мнѣ новые кредитивы и наставленія. Маркизъ, именемъ Королевскимъ, предписывалъ мнѣ ѣхать какъ можно скорѣе къ мѣсту моего назначенія.

Войско Короля Прусскаго состоитъ изъ 70 тысячь человѣкъ отличнѣйшихъ, кои служатъ съ величайшею точностію.

Октября 19 былъ я, съ графомъ Секендорфскимъ, въ городѣ Потсдамѣ, желая видѣть славный гренадерскій, или лучше, исполинскій полкъ, состоящій изъ 2500 человѣкъ, изъ которыхъ самый малый ростомъ въ 6, а самый высокій, въ 7 слишкомъ геометрическихъ футовъ (6).

Октября 25 пріѣхалъ я въ Данцигъ. Случилось, что въ томъ же трактирѣ, въ которомъ я остановился, жилъ также графъ Маврикій Саксон-

7271 скій, побочный сынъ Короля Польскаго, который былъ избранъ въ Герцоги Курляндскіе, о чемъ я буду говорить послѣ. Онъ былъ мнѣ очень хорошимъ пріятелемъ въ Парижѣ, и по етому я былъ очень радъ встрѣтившись съ нимъ здѣсь, и мы не разлучались во все то время, которое пробылъ я въ Данцигѣ. Онъ мнѣ подробно разсказалъ о состояніи своихъ дѣлъ въ Курляндіи и просилъ похлопотать о немъ при Дворѣ Петербургскомъ. Я обѣщалъ сму ето, разумѣя, при удобномъ случаѣ; но при томъ сказалъ, что буду стараться о немъ, какъ пріятель, а не какъ посолъ, потому что не имѣю отъ Короля, моего Государя, повѣленія мѣшаться въ ето дѣло. Послѣ сего онъ убѣдительно просилъ меня выхлопотать изъ рукъ Русскаго министерства множество записочекъ, кои получалъ онъ отъ разныхъ дамъ, и хранилъ въ сундукѣ, который отняли у него Русскіе, и что въ томъ же сундукѣ находится журналъ любовныхъ шашней при Дворѣ Короля, отца его, примолвя, что ежели журналъ сей откроется, то надѣлаетъ ему много хлопотъ. Все сто я обѣщалъ сму и пріѣхавъ въ Москву, дѣйствительно услужилъ ему дружески.

Ноября 9 отправился я очень рано и проѣхавъ 4 лье, прибылъ къ обѣду въ Митаву. Почти за поль̀е отъ сего города встрѣтился я съ генералъ-майоромъ Миромъ (Miler), который нарочно былъ

послалъ Польскою коммисіею мнѣ на встрѣчу, 1727
для поздравленія меня съ пріѣздомъ. Пересѣвъ въ его карету, я пріѣхалъ въ Митаву въ полдень. Четверо изъ главныхъ членовъ коммисіи тотчасъ явились ко мнѣ съ визитомъ, и именно: князь епископъ Вармійскій, графъ Денгофскій, генералъ Литовскій, графъ Дунинъ, референдарій коронный, и князь Радзивилъ. Они повезли меня обѣдать къ референдарію, гдѣ была также вдовствующая Герцогиня Курляндская, дочь Іоанна, старшаго брата Петра I.—Генералъ Ласси, бывшій въ Митавѣ отъ Россійскаго Двора, также пріѣзжалъ ко мнѣ, и я ужиналъ у него.

На другій день, 10 числа, представлялся я Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ и былъ очень хорошо принятъ отъ Ея Высочества.

Отъ нее поѣхалъ я обѣдать къ епископу Вармійскому.

Курляндія и Семигалія суть двѣ соединенныя области, объявленныя въ 1561 году, наслѣдственнымъ герцогствомъ для дома Кетлера, который, желая поддержать себя, отдался уже тогда подъ покровительство Польши, завися отъ нее въ видѣ лена. Домъ Кетлера, одинъ изъ древнѣйшихъ въ Европѣ, кончится въ лицѣ нынѣшняго Герцога Фердинанда, 70 лѣтняго старца, не имѣющаго наслѣдниковъ. Уже слишкомъ 27 лѣтъ, какъ онъ, поссорясь съ Курляндскимъ дво-

1727 рянствомъ, выѣхалъ изъ своихъ владѣній и живетъ въ Данцигѣ.

Его дворянство видя, что Герцогъ Фердинандъ не проживетъ долго, по причинѣ глубокой его старости, рѣшилось составить сеймъ для избранія ему преемника и 5 іюля 1726 избрало, безъ всякаго прекословія, графа Маврикія, побочнаго сына Короля Польскаго и Курфистра Саксонскаго. Графъ присутствовалъ при семъ избраніи и согласился на него; но Польская республика тутъ же воспротивилась етому, объявивъ, что въ силу леннаго владѣнія и условія, сдѣланнаго Кетлеромъ, на случай, если домъ его угаснетъ, Курляндское Герцогство зависитъ уже прямо отъ Короля и Рѣчи посполитой Польской. Князь Меншиковъ, генералиссимусъ Русскихъ войскъ, немедѣнно послѣ вышесказаннаго избранія графа Маврикія, пріѣхалъ въ Митаву, гдѣ еще находились графъ и депутаты сейма, и полагаясь на свою силу и на имя тогдашней Царицы, старался склонить сеймъ избрать его въ наслѣдники Герцогу Фердинанду, что однакоже ему не удалось. Онъ имѣлъ нѣсколько свиданій съ графомъ Саксонскимъ; но не могъ получить отъ него того, чего желалъ, и все ето кончилось условіемъ, чтобы тотъ изъ нихъ, кто сдѣлается Герцогомъ Курляндскимъ, заплатилъ другому сто тысячъ сфимковъ.

Между тѣмъ Курляндскій сеймъ, собравшись 1727
вновь въ главной Митавской церкви, подтвердилъ свое избраніе, и графъ Саксонскій, желая поддержать оное, возвратился въ Курляндію въ маѣ 1727 года, и укрѣпился, съ небольшимъ числомъ войска, на одномъ островѣ, лежащемъ въ заливѣ Балтійскаго моря, въ одномъ лье отъ Митавы, который по мѣстоположенію своему даже неприступенъ; но князь Меншиковъ отправилъ корпусъ Русскихъ войскъ, подъ начальствомъ генерала Лассія, чтобы вытѣснить графа Саксонскаго. Ласси пришедъ къ острову, послалъ сказать графу, что имѣетъ повелѣніе отъ Царицы, своей Государыни, объявить ему, чтобы онъ, ни мало не медля, выѣхалъ изъ Курляндіи. Хотя Ласси требовалъ, чтобы графъ оставилъ Курляндію чрезъ 4 дни, но онъ отправился въ тотъ же самый день. Послѣ сего Ласси велѣлъ объявить графскимъ людямъ, чтобы они сдались безъ сопротивленія, а онъ велитъ проводить ихъ до Польской границы; но вмѣсто сего, отправилъ ихъ, со всемъ ихъ и графскимъ имуществомъ, въ Ригу, гдѣ и держали ихъ нѣсколько недѣль.

Между тѣмъ Польская республика принудила своего Короля не утверждать сдѣланнаго Курляндцами избранія въ Герцоги графа Саксонскаго, и Король, хотя и противъ своей воли, принужденъ былъ сдѣлать ето, въ ожиданіи удобнѣйшаго случая помочь своему сыну. Послѣ

1727 сего, республика составила коммисію, членовъ которой я поименовалъ выше, и отправила ее въ Митаву, для переговоровъ съ Курляндскими депутатами, о присоединеніи Герцогства къ коронѣ Польской. Во тоже самое время республика объявила, на своемъ сеймѣ, графа Саксонскаго виновнымъ въ оскорбленіи Величества и врагомъ отечества.

По пріѣздѣ нѣкоторыхъ членовъ коммисіи въ Митаву, князь Меншиковъ, по ихъ требованію, велѣлъ сдать Полякамъ всѣхъ людей и вещи графа Саксонскаго, кои содержались въ Ригѣ, совершенно вопреки ихъ капитуляціи.

Курляндскіе депутаты не могли согласиться на счетъ образа правленія, который Поляки хотѣли ввести по смерти Герцога Фердинанда, и протестовали противъ всего, что сдѣлали послѣдніе. Такимъ образомъ, Польская коммисія, не произведя ничего положительнаго, кончилась въ декабрѣ 1727.

По прежде, нежели она разошлась, Россійскій Дворъ велѣлъ своимъ генераламъ, Лассію и Бибикову, объявить ей, что Царь ни какъ не допуститъ до того, чтобы Курляндія была присоединена къ Польшѣ, а требуетъ, чтобы, по силѣ особенныхъ условій, сдѣланныхъ Курляндцами съ Поляками, Герцогомъ былъ который либо изъ Германскихъ Государей.

Вотъ все, что я могъ узнать о Курляндцахъ, 1727
въ теченіе нѣсколькихъ дней, кои я пробылъ въ Митавѣ.

Изъ Нарвы я выѣхалъ 21 ноября утромъ и проѣхавъ двѣ ночи и день, наконецъ прибылъ въ Петербургъ 23 числа въ полдень. Отъ Нарвы до сего столичнаго города считается 142 версты.

На другій день, 24 ноября, я увѣдомилъ о своемъ пріѣздѣ министровъ Царскихъ и иностранныхъ Дворовъ, а поелику я принялъ титулъ только полномочнаго министра; то и обязанъ былъ сдѣлать первый визитъ членамъ регентства, и именно: государственному канцлеру графу Головкину, генералъ-адмиралу Апраксину, вице канцлеру и гофмейстеру Царскому барону Остерману, и князю Дмитрію Голицыну.

На первой аудіенціи у Его Величества былъ я 31 декабря. Рѣчь говорилъ я на кастильскомъ языкѣ, а отвѣчалъ на нее, отъ имени Царя, баронъ Остерманъ, по русски.

По окончаніи сего, оберъ-церемоніймейстеръ привелъ меня на ауденцію къ Великой Княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Тутъ рѣчь произнесъ я на французскомъ языкѣ, а баронъ Остерманъ, стоявшій при ней съ лѣвой стороны, отвѣчалъ мнѣ, по ея повелѣнію, на томъ же языкѣ.

Послѣ сего представлялся я Принцессѣ Елисаветѣ и говорилъ сй рѣчь, такжс по Француз-

1727 ски, а Ея Высочество приказала своей штатсъ-дамѣ (Camerera major), графинѣ Салтыковой, отвѣчать мнѣ, что она и исполнила на французскомъ языкѣ.

На другій день послалъ я просить позволенія представиться Герцогинѣ Мекленбургской и Герцогинѣ Параскевіи, дочерямъ Царя Іоанна, старшаго брата Петра I; но онѣ не могли исполнить моей просьбы, потому, что отъѣзжали того же дня въ Москву.

1728 Вотъ письмо, которое отправилъ я 10 января 1728 къ маркизу де ла Пазъ.

«Полагаю, что Королю, нашему Государю, весьма нужно знать въ подробности систему правленія Русской земли, которая подвергается величайшей опасности, если Богъ не отвратитъ сего, упасть опять въ прежнее свое состояніе.

«Со времени низверженія князя Меншикова, баронъ Остерманъ, гофмейстеръ Царскій и вице-канцлеръ, считался первымъ министромъ; но будучи иностранцемъ, онъ не смѣетъ ничего дѣлать по собственному своему побужденію и сносится во всемъ съ тремя другими членами регентства, поступая съ величайшею осторожностію и скрытностію. Хотя Государю не исполнилось еще 13 лѣтъ; но, какъ онъ былъ объявленъ совершеннолѣтнимъ, то никто не смѣетъ говорить ему ни о чемъ, ни подавать ему совѣтовъ. Одинъ

только Остерманъ имѣетъ надъ нимъ нѣкоторую 1728
власть; но и его замѣчанія уже не уважаются. Царь не терпитъ ни моря, ни кораблей, а страстно любитъ псовую охоту. Здѣсь въ Петербургѣ не гдѣ охотиться; но въ Москвѣ очень можно, почему никто не сомнѣвается, что пріѣхавъ туда одинъ разъ, онъ едва ли возвратится сюда, и причины, для сего приводимыя, кажутся мнѣ не неосновательными.

«Главная причина, для которой покойная Царица и Петръ I, основали здѣсь свою резиденцію, была та, чтобы имѣть всегда въ глазахъ раждающуюся морскую силу, которая была для нихъ величайшимъ наслажденіемъ, и для того, чтобы держать въ почтеніи Государей, своихъ сосѣдовъ, и именно Шведскихъ. Юный Монархъ не походитъ на нихъ: онъ ненавидитъ морскаго дѣла и окруженъ Русскими, кои не терпя отдаленія своего отъ родины, всегда толкуютъ ему ѣхать въ Москву, гдѣ жили его предки, и при етомъ выхваляютъ Московскій климатъ и множество дичи въ ея окрестностяхъ, а здѣсь климатъ не только нездоровый, но и грустный, и нѣтъ мѣстъ для охоты.

«Многіе думаютъ, что коронація совершится прежде поста, и что послѣ сего Царь возвратится сюда. Но я думаю, что етому не бывать, потому что еще ничто неготово для сего торже-

1728 ства, и купцы, поѣхавшіе въ Ліонъ, для закупки шелковыхъ и штофныхъ матерій, не могутъ воротиться прежде исхода сего мѣсяца или начала будущаго, а генералъ Лгужинскій, зять государственнаго канцлера, увѣрялъ меня, что коронація будетъ не прежде, какъ послѣ Пасхи и на вѣрное мы не воротимся прежде лѣта.

«Баронъ Остерманъ также въ отчаяніи, что плоды даннаго имъ Царю хорошаго воспитанія пропадаютъ, и что онъ самъ подверженъ ежедневно интригамъ Русскихъ, которые на каждомъ шагу разставляютъ сѣти, чтобы онъ, запутавшись въ нихъ, упалъ и погибъ. Онъ знаетъ его очень хорошо, и люди, заслуживающіе довѣріе, говорили мнѣ, что онъ рѣшится, послѣ коронаціи, отказаться отъ званія гофмейстера и просить объ отставкѣ. На сихъ дняхъ онъ занемогъ, и кровь, пущенная ему, была вся черная и почти гнилая. Болѣзнь ета сдѣлалась отъ того только, что онъ вынужденъ былъ говорить Царю о его образѣ жизни, а Его Величество, выслушавъ его, отописалъ, не сказавъ ни слова. Чрезъ нѣсколько дней онъ сталъ говорить тоже, примолвивъ, что Его Величество, самъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, велѣлъ бы отрубить ему голову, если бы онъ не представилъ ему пропасти, въ которую онъ теперь стремится, и что онъ не можетъ быть свидѣтелемъ его погибели и отказывается отъ званія

гофмейстера. Царь обнялъ Остермана и со слезами на глазахъ просилъ не оставлять его; но въ 1728
этотъ же самый вечеръ онъ принялся за прежнее.

«Чтобы лучше понять настоящее состояніе сего Двора, надобно знать, что здѣсь двѣ партіи. Первая Царская, къ которой принадлежатъ всѣ тѣ Русскіе, кои главнѣйше стремятся къ тому, чтобы выгнать отсюда всѣхъ иностранцевъ. Его партія раздѣляется на двое: одна состоитъ изъ Голицыныхъ, другая изъ Долгоруковыхъ, какъ я объясню послѣ. Вторая партія называется Великой Княжны, сестры Царской, и къ ней принадлежатъ: баронъ Остерманъ, графъ Левенвольдъ и всѣ иностранцы. Цѣль сей партіи состоитъ въ томъ, чтобы поддерживать себя противъ Русскихъ милостію и покровительствомъ Великой Княжны, которую Царь по сіе время весьма много уважаетъ. Левенвольда ненавидятъ, не только Русскіе, но и всѣ честные люди, а прискорбнѣе всего то, что Остерманъ очень любитъ такого человѣка, котораго всячески стараются отдалить отъ Двора.

Но болѣе всѣхъ довѣренности Царь имѣетъ къ Принцессѣ Елисаветѣ, своей тетѣ, которая отличной красоты и ведетъ себя очень благоразумно. Она уважаетъ Остермана и обращается съ нимъ ласково.

Его Величество также очень любитъ молодаго

1728 князя Долгорукаго, Ивана Алексѣевича, который, по́ молодости своей, угождаетъ ему во всемъ, и потому нельзя сомнѣваться въ томъ, чтобы онъ не остался главнѣйшимъ фаворитомъ и не свергъ, со временемъ, барона Остермана и всѣхъ другихъ; какъ ни старались удалить сего Долгорукаго: но, по сіе время, сдѣлать этого не могли. Онъ сынъ князя Алексѣя Долгорукаго, втораго гофмейстера Царскаго. Князь Иванъ служитъ камергеромъ и пользуется такою довѣренностію, что не оставляетъ Царя ни на минуту и даже спитъ въ одной съ нимъ комнатѣ. И отецъ́ содѣйствуетъ много къ доставленію Царю удовольствій; имъ удалось бы уже удалить Остермана, если бы Русскіе вельможи были согласны между собою.

«Голицыны и Долгоруковы суть главнѣйшіе и сильнѣйшіе изъ всѣхъ Русскихъ бояръ; но съ нѣкотораго времени они враждуютъ между собою; если которому изъ нихъ вздумается посадить въ министерство кого изъ своихъ, другіе тотъ же часъ противятся этому, такъ что иные думали, что не могши согласиться на сей счетъ, они прибѣгнутъ къ третьему, и именно къ барону Шафирову. Сей послѣдній имѣлъ одну должность съ Остерманомъ и былъ любимцемъ покойнаго Царя; теперь онъ живетъ въ ссылкѣ въ Москвѣ, гдѣ также находится Царица, бабка нынѣшняго Царя, у которой Шафировъ бываетъ каждый день,

а какъ нѣтъ сомнѣнія, чтобы она не получила 1728
большаго вѣса въ правленіи, когда Дворъ пріѣдетъ въ Москву; то, многіе зная, какъ много она ненавидитъ иностранцевъ, думаютъ, что она низвергнетъ Остермана и на его мѣсто посадитъ Шафирова. Но какъ скоро здѣсь узнали, что онъ безпрестанно бываетъ у Царицы; то догадались о его замыслѣ и послали къ нему повелѣніе отправиться въ Архангельскъ, прежде даже пріѣзда Двора въ Москву.

«Хотя Шафировъ человѣкъ съ способностями и чрезвычайно искусный въ дѣлахъ; но удаленіе Остермана было бы невозвратимою потерею для нашего союза. Самые враги Остермана не могутъ упрекнуть ему въ томъ, чтобы онъ худо служилъ своему Государю, чтобы давалъ ему дурные совѣты и дозволялъ кому либо подкупать себя подарками или деньгами; на него нападаютъ только за то, что онъ очень друженъ съ Левенволдомъ, какъ я сказалъ выше, и что дозволяетъ Царю дѣлать все, что ему угодно, не останавливая его ни въ чемъ. Что касается до первой статьи, то обвинители его правы; но неправы въ послѣдней: ибо въ етомъ онъ ни мало не виноватъ, и ежели его представленія не имѣли того дѣйствія, какого бы отъ нихъ ожидать надлежало, то въ етомъ виноваты сами же Русскіе, которые не помогали ему и не помогаютъ

1728 надлежащимъ образомъ; они такъ его ненавидятъ, что готовы обратить въ преступленіе самые лучшіе его дѣла. Не смотря на все ето, да не подумаетъ Король, чтобы Остерманъ былъ совершенный человѣкъ: онъ ленивъ, и готовъ сдѣлать все, чтобы достичь своей цѣли; не имѣетъ религіи, по тому что три раза уже мѣнялъ ее, и чрезвычайно коваренъ; но ето такой человѣкъ, въ которомъ мы имѣемъ нужду и безъ котораго не сдѣлаемъ здѣсь ничего.

«Русскіе боятся большой власти, которую Принцесса Елисавета имѣетъ надъ Царемъ: умъ, способности и искуство ея, пугаютъ ихъ; по етому, имъ хочется удалить ее отъ Двора, выдавъ ее за мужъ. Хотя его трудновато, однакоже можетъ сдѣлаться, если начатые о семъ переговоры кончатся удачно. Графъ Маврикій Саксонскій не оставилъ своихъ притязаній и своей надежды, и зная, что Русскій Дворъ никогда не допуститъ присоединенія Курляндіи къ Польшѣ, онъ держитъ здѣсь тайно довѣреннаго человѣка для ходатайства по его дѣламъ, кои идутъ хорошо. Одно изъ главнѣйшихъ его предложеній состоитъ въ томъ, чтобы вступить въ бракъ съ Принцессою Елисаветою, а какъ величайшее желаніе Русскихъ состоитъ въ удаленіи Принцессы отъ Двора, : къ чему присовокупляется и выгода, что Курляндія не будетъ присоединена къ Польшѣ; то они и

приняли благосклонно предложеніе графа, и сто 1728
дѣло идетъ такъ хорошо, что теперь думаютъ пригласить его въ Москву; хотя еще не рѣшено, исполнить ли сіе предложеніе или нѣтъ; ето хранится въ величайшей тайнѣ, и я, не безъ труда, могъ узнать о томъ. Такимъ образомъ, я не сомнѣваюсь, чтобы графъ Морицъ не успѣлъ въ своемъ исканіи, а Русскіе, вмѣстѣ съ тѣмъ, достигнутъ до своего желанія удалить Принцессу.

«Имъ хочется сдѣлать тоже и съ Великою Княжною и, сыскать ей хорошего жениха; но ето очень трудно, по тому что найдется мало государей, кои захотѣли бы искать себѣ невѣсты въ Москвѣ. Русскіе были бы очень рады помѣняться съ Пруссіею, заставя Царя жениться на старшей дочери Его Прусскаго, Величества и выдавъ за Королевскаго Принца Прусскій Великую Княжну; но я не думаю, чтобы Король Прусскій согласился на ето; ибо все его желаніе состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать мѣну съ своякомъ своимъ Королемъ Англинскимъ.

«Теперь появляется новый фаворитъ, графъ Бутурлинъ, зять Фелдмаршала князя Голицына, и всѣ враги дома Долгоруковыхъ стараются ввести его въ милость у Царя; но меня увѣряли что Бутурлинъ помиритъ обѣ партіи, Голицыныхъ и Долгоруковыхъ, и если ето правда, то

1728 Остерманова партія погибнетъ безвозвратно, да и самъ онъ падетъ непремѣнно.

«Вотъ состояніе, въ которомъ теперь находится Дворъ и министерство; но я не ручаюсь, что бы черезъ недѣлю не случилось чего нибудь совершенно противнаго; ибо нѣтъ въ Европѣ Двора непостояннѣе здѣшняго.«

1729 Января 12, въ новый годъ по старому стилю, я поднесъ Царю очень хорошее ружье работы Діега Искибеля, которое ему очень понравилось, и когда я пріѣхалъ во дворецъ съ поздравленіемъ, то онъ приказалъ мнѣ остаться обѣдать съ нимъ, милость, каковой онъ не оказывалъ ни одному иностранному министру. За столомъ онъ былъ ко мнѣ очень благосклоненъ и пилъ за здравіе Короля, моего Государя, на что я отвѣчалъ бокаломъ вина, которое я выпилъ за здравіе Его Царскаго Величества, обратясь съ онымъ къ Принцессѣ Елисаветѣ.

Января 17, а по старому стилю 6, день Крещенія, былъ обрядъ водоосвященія на рѣкѣ. Гвардія и весь Петербуржскій гарнизонъ выстроились на Невѣ, гдѣ было устроено зданіе аркамп, а въ немъ прорубь съ ступенями до самой воды. Его Величество вышелъ изъ дворца въ 11 часовъ, и прибывъ къ рѣкѣ сталъ, въ первый разъ, передъ Преображенскимъ полкомъ, котораго онъ былъ полковникомъ, послѣ чего пошелъ

въ Троицкую церковь, гдѣ обѣдню служилъ ар- 1729
хіепископъ Коломенскій съ двумя другими епи-
скопами. По окончаніи божественной службы,
Его Величество пришелъ опять къ своему полку
и сталъ передъ нимъ съ еспонтономъ въ рукѣ, а
духовенство все, въ процессіи, пришло къ мѣсту
водоосвященія, которое совершилъ архіепископъ
Коломенскій. По окончаніи сего обряда, все вой-
ско сдѣлало залпъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была пу-
шечная пальба съ крѣпости, и Царь велъ свой
полкъ, съ еспонтономъ въ рукѣ, до самаго дворца.

Января 20, Его Царское Величество отправил-
ся, со всемъ своимъ Дворомъ, въ Москву, и про-
ѣзжая чрезъ Новгородъ и Тверь, пробылъ по од-
ному дню въ каждомъ изъ сихъ городовъ. По-
всюду принимали его съ восторгомъ.

Я выѣхалъ изъ Петербурга въ Москву 5 февра-
ля, въ 4 часа по полудни, вмѣстѣ съ Польскимъ
посланникомъ и его супругою.

Февраля 11 мы отправились изъ Клина, въ 4
часа утра, и въ 1 часъ пріѣхали въ небольшое
селеніе Черной-ямъ, гдѣ и обѣдали. Тамъ мы на-
шли вдовствующую герцогиню Курляндскую, ко-
торая очень обласкала насъ. Желая пріѣхать въ
Москву пораньше, до которой отсюда считается
только 25 верстъ, мы не долго сидѣли за сто-
ломъ, и не останавливались нигдѣ, пріѣхали туда
благополучно въ 7 часовъ вечера.

1729 Царь пріѣхалъ въ Москву 30 января; но не въѣзжалъ еще торжественно, по причинѣ простуды, которая причинила ему боль въ груди. Его Величество остановился въ загородномъ домѣ княгини Грузинской, въ 7 верстахъ отъ Москвы. И Великая Княжна также занемогла; на ней показалась сыпь, похожая на корь.

Царь, немедленно по пріѣздѣ своемъ, отправился инкогнито къ своей бабкѣ, которая жила въ одномъ монастырѣ и никогда еще не видѣла его. Не безполезно будетъ, если я о ней скажу нѣсколько словъ.

Царица, бабка Царская, происходитъ изъ дома Лопухиныхъ, одного изъ древнѣйшихъ въ Россіи. Петръ I женился на ней въ 1689 году и она родила ему Царевича Алексѣя, умершаго въ 1718 году и оставившаго послѣ себя сына, нынѣ владѣющаго Государя. Они жили очень согласно между собою до тѣхъ поръ, пока ненависть Царицы къ иноземцамъ и ко всѣмъ обычаямъ Европейскимъ, кои Царь очень любилъ, не произвела между ими охлажденія, такъ что Петръ наконецъ удалилъ ее въ монастырь, а вскорѣ потомъ въ Шлюссельбурскую крѣпость, гдѣ она и оставалась до кончины Царицы Екатерины. Внукъ ея, вступивъ на престолъ, перевелъ ее въ одинъ изъ Московскихъ монастырей; но она ни-

когда не была пострижена, хотя Царь, супругъ 1729
ея, и принуждалъ ее къ тому*).

Такимъ образомъ Петръ II пріѣхалъ къ ней; но она что-то ему не понравилась, и потому онъ не имѣлъ къ ней довѣренности, хотя она и ласкалась стою надеждою по причинѣ большаго ея желанія властвовать. Не смотря однакоже на ето, онъ назначилъ ей на содержаніе по 60 тысячь рублей въ годъ и отвелъ ей комнаты во дворцѣ съ услугою. Когда я видѣлъ ее, она была уже старухою; но меня увѣряли, что она была отличной красоты.

Черезъ день по пріѣздѣ моемъ, я былъ съ визитомъ у герцогини Курляндской, которая жила не далеко отъ меня и приняла меня очень ласково.

Царь, освободясь отъ болѣзни, въѣхалъ торжественно въ Москву 15 февраля.

Февраля 19, Его Величество назначилъ въ члены верховнаго совѣта князя Василія Долгорукаго, который былъ посломъ во Франціи, и князя Алексѣя Долгорукаго, своего втораго гофмейстера, и такимъ образомъ совѣтъ составился изъ шести членовъ, вмѣсто прежде бывшихъ четырехъ.

Изъ депеши моей къ Королю, моему Государю, отъ 10 января, видѣли, что въ Россіи были

*) На противъ, она была дѣйствительно пострижена и въ иночествѣ перемѣнила имя Евдокіи на Елену. *Яз.*

1729 двѣ партіи: Голицынская и Долгоруковская. По пріѣздѣ Двора въ Москву, баронъ Остерманъ присталь къ Долгоруковымъ, и тѣмъ много содѣйствовалъ къ сопротивленію Голицынской партіи, которая бывъ открытымъ врагомъ иноземцевъ и иностранныхъ обычаевъ, хотѣла отдалить Остермана и заставить Царя остаться въ Москвѣ, возвратиться къ старинным Русскимъ обычаямъ, и отказаться отъ роли, которую Великій Петръ I сталъ играть въ свѣтѣ.

Февраля 22, Его Величество пожаловалъ князя Ивана Долгорукаго, своего любимца, въ оберъ-камергеры и въ тотъ же день возложилъ на него орденъ Св. Андрея. Вторый его любимецъ, графъ Бутурлинъ, произведенъ въ генералы и назначенъ прапорщикомъ въ кавалергардскій корпусъ.

За нѣсколько до сего дней получилъ я повелѣніе отъ Короля, моего Государя, просить Царя о принятіи въ свою службу г. Кейта, брата графа, наслѣдственнаго маршала Шотландіи. Сей Кейтъ 9 уже лѣтъ имѣлъ въ Испаніи чинъ полковника; но оставался безъ полка, по тому что былъ не католическаго вѣроисповѣданія. Его Царское Величество такъ былъ милостивъ, что тотъ же часъ велѣлъ принять его въ свою службу съ чиномъ и жалованьемъ генералъ-майора.

Марта 1, Царица, бабка Царская, была въ пер-

вый разъ у Его Величества; но юный Государь, 1729
боясь, чтобы она не стала говорить съ нимъ о дѣлахъ государственныхъ, сдѣлалъ такъ, что не оставался съ нею на единѣ, и хотя обращался съ нею весьма вѣжливо, однако же не допустилъ ее говорить ни о чемъ.

Марта 7 совершилась коронація Его Величества.

Марта 9, чужестранные министры получили приглашеніе, отъ имени Его Величества, пріѣхать вечеромъ на Царицынъ лугъ, гдѣ былъ фейерверкъ и балъ.

Марта 10, Его Величество велѣлъ кормить народъ на большой дворцовой площади, гдѣ были сдѣланы два большихъ фонтана, одинъ съ краснымъ, а другой съ бѣлымъ виномъ.

Марта 11, Его Величеству угодно было почтить домъ мой и ужинать у меня. Я принялъ его такъ великолѣпно, какъ только могъ: у меня было накрыто три стола, по двадцати кувертовъ на каждомъ, а до ужина и послѣ ужина былъ большой концертъ. Вотъ все, что я могъ сдѣлать, смотря по малому времени, которое имѣлъ для пріуготовленія къ сей чести: ибо Его Величество приказалъ увѣдомить меня только на канунѣ. Царь пробылъ у меня за часъ по полуночи, а за столомъ просидѣлъ слишкомъ полтора часа, чему всѣ удивились, по тому что онъ остается за сто-

1729 ломъ, обыкновенно, не болѣе четверти часа. Въ сту ночь опорожнили у меня почти 500 бутылокъ вина.

Я забылъ сказать, что въ день коронаціи, Царь произвелъ въ генералъ-фелдмаршалы князя Трубецкаго, и генерала князя Долгорукаго, который командовалъ войсками въ Персіи, да еще четверыхъ въ генералъ-лейтенанты.

Марта 13 получено извѣстіе, что Герцогиня Голштейнъ-Готторпская разрѣшилась отъ бремени Принцемъ, и по сему случаю былъ, на другій день 14 числа, во дворцѣ балъ, на который приглашенъ былъ я со всѣми чужестранными министрами.

Марта 17, баронъ Абихедаль, оберъ-церемоніймейстеръ, былъ у меня и, послѣ длиннаго предисловія, сказалъ мнѣ съ величайшею довѣренностію, что онъ желалъ бы поговорить со мною объ одномъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы оно осталось между нами: Дѣло состояло въ томъ, что онъ спросилъ меня: буду ли я доволенъ, ежели Его Величество пожалуетъ мнѣ орденъ Св. Андрея, и можетъ ли носить сей орденъ тотъ, кто имѣетъ уже орденъ золотаго руна? На сто я отвѣчалъ, что всѣ знаки отличія, которыми угодно будетъ Его Величеству меня удостоить, я приму за величайшую для себя честь; но просить о томъ никогда не стану. Что же касается до второй статьи,

то я могу его увѣрить, что золотое руно не мѣ- 1729
шаетъ другимъ орденамъ, по тому что Король, мой Государь, получилъ отъ Папы разрѣшеніе, что бы кавалеры сего ордена могли получать и другіе, и что теперь у насъ болѣе 20 кавалеровъ руна носятъ и другіе ордена.

Почти въ тоже самое время получилъ я оффиціальную депешу отъ маркиза де ла Паэъ, которою онъ увѣдомилъ меня, именемъ Короля, что какъ бракосочетаніе Принца Астурійскаго съ Инфантою Португальскою, и Принца Бразильскаго съ нашею Инфантою Донною Маріяною Викторіею, уже заключено; то Его Величество повелѣваетъ мнѣ торжествовать оба сіи бракосочетанія особеннымъ праздникомъ. Въ слѣдствіе сего я рѣшился объявить Царю о семъ событіи, и просилъ аудіенціи, которую и назначили 28 числа въ три часа по полудни. На сей аудіенціи я говорилъ Царю рѣчь, отъ имени Короля, моего Государя, и Его Величество отвѣчалъ мнѣ съ изъясненіемъ величайшаго дружественнаго расположенія къ Королю.

По выслушаніи сего отвѣта я хотѣлъ удалиться; но баронъ Остерманъ сказалъ мнѣ, чтобы я подошелъ къ Царю, который желаетъ украсить меня своимъ орденомъ Св. Андрея, въ ознаменованіе добраго извѣстія, отъ меня полученнаго и уваженія къ моей особѣ. Тутъ князь Иванъ

1729 Долгоруковъ, оберъ-камергеръ, подпесъ Его Величеству знаки ордена на вызолоченномъ серебреномъ блюдѣ, и Его Величество, взявъ ихъ, возложилъ на меня. Признаюсь, что манера и случай, которымъ воспользовался Его Величество оказать мнѣ ету милость, заставили меня принять сей орденъ съ величайшею благодарностію; ибо, клянусь, что хотя оберъ-церемоній-мейстеръ и говорилъ мнѣ о томъ за нѣсколько дней; но я ни мало не думалъ, чтобы ето случилось въ сей день. По принесеніи мною благодарности, Его Величество приказалъ мнѣ остаться обѣдать съ нимъ: ему угодно было почтить меня, безъ всякой со стороны моей заслуги.

Апрѣля 1, Его Величество изволилъ пожаловать ко мнѣ обѣдать со всѣми кавалерами ордена Св. Андрея и министрами верховнаго совѣта. У меня было накрыто три стола, за которыми служили въ одно время, да сверхъ того столъ для солдатъ и служителей, бывшихъ при Его Величествѣ. Мы выпили слишкомъ 600 бутылокъ вина. Его Величеству угодно было остаться у меня до 6 часовъ; онъ былъ очень веселъ и очень доволенъ.

Въ половинѣ Апрѣля дошло даже до самаго Царя какое-то писаніе, не извѣстно кѣмъ сочиненное, въ которомъ оправдывался князь Меншиковъ и восхвалялись великія способности и умъ сего

несчастнаго министра. Писаніе заключалось тѣмъ, 1729
что ежели не призовутъ его опять, то дѣла никогда не пойдутъ хорошо. Очевидно было, что ета бумага была писана самимъ княземъ, или кѣмъ либо изъ преданныхъ ему. По етому произведенъ былъ строгій розыскъ и изданъ Царскій указъ, которымъ обѣщана была большая награда тому, кто откроетъ сочинителя. Въ слѣдствіе сего узнали, что духовникъ Царицы бабки получилъ тысячу ефимкомъ за то, чтобы онъ постарался ввести его въ милость Царицы. Духовника взяли тотчасъ къ допросу и какъ онъ признался въ своемъ преступленіи, то его наказали строго, а Меншикова отправили на Березовый островъ у Ледовитаго моря, въ 10 тысячахъ верстахъ отъ Москвы. Свояченица его Варвара была сослана въ какій-то монастырь, на границѣ Персидской, а другая его свояченица, жившая въ Москвѣ, была взята, и уже хотѣли было ее пытать; но какъ она призналась во всемъ, чего отъ нее требовали, то и оставили ее только въ заключеніи. За нѣсколько дней до сего произшествія, княгиня Меншикова умерла съ печали отъ несчастія своего мужа, котораго сказанное писаніе повергло сще въ большее; ибо, если бы онъ, или его друзья, не сдѣлали етого: то, я думаю, что ему позволили бы жить спокойно въ Оренбургѣ.

1729 Мая 2, по старому стилю, день Пасхи, всѣ мы чужестранные министры пріѣхали во дворецъ для поздравленія Царя, и Его Величество заставилъ насъ выпить по рюмкѣ вина за свое здоровье; тоже самое было и въ комнатахъ обѣихъ Принцессъ.

Баронъ Остерманъ, заботившійся только о томъ, чтобы держать Русское царство въ томъ положеніи, въ которомъ оставилъ его Петръ I, желалъ, чтобы Дворъ возвратился въ Петербургъ, гдѣ Царь можетъ гораздо лучше знать все то, что дѣлается въ свѣтѣ. Но сто не нравилось Русскимъ, которые занимались болѣе своими, нежели государственными дѣлами, старались удерживать его въ Москвѣ, чтобы быть по ближе къ своимъ домамъ и деревнямъ. И дѣйствительно, при помощи князя Ивана Долгорукаго, Царскаго фаворита, они склонили Остермана на то, чтобы Дворъ возвратился въ Петербургъ не прежде зимы, а чтобы заставить Царя еще болѣе полюбить Москву, то его возили по ближайшимъ загороднымъ домамъ, забавляя его безпрестанно псовою охотою, которую онъ любилъ чрезвычайно, и твердя о величайшей разности климата Московскаго и Петербуржскаго. И въ самомъ дѣлѣ они говорили правду, по тому что пѣтъ земли и климата лучше Московскаго.

Именно въ ето самое время обнаружилась не-

нависть князя Долгорукаго фаворита, къ барону 1729
Остерману, къ которому Царь имѣлъ еще нѣкоторое уваженіе. Она простиралась до того, что однажды онъ велѣлъ мнѣ сказать, безъ всякихъ околичностей, что ежели я люблю Остермана болѣе, нежели его, то онъ сдѣлается мнѣ явнымъ врагомъ.

Каждый легко пойметъ, что такое признаніе требовало отъ меня величайшей осторожности; но, по счастію, я остался въ согласіи съ обоими, отвѣчавъ фавориту, что мнѣ не льзя не бывать часто у Остермана по дѣламъ моего посольства, какъ у министра, который назначенъ вести переговоры съ чужестранными, и въ тоже время я далъ почувствовать Остерману, что пріязнь моя къ Долгорукову происходитъ отъ того, что мнѣ очень хочется угодить Царю, который любитъ Долгорукаго. Симъ я успокоилъ обоихъ и могу сказать, что тотъ и другій остались мнѣ хорошими пріятелями.

Мая 18, въ день возшествія Царскаго на престолъ, былъ большій съѣздъ ко Двору для принесенія поздравленія Великой Княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Ея Высочество сдѣлала мнѣ честь приказавъ мнѣ остаться обѣдать у нее и за столомъ была весьма милостива ко мнѣ.

Здоровье ея было не очень въ хорошемъ состояніи: врачи думали, что у нее чахотка, и въ

1729 слѣдствіе сего лѣчили ее такъ, какъ будто у нее была грудная болѣзнь. Но не чахотка была причиною ея болѣзни, и только одинъ врачь могъ ее вылѣчить, именно братъ ея. Его Величество по возшествіи своемъ на престолъ, имѣлъ такую довѣренность къ своей сестрѣ, что дѣлалъ для нее все, и не могъ ни минуты оставаться безъ нее. Они жили въ величайшемъ согласіи и Великая Княжна давала удивительные совѣты своему брату, хотя только однимъ годомъ была старѣе его. Мало по малу однакоже Царь, привязался къ своей теткѣ, Принцессѣ Елисаветѣ, а фаворитъ его и другіе придворные, кои не любили Великой Княжны за то, что она уважала Остермана и благоволила иностранцамъ, всячески старались выхвалять Принцессу, которая не любила своей племянницы, и сдѣлали то, что чрезъ полгода Царь не говорилъ уже съ ней ни о какихъ дѣлахъ, и слѣдственно, не имѣлъ къ ней ни какой болѣе довѣренности. Великая Княжна, у которой душа была превосходнѣйшая, чрезвычайно страдала отъ того, что братъ удалился отъ нее, и ето страданіе усугублялось еще тѣмъ, что тетка со всемъ перестала ходить къ ней и обращалась съ нею весьма холодно. Вотъ настоящая причина ея болѣзни, и грусть ея была такъ велика, что она впала въ изнурительную лихорадку, которая чуть было не свела ее въ моги-

лу; но крѣпкое ея тѣлосложеніе и молодость 1728
избавили ее отъ сей опасности.

Царь пробылъ нѣсколько недѣль въ подмосковныхъ; но возвратился 30 числа и на другій день сдѣлалъ смотръ обоимъ гвардейскимъ полкамъ. Онъ пригласилъ меня на сей смотръ и я остался довольнымъ екзерциціею сихъ полковъ.

Іюня 2 поѣхалъ я къ барону Остерману и очень удивился найдя у него фаворита Долгорукаго и отца его. Они замѣтно смутились при моемъ входѣ, по чему я счелъ приличнымъ сократить мое посѣщеніе и посидѣвъ немного откланялся, съ большимъ жеданіемъ узнать, за чемъ они пріѣзжали.

Я узналъ ето на другій день отъ самаго фаворита, къ которому я заѣхалъ. Онъ сказалъ мнѣ, что пробылъ у Остермана болѣе четырехъ часовъ, что Остерманъ, со слезами на глазахъ, просилъ его о дружбѣ, увѣрял, что онъ никогда и ничего не будетъ дѣлать безъ его согласія и будетъ говорить съ Царемъ не иначе, какъ при немъ; что послѣ сего они разговаривали о здоровьѣ Царскомъ, условясь, чтобы впредь всегда ѣздилъ за городъ съ Его Величествомъ врачъ, и что наконецъ они говорили о домашнихъ дѣлахъ. Онъ примолвилъ, что нелюбитъ и никогда не будетъ любить Остермана. Бесѣду нашу прекратилъ присланный отъ Царя звать Долгорукаго къ себѣ.

1728 Іюня 4 получено извѣстіе о кончинѣ Герцогини Голштинской, которая безъ прекословія была первою красавицею въ Европѣ. Русскихъ мало опечалило ето горестное извѣстіе, да и самъ Царь не грустилъ, однако же велѣлъ надѣть трауръ на три мѣсяца. Герцогиня была дочерью Петра I и покойной царицы Екатерины, и вышла за Герцога Голштейнъ-Готторпскаго въ 1725 году.

Царь пробывъ въ Москвѣ только два дни, уѣхалъ опять за городъ; но фаворитъ велѣлъ мнѣ сказать, что когда я назначу день своего праздника; то увѣдомилъ бы его и онъ уговоритъ Его Величество быть на немъ.

Іюня 23 получилъ я письмо отъ маркиза де ла Пазъ, который далъ мнѣ знать, что Его Величество Король, нашъ Государь, совершенно одобряетъ то, что я принялъ Андреевскій орденъ и повелѣваетъ мнѣ благодарить Царя, именемъ Его Величества, за отличіе, мнѣ оказанное.

Приготовивъ все для праздника, который я долженъ былъ дать по случаю сугубаго бракосочетанія, я отправилъ нарочнаго къ фавориту съ просьбою доложить о семъ Царю и просить его о назначеніи дня. Мнѣ отвѣчали, что Его Величество назначилъ 27 число, и что онъ возвратится въ Москву единственно для того, чтобы быть на моемъ праздникѣ; и что я могу пріѣхать

туда, гдѣ теперь находится Его Величество, для 1728
формальнаго приглашенія. Я очень былъ доволенъ симъ знакомъ милости, по тому, что никому не давалось позволенія видѣть Его Величество, когда онъ занимался охотою съ избраннымъ обществомъ.

Въ слѣдствіе сего я отправился въ подмосковную фаворита, Горенки, гдѣ находился Царь, и Его Величество принялъ меня съ отличнымъ благоволеніемъ. Пригласивъ его фармально на свой праздникъ и отобѣдавъ съ нимъ, я рано возвратился въ Москву для приглашенія Принцессъ.

Его Величество пріѣхалъ въ городъ въ ту же самую ночь.

Наконецъ 27 числа, я далъ свой праздникъ и, по мнѣнію общему, онъ былъ лучше всѣхъ, какіе только бывали въ Россіи. Балъ длился до 3 часовъ утра, и Царь уѣхалъ съ величайшимъ удовольствіемъ съ моего праздника, который стоилъ мнѣ 6.979 рублей, или 2.000 испанскихъ пистолей.

Іюля 10, по старому стилю, день св. Петра, тезоименитства Царскаго. Я пріѣхалъ во дворецъ съ графомъ Вратиславскимъ и Царь приказалъ намъ остаться обѣдать за его столомъ.

Столъ кончился почти въ 5 съ половиною часовъ, и какъ намъ сказали, что въ ето же самое

1728 время начнется балъ, то мы и остались тамъ въ бесѣдѣ съ барономъ Остерманомъ и княземъ Василіемъ Долгоруковымъ. Вскорѣ приѣхалъ графъ Ягужинскій сказать, что меня зоветъ къ себѣ фаворитъ и провелъ меня до его комнатъ, гдѣ я нашелъ Фелдмаршала Долгорукаго, съ которымъ и познакомился. Мы попили порядочно.

Сегодняшній балъ продолжался до двухъ часовъ утра и Царь обращался со мною благосклоннѣе обыкновеннаго такъ, что весь Дворъ замѣтилъ сто.

Въ тотъ же день простили барона Шафирова и позволили ему пріѣхать ко Двору поцѣловать руку у Царя. Онъ былъ любимцемъ Петра I и вице-Канцлеромъ; но нѣсколько уже лѣтъ находился въ опалѣ, бывъ лишенъ всѣхъ чиновъ и ордена св. Андрея. Остерманъ, который очень его боялся, по причинѣ большихъ его способностей, всегда сопротивлялся его прощенію; но Долгоруковы, которыми онъ былъ съ родни, успѣли помочь ему съ тѣмъ однако же, чтобы онъ оставался безъ должности и имѣлъ бы только счастіе видѣть своего Государя. Впрочемъ, все дѣло состояло единственно въ томъ, что бы навести страхъ на Остермана.

Іюля 22 Царь возвратился въ Москву по случаю дня рожденія своей сестры, Великой Княжны, и для того, чтобы принять отъ графа Вра-

тиславскаго двѣ богатыя кареты, присланныя въ 1728
даръ Царю отъ Императора.

Іюля 25, по окончаніи пріема каретъ, мы были у руки Великой Княжны и тотъ же часъ сѣли за ужинъ съ Его Величествомъ и Принцессами, послѣ чего танцовали до перваго часа по полуночи.

Въ сей же день, Царь возвратилъ фельдмаршалу Долгорукову чинъ подполковника гвардіи, котораго, какъ и всѣхъ прочихъ, онъ былъ лишенъ Петромъ I, за то, что онъ присталъ къ его сыну, отцу нынѣшняго Государя, умершему въ 1718 году.

Въ тотъ же день, Его Величество пожаловалъ орденъ Св. Александра Невскаго гофъ-маршалу Шепелеву и Статскому Совѣтнику Наумову.

Іюля 31 пріѣзжалъ ко мнѣ фаворитъ Долгоруковъ. На изъясненіе мое о необходимости и послѣдствіяхъ возвращенія въ Петербургъ, онъ увѣрялъ меня, что и онъ самъ желаетъ уговорить къ тому Царя; но какъ его родитель и другіе всѣ стараются удержать Царя въ Москвѣ; то ему не хочется, что бы кто либо зналъ о его намѣреніи и даже съ Остерманомъ онъ не будетъ говорить о томъ. Наконецъ, онъ обѣщалъ мнѣ склонить на то Царя, какъ скоро выпадетъ столько снѣга, что бы можно было ѣхать на полозьяхъ; но просилъ содержать ето въ тайнѣ, что я ему и обѣщалъ. Такимъ образомъ мы разстались.

1728 Въ началѣ августа, фаворитъ Долгоруковъ, и баронъ Остерманъ, бывшіе явными между собою врагами, помирились. Не мало содѣйствовалъ етому и я, хлопотавъ о семъ слишкомъ четыре мѣсяца. Со стороны Остермана я не нашелъ ни малѣйшаго сопротивленія; но очень трудно было уломать фаворита. Онъ имѣлъ врожденное отвращеніе къ Остерману, которое поддерживали родственники и соотчичи, не желавшіе между ими согласія, по тому, что Остерманъ былъ неспособенъ давать ему, подобно имъ, дурные совѣты, и по етому всячески старались побуждать его къ низверженію Остермана. Но наконецъ фаворитъ попялъ, что для него нужно жить въ ладахъ съ симъ просвѣщеннымъ министромъ и по тому онъ присталъ къ нему и не дѣлалъ ничего не посовѣтовавшись прежде съ нимъ.

Въ етоже время возвращено имѣніе всѣмъ тѣмъ, у которыхъ оно было конфисковано Петромъ I, за участіе ихъ въ дѣлѣ Царевича, родителя нынѣшняго Государя. Ету милость исходатайствовалъ Фелдмаршалъ Долгоруковъ, который и самъ въ то время попалъ въ опалу; но Екатерина I, возвратила ему и честь и чины. Теперь онъ въ великой милости у Царя, который ему ни въ чемъ не отказываетъ.

Августа 29, я имѣлъ честь крестить съ Великою Княжною дочь одного придворнаго контро-

лера, а какъ здѣсь въ обычаѣ дарить куму; то я 1728
поднесъ Ея Высочеству табакерку, осыпанную бриліянтами, цѣною въ 500 Испанскихъ пистолей или въ 1750 рублей.

Сентября 6, день Св. Наталіи, имянины Великой Княжны. По сему случаю былъ при Дворѣ праздникъ, состоявшій, какъ и прежде, изъ ужина, бала и фейеверка.

Сего же дня получилъ орденъ Св. Александра Невскаго генералъ-лейтенантъ Балкъ.

На семъ праздникѣ всѣ замѣтили величайшую перемѣну въ обращеніи Царя съ Принцессою Елисаветою: прежде онъ безпрестанно говорилъ съ нею, а теперь не сказалъ ей ни одного слова и даже упалъ не простившись. Настоящей причины сей перемѣны я не знаю, а разнымъ слухамъ, разсѣваемымъ ея врагами, вѣрить не льзя.

Сентября 9, я долго бесѣдовалъ съ княземъ Фаворитомъ. Въ сильныхъ выраженіяхъ говорилъ я ему противъ всего того, что Англичане могли бы затѣять во вредъ нашего союза, и склонилъ его къ тому, что онъ обѣщалъ мнѣ убѣдить Государя твердо держаться своихъ условій, не внимая ни какимъ противнымъ предложеніямъ. Послѣ сего я долго уговаривалъ его о продолженіи дружбы съ Барономъ Остерманомъ, доказывал, что ежели они будутъ жить согласно между собою; то тѣмъ лучше могутъ служить Госу-

1728 дарю, и тѣмъ сильнѣе могутъ противиться своимъ врагамъ. Онъ мнѣ обѣщалъ его.

Немедленно послѣ сего, я сталъ говорить ему о нашемъ возвращеніи въ Петербургъ, а онъ сказалъ, что уже два раза заговаривалъ о томъ Государю, и надѣется, что около зимы мы отправимся туда; но между тѣмъ однако же, онъ въ этомъ не увѣренъ, потому что, пока еще можно будетъ охотиться, то настоятельно говорить не льзя, а какъ скоро придетъ время, онъ всячески будетъ стараться объ отъѣздѣ при первомъ выпавшемъ снѣгѣ.

По окончаніи сей политеческой бесѣды, онъ далъ мнѣ знаки ордена Св. Александра, чтобы я могъ надѣть ихъ завтра на праздникъ сего Святаго, не надѣвая уже ордена Св. Андрея, какъ то дѣлаетъ самъ Царь-и всѣ кавалеры Андреевскіе, кои вмѣстѣ съ тѣмъ и Александровскіе, точно такъ, какъ во Франціи, всѣ кавелеры ордена Св. Духа суть кавалеры и ордена Св. Михаила.

Сентября 10, всѣ кавалеры Александровскіе были приглашены во дворецъ, и по окончаніи обѣдни, мы обѣдали съ Его Величествомъ, заняв мѣста по старшинству.

Сентября 16, имянины Принцесы Елисаветы. Ея Высочество пригласила насъ въ свой дворецъ въ 4 часа по полудни, на ужинъ и на танцы. Царь пріѣхалъ не прежде, какъ къ самому ужи-

ну, и едва только онъ кончился, то уѣхалъ не 1728
дожидаясь бала, который я открылъ съ Великою Княжною. Никогда еще не показывалъ онъ такъ явно своего неблагорасположенія къ Принцессѣ, что очень ей было досадно; но она, какъ будто не замѣтивъ сего, показывала веселый видъ во всю ночь.—На стомъ балѣ потерялъ я перстень въ 2000 ефимковъ; но его нашли на другій день подмстая комнаты.

Черезъ два дня послѣ сего, Царь отправился опять на охоту за городъ и пробылъ тамъ пять недѣль. Министры послѣдовали его примѣру и такимъ образомъ въ Москвѣ остались только Великая Княжна и иностранные министры.

Октября 14 Царь возвратился въ Москву.

Октября 17, Его Величество получилъ отъ Короля Польскаго орденъ бѣлаго орла, который возложилъ на него графъ Вратиславскій.

Въ ето же время я узналъ, что графъ Вратиславскій старается женить Царя и выдать за мужъ Великую Княжну. Императору и Герцогу Блакенбургскому хотѣлось сдѣлать мѣну съ Россіею, женя Царя на дочери Герцога Брауншвейгъ-Беверискаго, а старшаго сына сего Герцога на Великой Княжнѣ. Но едва только графъ заговорилъ о томъ, то получилъ отказъ, по тому 1) что герцогиня Бевериская была сестрою матери Царской и слѣдовательно дѣти ея были

1728 двоюродными Его Величеству, по этому бракъ сей не могъ состояться, какъ совершенно противный Русской церкви, запрещающей бракосочетаніе между близкими родственниками; 2) по тому что не хотѣли Русскую Великую Княжну выдать за принца младшаго; 3) по тому что Царь не имѣлъ еще ни малѣйшаго желанія вступать въ бракъ, а болѣзнь Великой Княжны не дозволяла вступать въ переговоры о ея бракосочетаніи, до тѣхъ поръ, пока она не выздоровѣетъ отъ своей тяжкой болѣзни;

Вмѣстѣ съ симъ графъ Вратиславскій, въ слѣдствіе повелѣнія, полученнаго имъ отъ своего Двора, предлагалъ также о бракосочетаніи Принцессы Елисаветы съ маркграфомъ Бранденбургъ-Байрейтскимъ. Онъ говорилъ о томъ съ Остерманомъ, который одобрилъ сто, и обѣщалъ узнать отъ Фаворита, можно ли будетъ надѣяться успѣха.

Октября 13, день рожденія Государя, праздновали съ величайшею пышностію.

Октября 25 я представилъ Царю двѣ борзыя собаки, кои нарочно выписалъ изъ Англіи, и Его Величество такъ былъ доволенъ, какъ будто я подарилъ ему величайшую драгоцѣнность. Въ тотъ же вечеръ онъ поѣхалъ опять за городъ, сказавъ, что воротится не прежде, какъ выпадетъ первый снѣгъ.

Въ тотъ же день пріѣхалъ въ Москву Джемсъ- 1728
Кейтъ, который, какъ сказано выше, по желанію Короля, моего Государя, былъ принятъ въ Русскую службу съ чиномъ генералъ-майора. Давно уже мы были искренними друзьями, и какъ онъ пріѣхалъ прямо изъ Мадрида; то разсказалъ мнѣ много такого, чего я не зналъ.

Въ ноябрѣ болѣзнь Великой Княжны дошла до того, что и сами врачи признались въ невозможности ея изцѣленія. Въ слѣдствіе сего отправили къ Царю курьера, и онъ пріѣхалъ въ Москву 18 числа.

Ноября 19 врачи предписали Великой Княжнѣ пить женское молоко, какъ единственное средство, которое можетъ спасти ее, и которое предлагалъ я слишкомъ за четыре мѣсяца до сего.

Ноября 21 умеръ великій адмиралъ Апраксинъ, и чинъ этотъ былъ упраздненъ. Его былъ очень хорошій человѣкъ, совсемъ не врагъ иностранцамъ, чрезвычайно храбръ и имѣлъ большое состояніе, изъ котораго небольшую только часть отказалъ своей родни, а все остальное велѣлъ роздать своимъ друзьямъ и служителямъ, но большую часть завѣщалъ Царю.

Новое лѣкарство, предписанное Великой Княжнѣ подѣйствовало хорошо и ей сдѣлалось было лучше; но 28 числа она дошла до того, что впала въ безпамятство и нѣкоторое время считали ее

1728 уже умершею, по тому что она вся охолодѣла и врачи отчаялись совсемъ въ ея жизни.

Ноября 30 долго бесѣдовалъ я съ фаворитомъ и сильно настаивалъ на возвращеніе наше въ Петербургъ, представляя ему, какъ его полезно не только для Царской службы, но и для него собственно, по тому что удалитъ Его Величество отъ старыхъ Русскихъ, которые ежедневно старались отвратить отъ него Царя. Я прибавилъ къ этому, что кончина Великой Княжны, которая намъ угрожаетъ, была бы самымъ благовидпымъ предлогомъ уѣхать изъ Москвы, гдѣ Его Величество лишится той, которую онъ любилъ такъ пѣжно. Мнѣ удалось убѣдить его и онъ увѣрилъ меня, что употребитъ все возможное склонить на то Царя; но просилъ не говорить о томъ никому.

Декабря 1, былъ я у Остермана и нашелъ его въ слезахъ о состояніи здоровья Великой Княжны. Онъ сказалъ мнѣ, что трепещетъ за Царя и не ручается за его жизнь, если онъ не выѣдетъ изъ Москвы, климатъ которой, по его мнѣнію, нездоровъ для него, а особливо смотря на участь его сестры. Въ отвѣтъ на это я пересказалъ ему все то, что фаворитъ говорилъ мнѣ на канунѣ, и Остерманъ, поблагодаривъ меня за то, просилъ убѣдительно напомнить ему объ этомъ при первой встрѣчѣ.

Великая Княжна провела ночь со 2 на 3 чи- 1728
сло довольно хорошо, ибо спала около 6 часовъ; но утромъ 4, напала на нее жестокая лихорадка, которая уменьшилась къ вечеру и въ 10 часу она, помолившись, хотѣла лечь спать; но едва только легла въ постелю, какъ на нее напали такія жестокія судороги, что она скончалась не болѣе, какъ въ двѣ минуты.

Такъ кончила жизнь Великая Княжна Наталія Алексѣевна, сестра Петра II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Она украшалась всѣми возможными хорошими качествами; не была красавицею: но что значитъ красота, когда сердце совершенно! Она была покровительницею иностранцевъ, и говорила очень хорошо на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ; была идоломъ всѣхъ честныхъ людей, перломъ Россіи; словомъ, такъ совершенна, что Богъ не дозволилъ ей жить долго на семъ свѣтѣ.

Царь, узнавъ о кончинѣ своей сестры, впалъ въ величайшую печаль, не могъ заснуть во всю ночь, и утромъ, въ 4 часа, переѣхалъ изъ Слободскаго Дворца, гдѣ умерла Великая Княжна, въ Кремлевскій.

Въ етотъ день я не могъ видѣться съ Остерманомъ, хотя заѣзжалъ къ нему два раза; но 5 числа засталъ его дома въ такомъ горестномъ состояніи, что онъ едва могъ говорить. Я утѣ-

1728 шалъ его, какъ могъ, совѣтуя, что бы онъ побе-
регъ себя для спасенія жизни Государя, заста-
вивъ его оставить Москву. Онъ отвѣчалъ, что въ
этомъ состоитъ все его желаніе, и что онъ бу-
детъ неутѣшимъ, если Царь не согласится на его.

Я искалъ случая увидѣться съ Фаворитомъ;
но не могъ найти его до 8 числа.

Между тѣмъ Остерманъ запискою просилъ ме-
ня побывать у него, чтобы поговорить объ од-
номъ важномъ дѣлѣ. Я пріѣхалъ къ нему 6 чи-
сла по утру и нашелъ его въ отчаяніи отъ не-
осторожности и болтовни графа Вратиславскаго.
Въ самый день кончины Великой Княжны, князь
Сергій Долгоруковъ обѣдалъ у графа Врати-
славскаго, который напившись порядочно, ска-
залъ, что ему весьма хочется, чтобы Царь пе-
реѣхалъ въ Петербургъ, примолвивъ, что онъ
считаетъ себя очень несчастнымъ, что не можетъ
обратить на себя благоволенія не только Царя,
ни даже его Фаворита, съ тѣхъ поръ, какъ пріѣ-
халъ въ Москву; что другіе (а его былъ я),
пріѣхавшіе прежде его, были счастливѣе его; но
что никто болѣе его не желаетъ Царю славы и
счастія. Остерманъ сказалъ мнѣ, что Фаворитъ
узналъ уже его и говорилъ ему съ сердцемъ, по
тому что онъ ненавидитъ Вратиславскаго, и по
тому что хотя князь Сергій и дядя ему; но онъ
былъ явнымъ его врагомъ.

Декабря 8 долго я бесѣдовалъ съ фаворитомъ 1728
и засвидѣтельствовавъ сожалѣніе о кончинѣ Великой Княжны, далъ ему почувствовать необходимость возвращенія въ Петербургъ, примолвивъ, что это весьма нужно: для Государя, по причинѣ его здоровья; для государства, чтобы у Его Величества подъ глазами были завоеванія, сдѣланные его дѣдомъ, и флотъ, который изтребится, если Дворъ еще долго останется въ Москвѣ, и наконецъ для самихъ Долгоруковыхъ, по тому что, если съ Царемъ случится какое несчастіе, то они пропадутъ совсемъ; ибо общая ненависть къ нимъ такъ велика, что народъ передушитъ ихъ всѣхъ; но въ Петербургѣ, какое бы ни случилось несчастіе, онъ и весь родъ его не подвергнутся ни какой опасности. Онъ былъ согласенъ со мною во всемъ, и обѣщалъ тоже самое, что и прежде, т. е. убѣждать Царя возвратиться въ Петербургъ.

Переговоривъ о семъ дѣлѣ, князь сталъ сильно жаловаться мнѣ на графа Вратиславскаго и пересказалъ то, что я слышалъ уже отъ Остермана; но къ этому прибавилъ, что графъ жаловался на него князьямъ Сергію и Василію Долгоруковымъ, кои ему отъявленные враги.

Декабря 11, по старому стилю, день св. Андрея. Всѣ мы, кавалеры сего ордена, были во Дворцѣ для поздравленія Царя; но, по случаю кончины Великой Княжны, праздника не было.

1728 Декабря 29 возвратился изъ китайскаго посольства графъ Савва Рагузинскій, и привезъ съ собою множество любопытныхъ вещей. Онъ былъ принятъ весьма милостиво за то, что искусно велъ свое дѣло, успѣвъ возстановить торговлю и доброе согласіе между Россіею и Китаемъ, кои нѣсколько лѣтъ находились въ такомъ разстройствѣ, что не знали, какъ и пособить стому. Но графъ Савва преодолѣвъ врожденную недовѣрчивость и хитрость Китайцевъ, успѣлъ заключить съ ними весьма выгодный для Россіи трактатъ.

1729 Продолжая свою реляцію въ видѣ журнала, скажу, что въ первый день января 1729, я положительно узналъ, что ни какими средствами не могли ни въ чемъ обвинить графа Александра Нарышкина, и что причиною его опалы была ненависть къ нему князя Алексѣя Долгорукаго, отца фаворита (7).

Января 7 былъ я у тѣла Великой Княжны, которое было выставлено во Дворцѣ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Какъ въ Россіи ведется обыкновеніе цѣловать руку умершихъ Государей, то я не хотѣлъ устранить себя отъ сего обычая, и поцѣловалъ руку у покойницы съ величайшимъ умиленіемъ.

Января 12, день новаго года по старому стилю, былъ я съ поздравленіемъ у Царя, а по томъ

обѣдалъ у Фаворита, и имѣлъ время порядо- 1729
чно поговорить съ нимъ. Онъ сказалъ мнѣ, что считая меня своимъ другомъ, убѣдительно проситъ не дружиться съ Бутурлинымъ, камергеромъ Принцессы Елисаветы, по тому что онъ ни на что не годится; что прежде онъ былъ съ нимъ друженъ: но узнавъ, что ето не хорошо, онъ оставилъ его; что оберъ-шталмейстеръ Ягужинскій живетъ дружно съ Бутурлинымъ, который водитъ его за носъ; но что онъ, Фаворитъ, очень сожалѣетъ о Ягужинскомъ, по тому что его любитъ, и сдѣлаетъ все, что только можетъ, что бы прервать ету связь, а какъ я друженъ съ Ягужинскимъ, то онъ проситъ меня помогать ему въ етомъ. Я далъ ему слово; и дѣйствительно, чрезъ нѣсколько дней, говорилъ Ягужинскому такъ настоятельно, что онъ обѣщался раздружиться съ Бутурлинымъ, что и сдѣлалъ. Фаворитъ былъ много мнѣ обязанъ за ето доброе дѣло.

Января 13 Остерманъ сказалъ мнѣ, что Фаворитъ увѣдомилъ его о всемъ томъ, что онъ говорилъ со мною съ глазу на глазъ, и что они условились погубить Бутурлина, по тому что очень опасно было оставлять его на такомъ мѣстѣ, на которомъ онъ могъ давать дурные совѣты Государю; но прежде исполненія сего, они хотѣли перервать дружбу между имъ и Ягужинскимъ, что бы не подвергнуть опалѣ и послѣдняго.

1720 Я заѣзжалъ къ Фавориту 17, 20 и 23 числа; и нашелъ, что онъ очень охладѣлъ въ нашемъ дѣлѣ, какъ о томъ уже предувѣдомилъ меня Остерманъ. Мнѣ хотѣлось вселить въ него по болѣе жара и по тому говорилъ ему сильно, доказывал необходимость возвращенія въ Петербургъ. Онъ обѣщалъ мнѣ то же, что и прежде. Правда и то, что отецъ его, узнавъ кое-что изъ нашихъ совѣщаній, старается не отходить отъ Царя ни на минуту, и что бы еще болѣе отвратить его отъ возвращенія въ Петербургъ, то уговорилъ его ѣхать на охоту на нѣсколько недѣль, за 50 верстъ отъ Москвы, въ той увѣренности, что по возвращеніи въ Москву начнется уже оттепель и дорога испортится такъ, что поѣздку должно будетъ отложить до будущей зимы; ибо онъ очень хорошо зналъ, что Царь не выѣдетъ изъ Москвы лѣтомъ, по причинѣ множества дичи въ окрестностяхъ сего города, чего нѣтъ въ Петербургѣ.

Въ ето время отецъ Фаворитовъ пріучилъ Царя ѣздить каждый день по утру, какъ скоро онъ одѣнется, въ одну подмосковную Его Величества, село Измайлово, въ одной милѣ отъ города, для того во первыхъ, чтобы удалить его отъ всѣхъ тѣхъ, кои могли говорить ему о возвращеніи въ Петербургъ; во вторыхъ для того, что бы онъ не занимался государственными дѣлами, и чтобы

посѣлить въ него, елико возможно, мысль о введеніи старыхъ обычаевъ, и наконецъ для того, что бы заставить его жениться на одной изъ своихъ дочерей. 1729

Января 28 узналъ я наконецъ отъ фаворита, что о возвращеніи въ Петербургъ и думать болѣе не льзя, по тому, что етому сильно противятся и, болѣе нежели когда, стараются отвратить отъ сего Государя. Я воспламенялъ его всячески; но по напрасну: ибо увидѣлъ, что отецъ и родня такъ его застращали, что онъ не смѣлъ болѣе и говорить о томъ.

Января 31 совершились похороны Великой Княжны съ величайшимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. Государь присутствовалъ во все время сего обряда. По окончаніи божественной службы открыли гробъ, и Его Величество далъ послѣднее цѣлованіе усопшей, съ величайшею нѣжностію.

Февраля 4 я долго пробылъ у Остермана и сильно говорилъ ему о возвращеніи въ Петербургъ, сказавъ, что я получилъ отъ Короля, моего Государя, повелѣніе слѣдовать всюду за Его Величествомъ, и что если мы проведемъ весь годъ не видѣвъ его и не имѣя ни кого, съ кѣмъ вести переговоры о дѣлахъ, то безполезно будетъ для Короля держать меня въ Россіи, и его даже непріличію для королевскаго достоин-

1729 ства. Онъ соглашался со мною и просилъ меня поговорить о томъ съ фаворитомъ и сдѣлать послѣднее усиліе.

Февраля 5 я отправился къ графу Вратиславскому и говорилъ ему то же, что Остерману, и довелъ его до того, что онъ согласился ѣхать со мною къ государственному канцлеру и къ прочимъ министрамъ.

Февраля 7, графъ Вратиславскій и я были у государственнаго канцлера, у Остермана и у всѣхъ прочихъ членовъ верховнаго совѣта. Мой товарищъ согласился, чтобы я говорилъ за насъ обоихъ, и, въ слѣдствіе сего, я изобразилъ, сколько можно сильнѣе, неудобства, происходящіе отъ отсутствія Царя на три и на четыре мѣсяца, за 40 или 50 миль отъ Москвы, въ такое время, когда мы не знаемъ, чемъ кончится конгрессъ, и что, въ случаѣ войны, присутствіе Его Величества въ Москвѣ необходимо для распоряженія относительно выполненія условій, заключенныхъ на Вѣнскомъ конгрессѣ. Послѣ сего изобразилъ я имъ, какъ противно достоинству нашихъ Государей, что мы такъ долго живемъ въ Москвѣ, не зная съ кѣмъ говорить о дѣлахъ, и что наконецъ мы принуждены будемъ донести нашимъ Государямъ о безполезности нашего пребыванія здѣсь въ такихъ обстоятельствахъ. Всѣ министры выслушали насъ внимательно и объ-

щали стараться отвратить Государя отъ предна- 1729
мѣреваемой поѣздки.

Февраля 8 отправился я одинъ къ Фавориту и въ сильныхъ выраженіяхъ сказалъ ему то, что я говорилъ министрамъ совѣта, примолвивъ, что всѣ жалуются на образъ жизни Царской, и всю вину слагаютъ на отца его, князя Алексѣя; что вся ненависть къ отцу можетъ пасть и на него самаго, и слѣдственно, для собственной его пользы, надобно сдѣлать такъ, что бы Царь чаще показывался народу, не уѣзжая изъ Москвы на такое долгое время, и ознакомился бы побольше съ тѣми, кои пріѣзжаютъ ко Двору. Онъ съ благодарностію принялъ откровенность, съ которою я говорилъ ему, и обѣщалъ всячески стараться остановить предположенную поѣздку.

Черезъ четыре дня послѣ сего, я опять былъ у него 12 числа. Онъ сказалъ мнѣ, что все то, что я говорилъ ему въ послѣднее свиданіе, такъ на него подѣйствовало, что онъ сильно говорилъ Государю и ему удалось сдѣлать то, что впередь Его Величество будетъ ѣздить на охоту, не болѣе, какъ за 8 или 10 лье отъ Москвы. Ето принесло мнѣ не малое удовольствіе по тому, что сдѣлалъ сего я одинъ, придумавъ ѣхать съ Братиславскимъ ко всѣмъ министрамъ говорить о семъ дѣлѣ.

Послѣ сего я очень часто видѣлся съ минист-

1729 рами и съ фаворитомъ; но въ теченіе двухъ недѣль не случилось ничего замѣчательнаго. Въ сто время нашелъ я нужнымъ донести Королю о настоящемъ положеніи Русскаго Двора и отправилъ къ нему очень подробную депешу, изъ которой представляю здѣсь выписку, что бы знали въ какомъ положеніи находились тогда дѣла.

«Всѣ были очень недовольны чрезмѣрною властію дома Долгоруковыхъ, кои управляли всемъ безъ исключенія. Фаворитъ, увѣренный въ Царской къ нему любви, не всегда бывалъ при Государѣ, и большую часть времени проводилъ въ своихъ забавахъ. Я, любя его, часто говорилъ ему о томъ; но все по напрасну. Не было недостатка въ людяхъ, кои желая погубить фаворита, говорили Царю о дурной его жизни; и даже самъ отецъ его, изъ зависти къ нему, искалъ случая уменьшить власть его. Его покажется страннымъ; но дѣйствительно было такъ.

«Князь Голицынъ, бывшій посломъ въ Испаніи, а теперь камергеръ, сначала понравился было Его Величеству. Онъ происходилъ изъ такого дома, который всегда враждовалъ съ Долгоруковыми, и былъ уменъ, а отецъ его былъ одаренъ отличными способностями и человѣкъ очень рѣшительный. Всѣ ожидали, удостоится ли князь Голицынъ благоволенія къ себѣ Государя; ибо въ этомъ случаѣ, домъ Долгоруковыхъ придетъ

въ опалу, слѣдствіемъ чего будетъ большая пе- 1729
ремѣна въ правленіи, и всѣ иноземцы, должны будутъ считать себя погибшими, потому что Голицыны, всѣ вообще, ненавидятъ ихъ.

«Съ другой стороны всѣ въ Москвѣ роптали на образъ жизни Царя, приписывая его тѣмъ, кои окружали Его Величество. Любившіе отечество, приходили въ отчаяніе, видя, что Государь каждый день, по утру, едва одѣвшись, садится въ сани и отправляется въ подмосковную съ княземъ Алексѣемъ Долгоруковымъ, отцемъ фаворита, и съ дежурнымъ камергеромъ, и остается тамъ цѣлый день, забавляясь, какъ ребенокъ, и не занимаясь ни чемъ, что нужно знать великому Государю. Мнѣ очень хорошо было извѣстно, что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей князя Алексѣя состояла въ томъ, что бы удалить Царя отъ Принцессы Елисаветы; но, какъ сего не всѣ знали, то всю вину слагали на него. У него была еще другая причина увозить Царя каждый день за городъ, и именно: любовь его ко второму своему сыну Николаю, котораго онъ хотѣлъ ввести въ милость и тѣмъ удалить старшаго. Фаворитъ зналъ все, что противъ него замышляютъ; но не смотря на сего, не было средства заставить его бывать чаще съ Царемъ. Весьма часто говорилъ я ему объ этомъ; но онъ всегда отвѣчалъ мнѣ, что не ѣздитъ съ Государемъ за

1729 городъ потому, что не хочетъ быть сообщникомъ сопровождающихъ его. Но образъ жизни его ясно показывалъ, что онъ, во время Царскихъ отъѣздовъ, хотѣлъ веселиться.

«Съ другой стороны, верховный совѣтъ не собирался. Государственный канцлеръ лежалъ въ подагрѣ; Остерманъ былъ въ отчаяніи и отъ того занемогъ; князь Голицынъ притворился больнымъ и не хотѣлъ даже слышать о дѣлахъ; князь Алексѣй Долгоруковъ былъ безпрестанно съ Царемъ, а князь Василій Долгоруковъ занимался только интригами, старался, что бы Дворъ не возвращался въ Петербургъ. Но онъ могъ бы пособить горю, еслибъ захотѣлъ, по тому что князь Алексѣй, который одинъ только могъ дѣйствовать на Государя, слѣдовалъ слѣпо его совѣтамъ; но онъ находилъ удовольствіе видѣть дѣла въ дурномъ положеніи, думая, посредствомъ сего, ввести старинные обычаи.

«При этомъ однакоже не было недостатка въ людяхъ, кои извѣщали Царя о ропотѣ народномъ и о дурномъ поведеніи Долгоруковыхъ и пр., и это заставляло надѣяться, что Его Величество, одаренный проницательнымъ умомъ и рѣшительнымъ характеромъ, можетъ принять мѣры, кои произведутъ большую перемѣну въ дѣлахъ.

«Въ такомъ безпорядкѣ могло бы случиться что нибудь такое, что было бы противно до-

стопиству Короля, моего Государя, и по тому я 1729
счелъ обязанностію донести о томъ Его Величеству, присовокупивъ, что я дѣлаюсь совершенно ненужнымъ въ Россіи, гдѣ достаточно будетъ одного резидента или секретаря, на котораго можно возложить небольшое число дѣлъ, оставшихся для переговоровъ.»

Въ исходѣ февраля сослали графа Александра Нарышкина на житье въ его деревню, въ 50 слишкомъ лье отъ Москвы; но, какъ не могли уличить его ни въ чемъ противъ Государя или государства; то очевидно сдѣлалось, что причиною опалы его былъ страхъ, который онъ внушалъ и ненависть къ нему его соперниковъ и враговъ (8).

Марта 8, день возшествія на престолъ Царя, былъ съѣздъ ко Двору для цѣлованія руки. При семъ случаѣ Его Величество пожаловалъ орденъ Св. Александра Невскаго графу Краму, посланнику Бланкенбуржскому (за котораго я просилъ); барону Остерману, посланнику Мекленбуржскому и брату Вице-Канцлера; генералъ-лейтенанту Лефорту, камергеру Строгонову и генераламъ Измайлову и Леонтьеву. Вечеромъ, всѣ мы иностранные министры ужинали съ Государемъ и, послѣ прекраснаго фейерверка, начался балъ, который продолжался до 7 часовъ утра. Принцесса Елисавета не была на этомъ праздникѣ, ска-

1729 завпись больною; но выздоровѣла на другій же день, о чемъ много было толковъ.

Марта 12 Царь отправился на охоту за 12 лье отъ Москвы, и пробылъ за городомъ до Свѣтой недѣли. Хотя его отсутствіе не продолжалось такъ долго, какъ было положено прежде; но не смотря на то роптъ не прекращался. Вею вину возлагали на князя Алексѣя Долгорукова, который подъ предлогомъ Царской забавы, каждый день выдумывалъ новыя, чтобы удалить Его Величество отъ всѣхъ, и сто по четыремъ причинамъ: 1) что бы имѣть совершенно его въ своей власти; 2) что бы вселить въ него старинные Русскіе правила и нѣкоторую ненависть къ законамъ и благимъ учрежденіямъ Петра I; 3) что бы заставить его, мало по мало, жениться на одной изъ своихъ дочерей и 4) чтобы сими поѣздками уменьшить довѣренность къ Остерману, по тому что Долгоруковъ боялся, и не по напрасну, что бы сей благоразумный министръ, заботившійся только о томъ, что бы воспитать своего Государя въ правилахъ его дѣда, не заставилъ его, не токмо жить въ Петербургѣ, но и вступить въ бракъ съ какою нибудь иностранною Принцессою. Фаворитъ былъ совершенно другаго мнѣнія съ отцемъ; но никакъ не смѣлъ идти противъ него и, сколько волею, столько же и неволею, рѣшился не совѣтовать Его Величе-

ству ни въ пользу, ни противъ видовъ своего 1729
отца.

Въ самый день Царскаго отъѣзда, я поѣхалъ къ фавориту и долго просидѣлъ у него. Онъ, любя меня, говорилъ со мною откровенно, и я воспользовался симъ случаемъ говорить ему такъ, какъ будто бы я самъ былъ Русскій. Я изъяснилъ ему ропотъ народный на его отца и всѣхъ Долгоруковыхъ, и слѣдствія, кои могутъ произойти отъ дурнаго воспитанія Государя, и погибель всѣхъ ихъ; намекнулъ ему о обязанности его самаго и отца его, совѣтовать Царю заняться дѣлами государственными и держать Россію въ томъ цвѣтущемъ и грозномъ положеніи, въ которое поставилъ ее Великій дѣдъ его; что бы онъ, хотя нѣсколько разъ присутствовалъ въ совѣтѣ и заставлялъ докладывать себѣ о государственныхъ дѣлахъ. Я привелъ ему въ примѣръ Короля французскаго Людовика XV, который бывъ еще ребенкомъ, присутствовалъ въ своемъ совѣтѣ, дабы научиться искуству царствовать, также примѣръ нашей покойной Королевы Савойской, которая, сдѣлавшись правительницею Испаніи въ 14 лѣтъ, имѣла терпѣніе присутствовать въ каждомъ собраніи совѣта. Словомъ, я высказалъ ему все то, что внушали мнѣ, дружба къ нему, почтеніе къ Государю его, и небольшая моя опытность. Но хотя онъ и соглашался

1729 со мною во всемъ и благодарилъ меня, однакоже мнѣ показалось, что не слишкомъ много хотѣлъ послѣдовать моимъ совѣтамъ, по причинѣ своего нерѣшительнаго характера, о которомъ я уже говорилъ.

Въ слѣдствіе сего, я отправилъ къ Королю, съ первымъ курьеромъ, донесеніе, въ которомъ повторилъ все то, о чемъ писалъ уже нѣсколько разъ, т. е., что Русское государство скоро придетъ опять въ прежнее свое состояніе, чему пособить никто не хочетъ, и что Царя не только не будутъ уважать его сосѣди, но что онъ сдѣлается со всемъ безполезнымъ для своихъ друзей и союзниковъ; что иностранные министры играютъ очень жалкую ролю при Дворѣ, по тому что видятъ Государя только въ праздничные дни, и то мимоходомъ, не обращая на себя никакого вниманія; что Остерманъ страдаетъ, и страданія его умножаются еще болѣе отъ того, что каждый день отнимаютъ у него способы помочь злу; словомъ, что одинъ только Богъ можетъ устроить сей безпорядокъ, внушивъ Царю, когда онъ возмужаетъ, желаніе послѣдовать славному примѣру своего дѣда.

Чрезъ нѣсколько послѣ сего дней, пріѣхалъ изъ Сибири курьеръ съ извѣстіемъ, что караванъ, отправленный въ Китай, въ 1726 году, возвратился на границы. Ето извѣстіе принесло величай-

шее удовольствіе министерству, которое уви- 1729
дѣло слѣдствія негоціацій графа Саввы Рагузинскаго.

Марта 17, жена и обѣ дочери князя Долгорукаго, отца фаворитова, пріѣзжали къ Царю во время его охоты, что заставило многихъ призадуматься, по тому что всѣ знали, что Долгорукову хотѣлось женить Царя на одной изъ своихъ дочерей. Думали, что въ ето же самое время будетъ и сговоръ, однако же ошиблись. Я много говорилъ о семъ дѣлѣ съ Остерманомъ, который признался, что также боится етой свадьбы, но никакъ не думаетъ, чтобы дѣло ето было уже такъ далеко.

Апрѣля 4 Государь возвратился въ Москву, и мы узнали, что вмѣсто сговора его на дочери Долгорукаго, Его Величество имѣлъ нѣкоторое неудовольствіе на сего министра, которое однакоже осталось безъ великихъ послѣдствій.

Въ ето время было въ Москвѣ чрезвычайное множество больныхъ такъ, что въ каждомъ домѣ лежало въ постелѣ слишкомъ три четверти слугъ, и многіе стали бояться какой-то заразы. Но когда, по повелѣнію Царя, были вскрыты тѣла умершихъ скоропостижно и другихъ, то нашли что ета болѣзня не была ни мало заразительною.

Апрѣля 18 Царь занемогъ простудною лихо-

1729 радкою съ кашлемъ; но, пролежавъ въ постелѣ въ испаринѣ, онъ выздоровѣлъ черезъ три дни.

Въ исходѣ апрѣля, князь Голицынъ, начальствовавшій въ Украинѣ, донесъ, что Татары дѣлаютъ нѣкоторое движеніе, и просилъ о присылкѣ нѣкотораго числа пѣхотныхъ войскъ, потому что въ мирное время никогда ихъ не бываетъ въ тамошнихъ мѣстахъ. По сему отправили къ нему три полка подъ начальствомъ генералъ-майора Бутурлина, котораго выбрали не по тому, чтобъ считали его способнымъ, а для того, чтобы отдалить его отъ Двора.

Мая 6 Царь отправился на охоту въ подмосковную на двѣ недѣли, и возвратился.

Мая 24 поѣхалъ опять, верстъ за 50 отъ Москвы.

Іюля 10, день св. Петра, именины Царскіе, былъ во дворцѣ праздникъ съ обыкновеннымъ великолѣпіемъ и продолжался три дни съ иллюминаціею.

Іюля 16 Царь поѣхалъ на охоту.

Августа 4, Г. Дитмаръ, агентъ Шведскій, получилъ отъ Двора своего повелѣніе объявить Русскому министерству, что Его Шведское Величество соглашается признать Царю титулъ Императора и чрезъ нѣсколько дней прислалъ о томъ свою грамоту. И дѣйствительно, черезъ восемь дней, Дитмаръ получилъ ету грамоту и подписъ ее.

Симъ средствомъ несогласіе между обоими 1729
Дворами кончилось. Въ то же самое время Дитмаръ получилъ кредитивъ на званіе чрезвычайнаго посланника и представилъ его. Русскій Дворъ былъ очень доволенъ.

Сентября 10, день св. Александра Невскаго и кавалерскій праздникъ. Царь рано возвратился въ Москву и, по окончаніи обѣдни, всѣ кавалеры, имѣли честь обѣдать съ Его Величествомъ, который вечеромъ опять отправился на охоту.

Сентября 12, намѣреніе отправить князя Куракина въ Берлинъ, вдругъ перемѣнили, и на его мѣсто назначили князя Голицына, который былъ въ Испаніи. Причина этому была та, что Царь не скрывалъ благорасположенія своего къ послѣднему, и это встревожило Долгоруковыхъ, кои боясь, что бы онъ не сдѣлался наконецъ фаворитомъ, удалили его отъ Двора и, съ посылкою его въ Берлинъ, дали ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, дабы возвратясь, онъ не могъ уже такъ часто бывать при Государѣ, по званію камергера; ибо въ Россіи такій обычай, что кто имѣетъ чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, тотъ уже не можетъ занимать мѣста камергера.

Сентября 12 Царь отправился на охоту, и съ нимъ поѣхали: фаворитъ, отецъ его, мать и сестры. А какъ эту поѣздку устроилъ также князь

1729 Алексѣй Долгоруковъ; то всѣ думали, что теперь то онъ достигнетъ своего желанія, которымъ такъ долго занимается, женить Царя на одной изъ своихъ дочерей.

Сентября 20 Прусскій министръ возобновилъ трактатъ, заключенный его Дворомъ въ 1725 году съ Императрицею Екатериною, и хотя его очень скрывали, но я узналъ, что трактатъ главнѣйше состоялъ въ гарантіи съ обѣихъ сторонъ о сохраненіи завоеваній, сдѣланныхъ у Шведовъ въ послѣднюю войну, и въ оборонительномъ союзѣ, въ случаѣ нападенія.

Важнаго ничего не случилось до 23 октября, дня рожденія Царскаго. Думали, что Его Величество пріѣдетъ въ Москву и по тому все было приготовлено для торжествованія сего дня; но онъ не пріѣхалъ, и весь праздникъ состоялъ только въ большомъ обѣдѣ во дворцѣ, къ которому были приглашены всѣ чужестранные министры и первѣйшіе придворные чины; а уголцалъ баронъ Остерманъ, по званію своему оберъ гофмейстера.

Причина, по которой Царь не возвратился въ Москву, состояла въ томъ, что князь Алексѣй Долгоруковъ такъ ревновалъ ко всѣмъ, что ему пришла въ голову мысль, что ежели Его Величество проговоритъ хотя полчаса съ другимъ, то онъ лишится его милости, да сверхъ того, какъ

онъ занимается только мыслію выдать одну 1729
изъ дочерей своихъ за Царя; то боялся, что бы въ Москвѣ кто либо изъ его враговъ не помѣшалъ ему въ стомъ. Я былъ увѣренъ, что бракосочетаніе будетъ объявлено по возвращеніи Царя въ Москву; но въ етой увѣренности былъ только я одинъ изъ всѣхъ чужестранныхъ министровъ. Графъ Вратиславскій и другіе не хотѣли вѣрить етому, по тому что Остерманъ сказалъ имъ, что етому быть нельзя и, полагаясь на ето, они увѣдомили свои Дворы, что хотя и говорятъ о бракосочетаніи Царя съ одною изъ княженъ Долгоруковыхъ, но до етого еще далеко. Остерманъ и мнѣ говорилъ то же; но я бывъ твердо увѣренъ, что Долгоруковы скоро успѣютъ въ своемъ намѣреніи, положительно донесъ Королю, что Царь женится тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Москву.

Ноября 20 Царь возвратился въ Москву, и тутъ уже стали погромче говорить о свадьбѣ.

Наконецъ 30 числа Царь призвалъ къ себѣ министровъ верховнаго совѣта, Фелдмаршаловъ и другихъ первѣйшихъ особъ, и объявилъ имъ, что вступаетъ въ бракъ съ княжною Екатериною, старшею дочерью князя Долгорукаго и сестрою фаворита. Послѣ сего всѣ подошли къ рукѣ, а по томъ отправились въ апартаменты княжны, для того же.

1729 Декабря 11, день Св. Андрея, всѣ кавалеры сего ордена съѣхались во дворецъ, а вечеромъ совершилось обрученіе съ величайшею пышностію.

Какъ скоро все было готово для сего обряда, фаворитъ отправился изъ дворца за Принцессою, которая пріѣхала съ большею свитою.

Весь дипломатическій корпусъ былъ приглашенъ во дворецъ, а генераламъ и вельможамъ Русскимъ было приказано сбираться тамъ же въ 3 часа по полудни.

Какъ скоро Принцесса пріѣхала ко дворцу, то ее встрѣтили у крыльца оберъ-церемоніймейстеръ и оберъ-гофмаршалъ, кои проводили ее въ залу, гдѣ уже все было готово для совершенія обрученія. Она сѣла у налоя въ кресла, а по лѣвую у нее сторону сѣли принцессы крови на табуретахъ, по правую же вдовствующая Царица въ креслахъ, а назади, мать ея, сестра и родня.

Кресты Царскіе были поставлены противъ креселъ Принцессы, подлѣ стола, на которомъ лежало Евангеліе; по правую сторону было мѣсто для чужестранныхъ министровъ, а по лѣвую для Русскихъ вельможъ.

По серединѣ залы стоялъ налой, а подлѣ него архіепископъ Новогородскій, первенствующій въ Россіи, со всемъ духовенствомъ, въ полномъ

облачении. Противъ налоя былъ устроенъ вели- 1729
колѣпный балдахинъ, поддерживаемый шестью генералъ-майорами.

Царь, получивъ донесеніе отъ оберъ-камергера о пріѣзда Принцессы, вышелъ въ залу и посидѣвъ нѣсколько минутъ, сталъ съ нею подъ балдахинъ, гдѣ архіепископъ обмѣнялъ ихъ перстнями, по уставу греческой Церкви. По окончаніи сего Царь и Принцесса сѣли опять на свои мѣста, и тутъ всѣ присутствовавшіе подходили къ цѣлованію ихъ рукъ, и была пушечная пальба. За тѣмъ сожженъ былъ прекрасный фейерверкъ и начался балъ, который продолжался очень недолго, по тому что Принцесса очень устала. Ужина не было; но для желавшихъ поставлены были столы (9).

Надобно замѣтить, что хотя домъ Долгоруковыхъ былъ изъ древнѣйшихъ въ Россіи, и въ сіе время сильнѣйшимъ по любви къ нему Государя; но всѣ они такъ боялись другихъ, что въ день обрученія, караулъ во дворцѣ состоялъ изъ цѣлаго баталіона гвардіи 1200 человѣкъ, между тѣмъ, какъ въ обыкновенное время занимаютъ его только 150; даже приказано было гренадерской ротѣ, которой капитаномъ былъ фаворитъ, войти въ залу тотъчасъ за Царемъ, и поставить часовыхъ ко всѣмъ дверямъ, даже велѣли зарядить ружья боевыми патронами и, если

1729 бы произошло какое смятеніе, то стрѣлять на недовольныхъ. Ето распоряженіе сдѣлалъ фаворитъ, не предувѣдомя о томъ фелдмаршала Долгорукаго, своего дядю, который очень удивился увидя ету роту въ залѣ, какъ онъ самъ сказывалъ мнѣ послѣ.

Въ 7 часовъ Принцесса возвратилась къ себѣ съ тою же свитою.

Декабря 17 графъ Вратиславскій отправилъ курьера въ Вѣну съ двумя дворянами своего посольства, съ графомъ Мелезимо и барономъ Биленбергомъ. Онъ не открылъ мнѣ настоящей причины отправленія курьера; но я очень зналъ, что онъ долженъ былъ выслать Мелезима, а что касается до Биленберга; то, по его словамъ, онъ послалъ его съ просьбою о выдачѣ ему исполученнаго жалованья; но ето была неправда, а вотъ настоящее дѣло. Графъ, желая подслужиться къ Долгоруковымъ, что бы чрезъ нихъ получить орденъ Св. Андрея, котораго онъ не могъ достать, какъ ни хлопоталъ о томъ, отправилъ Биленберга въ Вѣну для того только, что бы исходатайствовать у Императора фавориту и отцу его, титулъ князя Имперіи и герцогство Козельское въ Силезіи, которое было нѣкогда пожаловано князю Меншикову. Вратиславскій вздумалъ, что никто не отгадаетъ его; но я тотъ же часъ догадался, сказалъ ему откровенно, и онъ мнѣ признался

Но причина отправленія Мелезима была со- 1729
всемъ другая: съ годъ уже, какъ онъ влюбился въ княжну Долгорукову, обрученную нынѣ съ Государемъ; всѣ ето знали, также какъ и то, что онъ не нецравился княжнѣ, и по етому графъ Вратиславскій рѣшился выслать его, что бы онъ не сдѣлалъ какого дурачества, которое надѣлало бы много хлопотъ Его Сілтельству, изъ которыхъ онъ не вышелъ бы сухъ.

Декабря 21 получилъ я извѣстіе о заключеніи мира въ Севиллія, между Королемъ, моимъ Государемъ, и министрами Ганноверскаго союза. Тотчасъ отправился я съ сею новостію къ барону Остерману, который бывъ очень преданъ Австріи, сталъ обращаться со мною не съ такою уже, какъ прежде, довѣренностію, а существовавшая до сего между мною и Вратиславскимъ, прекратилась совершенно; онъ даже старался всѣми силами разстроить меня съ Дворомъ и фаворитомъ, въ чемъ и успѣлъ было на нѣсколько дней. Надобно сказать, что въ бесѣдахъ моихъ съ графомъ Вратиславскимъ, до обрученія Царскаго, онъ никакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы Государь вступилъ въ бракъ съ княжною Долгоруковою, а я напротивъ того, всегда утверждалъ, что ето сбудется. По обрученіи, Вратиславскому было досадно, что онъ ошибся, и онъ воспользовался случаемъ поссорить меня съ фаворитомъ

1729 давъ ему подъ рукою знать, что уже полгода я распускаю по всей Москвѣ слухъ, будто князь Алексѣй Долгоруковъ хочетъ насильно заставить Царя жениться на его дочери. Фаворитъ сначала повѣрилъ этому; но я, узнавъ о томъ, разувѣрилъ его такъ, что онъ привязался ко мнѣ еще болѣе прежняго, и сталъ очень много презирать Вратиславскаго.

1730 До новаго года не произошло ничего любопытнаго; но въ началѣ 1730, объявлено о бракосочетаніи фаворита съ дочерью покойнаго фельдмаршала Шереметьева, которая была очень богата и очень хороша собою.

Также въ началѣ сего года пришло извѣстіе о смерти славнаго князя Меншикова въ ссылкѣ. Страшный урокъ для фаворитовъ; ибо Меншиковъ бывъ таковымъ и управляя Россіею деспотически, вдругъ лишился и чести и имѣнія, и былъ принужденъ кончить дни свои въ монастырѣ на берегахъ Бѣлаго моря (10), гдѣ трудами рукъ своихъ онъ снискивалъ себѣ пропитаніе.

Января 17, по старому стилю, день Крещенія, было водосвященіе по обыкновенію, на которомъ Царь присутствовалъ лично.

Въ сей день Его Величество пожаловалъ своего фаворита въ майоры гвардіи: ето была послѣдняя милость, оказанная симъ возлюбленнымъ Государемъ.

Января 18, по утру, Его Величество почув-

ствовалъ въ себѣ лихорадку и не выходилъ изъ 1730
комнаты, а какъ болѣзнь не уменьшилась и въ слѣдующіе два дни, то стали догадываться, что она должна быть очень сильна.

Января 21 узнали, что Царь занемогъ оспою, которая высыпалась много, но тутъ же увидѣли, что она была злокачественна; однакоже на третій день, когда Его Величество пролежалъ въ сильной испаринѣ, то лихорадка прошла и по тому стали надѣяться, что онъ освободится отъ сей опасной болѣзни.

Съ 23 по 28 число оспа выступала сильно такъ, что всѣ считали, что Его Величество вышелъ изъ опасности; но вечеромъ 28 напала на него такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь, а какъ она не уменьшалась, то 29 числа его причастили Св. Таинъ.

Между тѣмъ Долгоруковы составили уже духовное завѣщаніе, по которому Царь долженъ былъ назначить своимъ преемникомъ на Престолѣ Принцессу, Его обрученную невѣсту; но когда бумагу ету подвесли Царю для подписанія; то въ немъ не было уже ни языка, ни силъ; и наконецъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе, въ долговременномъ безчувствіи, 30 числа въ 1 часъ и 25 минутъ по полуночи (11).

Такъ кончилъ жизнь свою Петръ II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ, 3 мѣсяца и 7 дней, владѣвъ

1730 Россіею 2 года, 8 мѣсяцевъ и 13 дней. Потеря его была невозпаградима для Россіи, по тому что добрые качества сего Государя давали надежду на счастливое и славное царствованіе. Въ немъ было много ума, смѣтливости и скромности. Въ немъ не было замѣтно ни какой наклонности къ какимъ либо порокамъ, а пьянство, въ то время общее, со всемъ не было по его вкусу. Собою онъ былъ очень красивъ и росту чрезвычайнаго по своимъ лѣтамъ. Онъ хорошо говорилъ по нѣмецки, по латинѣ и по французски, и имѣлъ хорошіе понятія въ наукахъ; по сдѣлавшись Государемъ въ 11 лѣтъ, оставилъ со всемъ науки, а окружавшіе его Русскіе старались отводить его отъ ученія, что бы онъ не научился. Онъ не имѣлъ еще столько твердости духа, что бы дѣйствовать по собственному побужденію, чемъ воспользовавшись князь Алексѣй Долгоруковъ, его гофмейстеръ, и сынъ его фаворитъ, дѣлали все по своей волѣ, и съ такимъ деспотисмомъ, что прочіе не слишкомъ много сокрушались о кончинѣ сего юнаго Государя. Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, его заставляли безпрестанно ѣздить на охоту, что бы удалить его отъ всѣхъ, и держали всегда въ своихъ рукахъ. Наконецъ заставили его согласиться на бракъ съ княжною Екатериною Долгоруковою; но его согласіе было привуждѣнное, и многіе были такого

мнѣнія, что свадьбѣ никогда не бывать. Пра- 1730
вду сказать и то, что онъ ни мало не уважалъ ее, и я самъ былъ свидѣтелемъ, что онъ едва на нее взглядывалъ. Замѣчательно было то, что съ самаго того дня, какъ онъ объявилъ о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ, то впалъ въ такую задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало, и онъ даже говорилъ своимъ приближеннымъ, что умретъ скоро и что жизнь ему уже наскучила.

Наконецъ, Россія лишилась Петра II, который, по видимому, могъ быть великимъ Государемъ, если бы когда либо избавился отъ ига Долгоруковыхъ. Съ нимъ кончилось мужеское поколѣніе дома Романовыхъ, царствовавшаго 118 лѣтъ; ибо Царь Михаилъ Ѳедоровичъ, дѣдъ Петра I, былъ избранъ на престолъ въ 1612 году.

Лишь только министры верховнаго совѣта увидѣли, что Государь скончается непремѣнно; то собрались во дворцѣ съ знатнѣйшими вельможами и стали разсуждать о наслѣдованіи престола. Мнѣнія раздѣлились на четыре стороны.

Первая сторона была Долгоруковыхъ, которымъ хотѣлось возвести на престолъ обрученную невѣсту Царскую, для чего они и составили было духовную, что однако же имъ не удалось, какъ сказано выше, и по тому увидѣвъ, что противники сильнѣе ихъ, они отказались отъ своего намѣренія.

1730 Вторая сторона была Царицы, бабки покойнаго Царя, которой дѣйствительно предлагали корону; но она отказалась подъ предлогомъ глубокой своей старости и болѣзней.

Третія сторона желала видѣть на престолѣ Принцессу Елисавету, дочь Петра I.

Наконецъ четвертая старалась о Герцогѣ Голштинскомъ, мать котораго была старшею сестрою Принцессы Елисаветы.

Но обѣ послѣднія стороны были такъ слабы, что о предложеніи ихъ даже и не разсуждали.

Тутъ домъ Голицыныхъ, упавшій было во время владычества Долгоруковыхъ, поднялъ голову и вздумалъ ввести образъ правленія, подобный Англійскому. Князь Дмитрій Голицынъ, членъ верховнаго совѣта, заговорилъ первый, и къ нему пристали: братъ его фелдмаршалъ, Долгоруковы и большая часть бывшихъ въ собраніи, и такимъ образомъ положили избрать на престолъ Принцессу Анну, вдовствующую Герцогиню Курляндскую, дочь Царя Іоанна, старшаго брата Петра I; но съ тѣмъ, что бы она подписала условія, на которыхъ ее избрали.

Положивъ ето, они ожидали кончины Государя, которая и послѣдовала 30 января, какъ я уже сказалъ, въ 1 часъ по утру; а въ 5 часовъ, верховный совѣтъ, сенатъ, коллегіи, весь генералитетъ и полковники, бывшіе тогда въ Москвѣ, собрались во дворецъ.

Собраніе открылъ, за отсутствіемъ государст- 1730
веннаго канцлера, страдавшаго простудою, князь Дмитрій Голицынъ, рѣчью, въ которой сказалъ, что поелику Богу угодно было отозвать къ себѣ Государя Петра II; то надлежитъ подумать о избраніи верховнаго главы для всей Россійской Имперіи, а какъ вдовствующая Герцогиня Курляндская одарена всѣми добрыми качествами; то, кажется, нельзя сдѣлать лучшаго выбора.

Его предложеніе было принято всѣми съ громкимъ одобреніемъ, и тутъ же было приказано генераламъ объявить о семъ войску.

Вмѣстѣ съ симъ были назначены три депутата для поѣздки въ Митаву, гдѣ они объявятъ Герцогинѣ о избраніи ее на царство, и проводятъ ее до Москвы. Депутатами были назначены: отъ верховнаго совѣта, князь Василій Лукичъ Долгоруковъ; отъ сената, князь Михаилъ Голицынъ, сенаторъ и братъ князя Дмитрія Голицына, а отъ войска, генералъ-лейтенантъ Леонтьевъ (12).

Послѣ сего общаго собранія, верховный совѣтъ собрался одинъ и составилъ статьи, кои Царица должна была подписать прежде, нежели приметъ престолъ. Сіи статьи были вручены депутатамъ съ приказаніемъ объявить ей, что ежели она не приметъ ихъ и не подпишетъ, то избраніе уничтожается (13).

Депутаты отправились того же вечера, а верхо-

1730 вный совѣтъ принялъ въ свои руки правленіе государствомъ и, своевольно, назначилъ въ свои члены фелдмаршаловъ, князей Голицына и Долгорукаго.

Объявленіе во всенародное извѣстіе о избраніи Герцогини на престолъ и моленіе о ней въ церквахъ, было отложено до тѣхъ поръ, пока получится извѣстіе, что она подписала статьи.

Въ самый день кончины Царя, я потребовалъ почтовыхъ лошадей для курьера, котораго хотѣлъ отправить въ Испанію: но правительство не только отказало мнѣ въ выдачѣ подорожной; но не велѣло ни кого пропускать за границу до 3 февраля.

Я забылъ сказать, что по избраніи новой Государыни, оберъ-церемоніймейстеръ ѣздилъ, отъ имени верховнаго совѣта, ко всѣмъ чужестранныымъ министрамъ съ извѣстіемъ о семъ и съ увѣреніемъ, что Ея Величество сохранитъ всѣ договоры, заключенные ея предмѣстниками, и тѣже дружественные сношенія съ нашими Государями.

Февраля 6 я видѣлся съ фаворитомъ Долгоруковымъ, который сказалъ мнѣ, что, по кончинѣ Царя, онъ ни во что болѣе не вступается.

Февраля 10 прискакалъ изъ Митавы курьеръ съ извѣстіемъ, что депутаты пріѣхали туда 5 числа и что Царица не только приняла престолъ

но и подписала статьи, ей предложенныя. Ета 1730
вѣсть наполнила радостію всѣхъ тѣхъ, кои хотѣли управлять государствомъ, какъ республикою, и на другій день издали манифестъ о ея возшествіи на престолъ съ повелѣніемъ молиться въ церквахъ о ея здравіи, и всѣ указы писать отъ ея имени (14).

Февраля 12 пріѣхалъ также изъ Митавы генералъ Леонтьевъ и былъ у всѣхъ первыхъ министровъ, послѣ чего было назначено собраніе верховнаго совѣта на слѣдующее утро. Въ ето собраніе были приглашены первѣйшіе чиновники военные и гражданскіе, такъ что въ немъ находилось человѣкъ до 80.

Собраніе открылось чтеніемъ подписанныхъ Царицею статей, коихъ до того не сообщали ни кому (15). Послѣ сего князь Дмитрій Голицынъ сказалъ, что каждый изъ присутствующихъ можетъ свободно объявить свое мнѣніе, и тутъ же обратясь къ генералу Ягужинскому, который въ ту пору сталъ подлѣ самаго стола, сказалъ ему, что бы онъ взялъ статьи, прочелъ ихъ и, подумавъ, сказалъ то, что онъ думаетъ о нихъ. Ягужинскій смутился отъ сего предложенія и не зналъ, что дѣлать, а Голицынъ, замѣтивъ ето, велѣлъ ему не выходить изъ комнаты. Отъ сего Ягужинскій поблѣднѣлъ, и тутъ Голицынъ подозвавъ къ себѣ статсъ-секретаря Степанова, велѣлъ

1730 ему поговорить яснѣе съ генераломъ. Степановъ вывелъ Ягужинскаго въ ближнюю комнату, куда чрезъ нѣсколько минутъ, пришелъ Фелдмаршалъ князь Долгоруковъ съ однимъ майоромъ гвардіи, которому велѣлъ взять у генерала шпагу и отвести его въ дворцовую караульню, гдѣ не выпускать его изъ глазъ. Послѣ сего министры верховнаго совѣта объявили, что ежели кто изъ присутствующихъ желаетъ предложить что либо для лучшаго образа правленія, тотъ можетъ изложить сто письменно, и мнѣніе его будетъ разсмотрѣно послѣ.

Причиною ареста Ягужинскаго былъ генералъ Леонтьевъ. Сначала назначали было перваго для поѣздки въ Митаву; но, не знаю по чему, сто перемѣнили. Ягужинскій былъ всегда приверженъ къ Царицѣ, и узнавъ отъ государственнаго канцлера, своего тестя, о статьяхъ, онъ отправилъ въ Митаву одного преданнаго себѣ человѣка, именемъ Суморокова, съ письмомъ къ Ея Величеству, которымъ умолялъ ее не налагать на себя ига, а быть твердою, и что онъ, съ своими друзьями, пожертвуетъ своею жизнію для возведенія ея на престолъ съ тѣмъ же самодержавіемъ, съ которымъ царствовали ея предшественники. Суморокова пріѣхалъ въ Митаву спустя пять часовъ послѣ депутатовъ, и князь Василій Долгоруковъ узнавъ о его пріѣздѣ, самъ отправился къ нему, арестовалъ его и отобравъ отъ него письмо Ягу-

жинскаго, послалъ въ Москву въ подлинникѣ 1730
съ генераломъ Леонтьевымъ(16).

Объ арестѣ Ягужинскаго велѣно было объявить по всей арміи, что сей генералъ арестованъ за то, что писалъ къ Царицѣ письмо, противное пользамъ отечества и службѣ Ея Величества.

Вечеромъ того же дня были взяты подъ арестъ слишкомъ 30 человѣкъ; но людей незначительныхъ.

Февраля 14 Ягужинскаго разжаловали и сняли съ него орденъ св. Андрея.

Февраля 15, князь Черкасскій, въ слѣдствіе дозволенія, даннаго въ собраніи 15 числа, подалъ верховному совѣту мнѣніе, подписанное слишкомъ 390 человѣками. Генералъ Матюшкинъ подалъ также свое, подписанное не болѣе, какъ 25 человѣками. Князь Черкасскій подалъ свое мнѣніе для того только, что бы, пока оно будетъ разсматриваться, выиграть время и приготовить все то, что онъ замыслилъ въ пользу Царицы. Мнѣніе Матюшкина состояло въ томъ, что бы всю власть вручить верховному совѣту; оно было составлено тѣми, кои держали сторону Долгоруковыхъ.

Февраля 20 явилось третіе мнѣніе, подписанное 15 человѣками; говорили, что оно было написано княземъ Куракинымъ.

Но всѣ сіи три мнѣнія остались безъ разрѣше-

1730 нія отъ верховнаго совѣта, который заботился только о томъ, что бы въ немъ было не болѣе осьми человѣкъ, кои распоряжали бы всемъ, т. е., Долгоруковы и Голицыны.

Во ожиданіи пріѣзда Царицы, верховный совѣтъ и дворянство собирались каждый день; но никакъ не могли согласиться на новую систему правленія.

Наконецъ 21 февраля Царица пріѣхала и остановилась въ подмосковномъ селѣ Всесвятскомъ, гдѣ вознамѣрилась остаться до торжественнаго своего въѣзда въ Москву (17).

Февраля 22 тѣло покойнаго Царя предали землѣ съ величайшимъ великолѣпіемъ. Какъ скоро принесли его въ церковь, то Архіепископъ Новгородскій отслужилъ обѣдню, послѣ чего Царица бабка, Принцесса Елисавета и Герцогиня Мекленбуржская, дали ему послѣднее цѣлованіе, а по томъ погребли съ обыкновенными обрядами (18).

Между тѣмъ новая Государыня жила въ Всесвятскомъ, и, казалось, была довольна, что взошла на престолъ; она даже повелѣла, что бы всѣ дѣла шли такъ точно, какъ она подписала въ Митавѣ. Но 23 числа сдѣлалось такое дѣло, которое заставило всѣхъ призадуматься. Вышедъ въ переднюю комнату, она велѣла позвать къ себѣ всѣхъ офицеровъ гвардіи Преображенскаго

полка, кои тутъ случились и сказала имъ, что 1750
поелику Богу угодно было призвать ее на престолъ, то она желаетъ быть ихъ полковникомъ, подобно своимъ предшественникамъ, и дала уже повельніе объявить о томъ. Всѣ офицеры пришли въ восторгъ отъ сихъ словъ, и бросились лобызать руки новаго своего полковника, оросили ихъ слезами. Тотчасъ за симъ, Ея Величество велѣла призвать къ себѣ кавалергардовъ, и сказала имъ тоже, послѣ чего была провозглашена полковникомъ гвардіи преображенскаго полка и капитаномъ кавалергардовъ. Такая рѣшимость удивила и поразила всѣхъ тѣхъ, кои не хотѣли видѣть ее самодержавною; ибо въ числѣ многихъ другихъ ихъ замысловъ, былъ и тотъ, что бы Царица не имѣла никакой власти надъ гвардіею; но когда она сдѣлала ето, то всѣ замолкли и даже восхвалили ее за ето.

Февраля 25, прибыли въ Всесвятское, верховный совѣтъ, сенатъ, генералитетъ и дворянство. Князь Дмитрій Голицынъ говорилъ за всѣхъ и просилъ Ея Величество удостоить принятіемъ ордена Св. Андрея и быть гросмейстеромъ онаго, подобно своимъ предшественникамъ. Она приняла ето милостиво, послѣ чего государственный канцлеръ, какъ старшій изъ кавалеровъ, взявъ знаки сего ордена, поднесъ ихъ Ея Величеству (19).

1730 Февраля 26, я пріѣхалъ къ Ея Величеству съ поздравленіемъ; но, какъ частный человѣкъ, и она приняла меня весьма милостиво.

Послѣ того, какъ я откланялся, Ея Величество изволила отправиться для торжественнаго вшествія въ Москву. Духовенство, въ полномъ облаченіи, встрѣтило и привѣтствовало ее у городскихъ воротъ, а во время шествія стрѣляли три раза изъ всей городской артиллеріи. Ея Величество проѣхала чрезъ трое тріумфальныхъ воротъ, нарочно для сего устроенныхъ съ величайшимъ великолѣпіемъ; на нихъ было множество надписей и іероглифическихъ изображеній (20).

Марта 1 Царица принимала всѣхъ министровъ, и мы принесли ей поздравленіе съ благополучнымъ пришествіемъ ея въ Москву.

Марта 3, всѣ войска и дворянство собрались въ Кремлевскомъ дворцѣ и присягали. Главнѣйшая статья присяги состояла въ томъ, что бы быть вѣрнымъ Государынѣ и отечеству. Верховный совѣтъ составилъ было двѣ формы присяги: одну обыкновенную, а другую съ тѣмъ, чтобы быть вѣрнымъ Государынѣ и верховному совѣту; но сочинители послѣдней не осмѣлились предъявить ее (21).

Власть верховнаго совѣта, который вздумалъ было дерзновенно управлять по своей волѣ не только государствомъ Русскимъ, но и самою

Государынею, кончилась 8 марта, и къ счастію 1730
очень спокойно, хотя и надлежало было опасаться какого либо смятенія. Я считаю не безполезнымъ описать подробно ето великое событіе.

Князь Черкасскій всегда думалъ возвратить Царицѣ самодержавіе, съ которымъ царствовали ея предшественники. По сему дѣлу былъ онъ въ согласіи съ Ягужинскимъ, и когда послѣдняго арестовали, то онъ сильно вступился за него. Черкасскій считался человѣкомъ совѣстливымъ и большихъ способностей, въ чемъ дѣйствительно отдавали ему справедливость. Мало по малу онъ приготовилъ многихъ для исполненія своего намѣренія, не смотря на верховный совѣтъ, который всячески старался привлечь его на свою сторону; но сей честный человѣкъ никогда не хотѣлъ согласиться на дѣлаемые ему предложенія, такъ, что совѣтъ принялъ было намѣреніе арестовать его и сослать въ Сибирь; но Черкасскій, узнавъ о томъ, рѣшился предупредить своихъ враговъ. Въ слѣдствіе сего, 7 числа онъ, переговоря съ приверженными къ нему, коихъ было слишкомъ 300 человѣкъ дворянъ, да сверхъ того офицеры гвардіи, велѣлъ имъ собраться 8 числа, безъ шума, въ пріемныя дворцовыя комнаты. Они исполнили ето, и Черкасскій пріѣхавъ велѣлъ доложить Государынѣ, что онъ проситъ

1730 дозволенія предстать предъ нее. Царица уже зна-
ла о намѣреніи Черкасскаго, посредствомъ жены
его. Ея Величество повелѣла позвать къ себѣ вер-
ховный совѣтъ, что бы въ присутствіи онаго при-
нять дворянство, и когда послѣднее было введе-
но, то Черкасскій подалъ слѣдующее прошеніе,
которое Царица приказала ему прочитать въ
слухъ.

«Всевысочайшая и Всемилостивѣйшая Госу-
дарыня Императрица.

«Хотя Ваше Императорское Величество возсѣли
«на престолъ Россіи по волѣ Высочайшаго Царя
«Царей и по желанію всего народа; но Вашему
«Императорскому Величеству угодно было подпи-
«сать условія, предложенные верховнымъ совѣ-
«томъ, чемъ засвидѣтельствовали Ваше благо-
«волсніе къ сему Государству. Мы приносимъ Ва-
«шему Императорскому Величеству всеподданѣй-
«шую благодарность за таковую великую ми-
«лость, и не токмо мы, но и дѣти наши, будемъ на-
«всегда обязаны сохранить чистосердечную при-
«знательность и чтить имя Вашего Величества,
»Не смотря однако же на ето, Всемилостивѣй-
«шая Государыня, въ сказанныхъ условіяхъ на-
«ходятся нѣкоторыя статьи, кои заставляютъ
«народъ Вашъ опасаться бѣдственныхъ на буду-
«щее время происшествій, изъ которыхъ враги
«нашего отечества могутъ извлечь величайшую

«для себя пользу. Разсмотрѣвъ внимательно ус- 1730
«ловія, мы изложили на письмѣ мнѣнія наши,
«и съ достодолжнымъ почтеніемъ представили
«ихъ верховному тайному совѣту на разсмотрѣ-
«ніе, и просили, что бы послѣ сего, для блага и
«спокойствія всей Имперіи, была установлена, по
«большинству голосовъ, форма правленія надё-
«жная и твердая. Но, Всемилостивѣйшая Госу-
«дарыня, верховный тайный совѣтъ, не токмо
«не разсмотрѣлъ представленныхъ отъ насъ раз-
«личныхъ предположеній; но объявилъ намъ, что
«ничего нельзя сдѣлать безъ соизволенія Вашего
«Императорскаго Величества.

»По сему, зная врожденное милосердіе Вашего
«Величества и желаніе удостовѣрить всю свою
«Имперію въ своемъ благорасположеніи, мы дер-
«заемъ, съ глубочайшимъ почтеніемъ, просить,
«дабы Вы соизволили повелѣть, что бы предста-
«вленные нами различные мнѣнія были разсмо-
«трѣны генералитетомъ и дворянствомъ, назна-
«чивъ для сего по одному или по два человѣка
«изъ каждаго семейства, и что бы, по обсужденіи
«всѣхъ статей, была установлена такая форма
«правленія, которая изберется большинствомъ
«голосовъ, и послѣ сего представлена на Высочай-
«шее Вашего Императорскаго Величества благо-
»усмотрѣніе.

«Мы обѣщаемъ Вашему Величеству всевозмож-

1730 «ную вѣрность и употребимъ всѣ усилія для «утвержденія благодѣствія Вашего, почитая «Васъ, какъ мать отечества, и хотя сто прошеніе «подписано немногими, по тому, что мы боим- «ся собираться во множествѣ для подписанія «онаго, однакоже большая часть вашего дворянст- «ва изъявила на то свое согласіе, въ доказатель- «ство чего многіе подписали уже выше сказан- «ные мнѣнія. Москва, 25 февраля 1730 года.»

По прочтеніи сего прошенія, министры верховнаго совѣта просили Ея Величество войти въ ея кабинетъ для разсужденія; но герцогиня Мекленбуржская, сестра ея, подошедъ къ ней, сказала, что тутъ разсуждать не о чемъ, а надобно подписать. Вдругъ въ залѣ поднялся большой шумъ, и Государыня, призвавъ къ себѣ караульнаго капитана, сказала ему, что находясь не въ безопасности, она приказываетъ ему, что бы онъ не повиновался никому, кромѣ генералъ-лейтенанта Салтыкова, подполковника гвардіи и родственника Ея Величества. Послѣ стого, она, взявъ перо, подписала прошеніе дворянства, которое, поцѣловавъ ея руку, вышло въ другую комнату. Тамъ единогласно положили облечь Государыню самодержавіемъ, послѣ чего возвратясь просили новой аудіенціи. Государыня назначила ее послѣ полудня, и тогда, по собраніи всего дворянства, было представлено Ея Величеству слѣдующее

прошеніе, которое она велѣла прочесть въ слухъ 1730
князю Кантемиру:

«Всевысочайшая и Всемилостивѣйшая Го-
«сударыня.

«Вашему Императорскому Величеству благо-
«угодно было, для величайшаго блага отечества,
«подписать наше прошеніе, и мы не находимъ
«словъ для выраженія Вашему Величеству бла-
«годарности нашей за сей знакъ Высочайшаго
«Ея благоволенія. Обязанность наша, какъ вѣр-
«ныхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Вели-
«чества, требуетъ отъ насъ не оставаться небла-
«годарными; и по сему мы являемся предъ Ваше
«Величество, съ величайшимъ благоговеніемъ, для
«изъявленія нашей признательности, и всепижай-
«ше просимъ соизволить принять самодержавіе,
«съ которымъ царствовали ваши предшественни-
«ки, и уничтожить условія, присланные Вашему
«Величеству отъ верховнаго совѣта и подписанные
«Вами. Всеподданнѣйше просимъ Ваше Император-
«ское Величество соизволить, вмѣсто *Верховнаго*
«тайнаго совѣта и *Высокаго* сената (22) учре-
«дить *Правительствующій* сенатъ такъ, какъ онъ
«былъ учрежденъ Петромъ I, дядею Вашего Вели-
«чества, составивъ его изъ 21 члена, и что бы те-
«перь и впредь, убылые мѣста въ етомъ прави-
«тельствующемъ сенатѣ, также губернаторы въ
«губерніяхъ и президенты въ коллегіяхъ, были

1730 «замѣщаемы людьми, избираемыми дворянствомъ «по жребію, какъ то было установлено Петромъ «I. Всеподданнѣйше просимъ, чтобы Ваше Вели- «чество, въ слѣдствіе того, что подписать изво- «лили, благоволили теперь же составить прав- «леніе такъ, какъ оно должно оставаться на бу- «дущее время.

»Наконецъ мы, всенижайшіе подданные Вашего «Императорскаго Величества, надѣемся быть сча- «стливыми при новой формѣ правленія и при «уменьшеніи налоговъ, по врожденному Вашего «Величества милосердію, и можемъ спокойно «кончить жизнь свою у ногъ Вашихъ: Москва «25 февраля 1730 года» (23).

Министры верховнаго совѣта, при чтеніи сего прошенія, стояли, какъ пораженные громомъ, и никто изъ нихъ не осмѣлился сдѣлать ни малѣй- шаго движенія.

Тотчасъ за симъ Царица велѣла государствен- ному канцлеру, который хотя и былъ членомъ совѣта, но держался стороны дворянства, принес- ти всѣ бумаги, подписанныя ею какъ въ Ми- тавѣ, такъ и въ Москвѣ, и когда онъ принесъ ихъ, то Ея Величество изорвала ихъ въ присутствіи всѣхъ, и тутъ дворянство и военные, съ громкимъ кликомъ радости, стали цѣловать руки Государы- ни, своей самодержицы.

Немедленно за симъ Ея Величество приказала

генералу Чернышеву освободить изъ подъ стражи 1730
генерала Ягужинскаго, а фельдмаршалъ Долгоруковъ отдалъ ему шпагу и орденъ св. Андрея, при входѣ въ залу собранія, гдѣ Государыня всемилостивѣйше допустила его къ своей рукѣ, изъявляя ему знаки своего благоволенія (24).

Послѣ сего Царица повелѣла князю Василію Долгорукову оставаться у себя дома, опредѣливъ на его мѣсто оберъ-гофмейстеромъ вышесказаннаго генерала Салтыкова. Долгоруковъ занималъ сто мѣсто съ выѣзда изъ Митавы и обращался съ Царицею, какъ съ плѣнницею, что бы достичь цѣли собственныхъ своихъ намѣреній. Онъ-то воспламенилъ верховный совѣтъ, котораго былъ членомъ, къ ограниченію власти Государыни такъ, что Ея Величество сдѣлалась бы не болѣе, какъ невольницею въ золотыхъ цѣпяхъ. Но мы скоро увидимъ, что неограниченное его высокомѣріе было наказано по достоинству.

Въ тотъ же самый день государственный канцлеръ послалъ ко всѣмъ чужестраннымъ министрамъ съ объявленіемъ о томъ, что случилось, приглашая ихъ пріѣхать завтра во дворецъ для принесенія поздравленія Ея Величеству.

Такъ кончились всѣ замыслы министровъ верховнаго совѣта.

Все сіе дѣло было ведено Герцогинею Мекленбуржскою, княгинею Черкасскою и ея сестрою,

1730 которыя одиѣ только могли говорить съ Императрицею въ то время, когда при ней не было никого.

Величайшимъ было счастіемъ, что происшествіе его обошлось безъ кровопролитія, которое случилось бы на вѣрное, если бы министры верховнаго совѣта сдѣлали малѣйшее сопротивленіе и если бы Императрица вышла въ свой кабинетъ для разсужденія. Но вѣрно также и то, что за ето заплатили бы члены совѣта; ибо противъ нихъ было не только дворянство, но и всѣ военные, а ихъ было только пятеро, именно: Фелдмаршалъ Голицынъ и братъ его Дмитрій, Фелдмаршалъ князь Долгоруковъ и князья Василій и Алексѣй Долгоруковы. Государственный канцлеръ Головкинъ былъ на сторонѣ дворянства, а вице-канцлеръ баронъ Остерманъ притворился больнымъ и лежалъ въ постелѣ съ самаго дня кончины Царя; но давалъ совѣты Царицѣ чрезъ свою жену, которая каждый день пріѣзжала ко Двору(25).

На слѣдующій день 8 марта, всѣ чужестранные министры, въ праздничныхъ кафтанахъ, были представлены Царицѣ и поздравили ее съ самодержавіемъ.

Марта 12 Ея Величество наградила князя Черкасскаго за оказанныя имъ услуги, пожаловавъ его въ дѣйствительные тайные совѣтники, а чрезъ нѣсколько дней украсила его орденомъ св. Андрея.

Марта 15, Царица, обдумавъ хорошенько, на- 1730
значила 21 сенатора, для составленія верховнаго судилища: Они были слѣдующіе: государственный канцлеръ графъ Головкинъ, фелдмаршалы князья Голицынъ, Долгоруковъ и Трубецкій, князь Дмитрій Голицынъ, князь Василій Долгоруковъ, вице канцлеръ баронъ Остерманъ, князь Ромодановскій, генералъ Ягужинскій, князь Черкасскій, генералы: Чернышевъ, Ушаковъ, Молчановъ и Салтыковъ, князь Юсуповъ, князь Юрій Трубецкій, князь Борятинскій, князь Юсуповъ, генералъ Сукинъ, статскій совѣтникъ Новосильцовъ и графъ Михаилъ Головкинъ.

Черезъ два дни послѣ сего, генералъ Салты-
ковъ просилъ уволить его отъ присутствія въ сенатѣ, по причинѣ занятій его по званію оберъ гофмейстера, и его мѣсто въ сенатѣ занялъ князь Шаховскій.

Въ ето же время Царица повелѣла сдѣлать новую присягу ей одной, какъ самодержицѣ всероссійской, что и было исполнено 16 числа(26).

Марта 17 Ея Величество составила свой Дворъ и всѣ удивились, что она назначила оберъ-гофмейстериною жену фелдмаршала Голицына, и камергеромъ сына его, да князя Куракина, зятя его, тогда какъ князь Голицынъ съ своимъ братомъ были явными поборниками власти верховнаго совѣта; но очень скоро я узналъ причину стого.

1730 При Дворѣ была партія нѣмецкая, пользовавшаяся всею довѣренностію Государынин, и ее составляли: баронъ Остерманъ, камергеръ Биронъ, любимецъ Ея Величества, и графъ Левенвольдъ, котораго она пожаловала въ оберъ-гофмаршалы. Они, какъ иностранцы, видя, что имѣли нужду въ подкрѣпленіи своей партіи кѣмъ либо изъ Русскихъ вельможъ, велѣли сказать Фелдмаршалу Голицыну, что ежели онъ пристанетъ къ нимъ, то они введутъ его опять въ милость, а отъ него желаютъ только того, что бы онъ поддерживалъ ихъ и жилъ съ ними въ согласіи. Голицынъ, отъ природы гордый, упорствовалъ нѣсколько дней; но наконецъ сдался и присоединился къ Нѣмцамъ, кои по томъ заступились за него такъ, что Ея Величество пожаловала жену, сына и зятя его, въ вышесказанные чины, а ему самому бриліянтовый перстень въ пять или шесть тысячъ ефимковъ.

Въ тотъ же день Ея Величество нарядила коммисію для изтребованія отчета отъ князей Долгоруковыхъ, отца и сына, любимцевъ покойнаго Царя. Въ сту коммисію назначены: князь Юсуповъ и генералъ Ушаковъ. Не льзя вообразить себѣ, сколько они украли: не только они подобрали себѣ въ руки всѣ бриліянты несчастнаго Меншикова, а ихъ было очень много, но и всѣ казенные; лучшихъ лошадей съ придвор-

ной конюшни, серебро въ дѣлѣ, собакъ и нако- 1730
нецъ все то, что стоило чего нибудь. Коммисія объявила имъ, что, ежели они тотчасъ не возвратятъ всего, то она приступитъ къ формальному розыску. По етому они принуждены были отдать все, что накрали, а небольшія деньги, взятыя ими въ казначействѣ, были имъ прощены.

Въ тотъ же день, марта 17, умеръ баронъ Абихедаль, оберъ-церемоніймейстеръ, послѣ двунедѣльной болѣзни. Для меня ето была величайшая потеря, по тому что онъ былъ единственнымъ мнѣ утѣшеніемъ между людьми, незнающими что такое дружба. Онъ былъ родомъ изъ Швейцаріи, былъ очень уменъ, ученъ и имѣлъ чрезвычайную память; словомъ, былъ отличный человѣкъ, добродѣтеленъ, другъ своихъ друзей и недовѣрялъ никому иначе, какъ узнавъ его хорошенько, послѣ чего уже имѣлъ къ нему всю довѣренность. Онъ былъ очень привязанъ къ службѣ своего Государя и приходилъ въ отчаяніе, если дѣла шли нехорошо. Онъ пользовался общимъ уваженіемъ и никогда ни о комъ не говорилъ дурно. Словомъ, ето былъ истинно честный человѣкъ и совершенно безкорыстный. Таковъ былъ етотъ добрый и единственный другъ мой въ Россіи, котораго я никогда не забуду. Потеря его для меня тѣмъ чувствительнѣе, что

1730 онъ умеръ въ Калвинскомъ вѣроисповѣданіи, котораго былъ жаркимъ послѣдователемъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ сего пріѣхалъ курьеръ изъ Персіи съ извѣстіемъ, что Тахмасъ, сынъ Софіи, предмѣстника похитителя престола Митивиса, провозглашенъ и признанъ въ Испагани законнымъ государемъ, а Ешрефъ удалился въ Кандагарскую область. По стому, Русское министерство стало ласкать Тахмасова посла болѣе прежняго и хотѣло вступить съ нимъ въ переговоры согласно съ прежними его инструкціями; но онъ отвѣчалъ, что по даннымъ ему повелѣніямъ, онъ обязанъ былъ трактовать съ Петромъ вторымъ, а теперь ему надобно будетъ имѣть новое повелѣніе для вступленія въ переговоры съ министрами Царицы, да сверхъ того, когда онъ отправился изъ Персіи, тогда Государь сто былъ изгнанникомъ, лишеннымъ престола; по теперь дѣла совсемъ перемѣнились, и по тому онъ долженъ ждать новыхъ повелѣній. Не смотря однако же на ето, онъ имѣлъ чрезъ нѣсколько дней первую свою аудіенцію у Царицы и представилъ ей кредитивныя граматы, кои привезъ съ собою на имя покойнаго Царя.

Марта 29, Царица въ первый разъ присутствовала въ сенатѣ и тамъ пожаловала въ сенаторы генерала Тараканова, на мѣсто князя Ромодановскаго, дяди Ея Величества, который умеръ 27 числа.

Апрѣля 1, Персидскій посолъ былъ на пер- 1730
вой свой аудіенціи и представилъ свои кредитивныя граматы: вмѣстѣ съ симъ онъ просилъ о назначеніи министровъ для переговоровъ съ нимъ. При сей церемоніи не было ничего замѣчательнаго, развѣ только то, что послѣ того, какъ посолъ представилъ свои кредитивы Царицѣ, сидѣвшей на престолѣ, всѣ Персіяне, съ нимъ пріѣхавшіе, вошли для цѣлованія руки Ея Величества, оставя въ переднихъ комнатахъ, по обычаю своей земли, свои туфли, что, по ихъ понятіямъ, составляетъ знакъ почтенія и покорности. Кредитивы завернуты были въ богатую Персидскую парчу, и посолъ представилъ ихъ государственному канцлеру, который отвѣчалъ ему, именемъ Царицы, въ выраженіяхъ, очень лестныхъ для его Государя.

На другій день началась Свѣтлая недѣля, а какъ въ постъ всѣ говѣли, то и не случилось ничего замѣчательнаго; въ самый же день Пасхи былъ пріѣздъ ко Двору для поздравленія Ея Величества.

Апрѣля 10, Ея Величество украсила своего оберъ-гофмейстера Салтыкова орденомъ Св. Андрея.

Апрѣля 15, министры, Бланкенбуржскій и Голштинскій представили свои новыя кредитивныя граматы.

1730 Въ тотъ же день Ея Величество изволила дать великолѣпный обѣдъ офицерамъ полковъ гвардіи и оказала имъ честь обѣдать съ ними.

До обѣда, она пожаловала генерала Ушакова въ подполковники гвардіи Семеновскаго полка, а прежде онъ былъ майоромъ Преображескаго; но сей чинъ отняли у него Долгоруковы.

Наконецъ насталъ день, ознаменовавшійся гибелью того несчастнаго дома, который имѣвъ въ виду примѣръ князя Меншикова, не умѣлъ воспользоваться онымъ, а поступалъ такъ, что пришелъ въ ненависть не только у дворянства, но и у народа. Апрѣля 19, князя Алексѣя Долгорукаго, съ женою, сыновьями и дочерьми, сослали въ его деревни; князя Василія арестовали; князя Михаила, брата фелдмаршала, сдѣлали губернаторомъ въ Астрахань; князя Ивана, брата Алексѣева, губернаторомъ въ Вологду; князя Александра, губернаторомъ въ Алтырь, а князя Сергія сослали въ его деревни. Въ тотъ же самый день всѣхъ Долгоруковыхъ лишили чиновъ и орденовъ.

Тогда же было повелѣно генералу Бутурлину отправиться къ своей должности въ Дербентъ, а генералъ Еропкинъ былъ посланъ въ Гилянскую область.

Мая 3, Ея Величество пожаловала княгиню Голицыну, жену фелдмаршала въ оберъ-гофмей-

стерины, какъ сказано выше, и штатсъ-дамами: 1730
баронессу Остерманъ, графиню Ягужинскую, княгиню Черкасскую, генеральшу Чернышеву, графиню Биронъ, графиню Головкину, Лопухину и Салтыкову. Тогда же изволила назначить къ себѣ шесть фрейлинъ. Никто изъ Долгоруковыхъ не удостоился сей чести и по тому Голицыны одержали здѣсь побѣду. Все ето сдѣлали, какъ я уже сказалъ, графъ Левенволдъ и графъ Биронъ.

Сіи же оба Нѣмца ввели въ великую у Царицы милость барона Остермана, и всѣ трое всячески старались обратить вниманіе Двора на графа Братиславскаго и барона Мардефелдскаго, Прусскаго министра, между тѣмъ, какъ на меня едва смотрѣли, по сказанной выше причинѣ.

Мая 6 посланникъ Прусскій представлялся Царицѣ и извѣстилъ Ея Величество, что Король, его Государь, пожаловалъ графу Левейволду орденъ чернаго орла. Государынѣ угодно было самой украсить графа симъ орденомъ, и велѣвъ ему снять съ себя Александровскій, она надѣла на него Прусскій. Никто не удивился етой милости, по тому что графъ былъ всегда очень привязанъ къ Прусскому Двору, и задушевнымъ другомъ посланника, который видя, что онъ такъ силенъ у Русскаго Двора, исходатайствовалъ ему сей знакъ отличія, дабы еще болѣе привязать его къ сторонѣ своего Государя.

1730 Въ тотъ же день Ея Величеству угодно было пожаловать орденъ Св. Андрея графу Бирону, котораго за два дни до сего она сдѣлала своимъ оберъ-камергеромъ; но онъ отклонилъ отъ себя ету милость, а просилъ украсить симъ орденомъ г. Бракеля, великаго маршала Курляндскаго, и Ея Величество ту же минуту исполнила его прошеніе.

Мая 7 Царица пожаловала орденъ Св. Андрея фелдмаршалу Трубецкому.

На другій день 8, она пожаловала барону Остерману графское достоинство и вмѣстѣ съ тѣмъ очень хорошую землю въ Лифляндіи.

Мая 9 совершилась коронація Государыни съ величайшимъ торжествомъ. Я не стану описывать сей церемоніи, по тому что она была такая же, какъ и Петра II, съ тою только разницею, что была гораздо великолѣпнѣе.

Въ сей день Ея Величество оказала много милостей: пожаловала большую деревню фелдмаршалу князю Голицыну; произвела пятерыхъ въ генералъ-аншефы, четверыхъ въ генералъ-лейтенанты, троихъ въ генералъ-майоры, двоихъ въ дѣйствительные тайные совѣтники, двоихъ въ тайные совѣтники, двоихъ въ статскіе совѣтники, да орденомъ Св. Александра генераловъ Сукина и Тараканова.

Мая 10, представлялись всѣ иностранные

министры, и Ея Величество приняла ихъ стоя на 1750
своемъ престолѣ; по правую сторону престола находились всѣ министры и вельможи Русскіе, а по лѣвую дамы. Признаюсь, что я въ жизнь свою не видывалъ такого великолѣпнаго Двора, каковъ былъ въ сей день Русскій.

Мая 12, Ея Величество изволила быть въ дворцовомъ саду въ предмѣстіи, называемомъ Нѣмецкимъ, куда пригласили всѣхъ чужестранныхъ министровъ. Тамъ былъ балъ и ужинъ, и Ея Величество изволила пить за здравіе Короля, моего Государя, такъ какъ именно сей день былъ днемъ Св. Филиппа, по старому стилю. Ея Величество, при семъ случаѣ, оказала мнѣ много чести, изволивъ публично благодарить меня за то, что я во всемъ поступалъ отлично.

Въ 11 часовъ вечера Ея Величество оставила садъ и осмотрѣла всѣ иллюминаціи, и когда подъѣхала къ моей; то еще изволила оказать мнѣ честь, приказавъ остановить свою карету у воротъ моего дома, гдѣ я стоялъ, и позволивъ мнѣ поцѣловать свою руку, благодарила меня еще разъ.

Отличіе, оказанное мнѣ Ея Величествомъ, произвело великую зависть въ министрахъ, приверженныхъ къ Вѣнскому Двору, и болѣе, что бы я, вошедъ въ милость Царицы, не нанесъ много вреда ихъ интересамъ, они употребили всѣ усилія,

1730 что бы лишить меня благорасположенія Ея Величества. Но не зная, какимъ образомъ напасть на меня, они прибѣгли ко лжѣ, что и произвело желанное ими дѣйствіе; ибо вскорѣ замѣтилъ я великую перемѣну въ обращеніи Государыни со мною: каждый разъ, какъ я бывалъ у Двора, она принимала меня съ величайшимъ равнодушіемъ, а всѣ приближенные къ ней убѣгали отъ меня, какъ отъ заразы. Не смотря на все ето, я не хотѣлъ оправдываться совершенно, предоставляя то времени, и дѣйствительно, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ я получилъ случай оправдаться такъ, что Ея Величество убѣдясь въ моей невинности, возвратила мнѣ свое благоволеніе, и я посрамилъ своихъ враговъ, какъ скажу послѣ.

Мая 14 былъ еще балъ и ужинъ во дворцѣ, и я никогда не видывалъ такого славнаго праздника и лучшаго ужина.

Наконецъ 16 число было послѣднимъ днемъ праздниковъ, данныхъ по случаю коронаціи Царицы. Сей день начался аудіенціею Персидскому послу и всѣмъ Азіятцамъ, бывшимъ въ Москвѣ: Армянамъ, Грузинамъ, Персіянамъ, Калмыкамъ, Татарамъ, Китайцамъ и Казакамъ. Послѣ етого выставили народу двухъ жарспыхъ быковъ съ двумя фонтанами вина, и бросали ему деньги. За симъ былъ балъ и ужинъ, что продолжалось до двухъ часовъ. Столъ Ея Величества

былъ устроенъ на тронѣ, и она изволила ужи- 1730
нать съ обѣими своими сестрами. Принцесса Елисавета и Принцесса Мекленбуржская не присутствовали на етомъ праздникѣ, по тому что были опасно больны. Въ той же залѣ было пять столовъ, а всѣхъ кувертовъ 360. Все было устроено съ величайшимъ великолѣпіемъ и порядкомъ. Послѣ ужина всѣ вошли въ апартаменты Царицы, откуда смотрѣли прекрасный фейерверкъ, которымъ и кончились всѣ праздники.

Іюня 4, Ея Величество изволила переѣхать въ загородный дворецъ, называемый Измайловскимъ, и осталась тамъ на все лѣто.

Выѣхавъ изъ Москвы, генералъ Мамоновъ, который по своему чину поручика кавалергардовъ, ѣхалъ подлѣ кареты Ея Величества верхомъ, былъ пораженъ апоплексическимъ ударомъ, и упалъ съ лошади замертво. Отъ сего происшествія всѣ ужаснулись и Государыня очень перепугалась.

Іюня 22, графъ Вратиславскій получилъ изъ Вѣны дипломъ на достоинство графа Св. Имперіи, для оберъ-камергера Бирона, которому онъ и вручилъ его того же вечера, вмѣстѣ съ портретомъ Императора, осыпаннымъ бриліянтами, цѣною въ 12 тысячъ ефимковъ.

Въ тотъ же самый день Ея Величество пожаловала новому графу одинъ городъ въ Лифлян-

1730 дін, съ землями, къ нему прилегающими, что все стоитъ слишкомъ 60 тысячь рублей.

По етому случаю я донесъ Королю, моему Государю, что Вѣнскій Дворъ думаетъ только о раздачѣ въ Россіи милостей и подарковъ, между тѣмъ, какъ мы не дѣлаемъ ничего, и что нѣтъ возможности прервать союза между обоими Дворами иначе, какъ дѣлая тоже самое.

Іюля 6 кончился совершенную гибель дома Долгоруковыхъ. Князь Алексѣй, отецъ обрученной невѣсты Петра II, былъ сосланъ со всемъ своимъ семействомъ на Березовъ островъ, гдѣ прежде его содержался несчастный Меншиковъ; князь Василій въ Соловецкій монастырь, лежащій на одной скалѣ Бѣлаго моря, и гдѣ не льзя прожить болѣе нѣсколькихъ лѣтъ, по тому что мѣсто ето очень нездорово, и гдѣ питаются только рыбою безъ хлѣба и вина. Князья Сергій и Иванъ, братья Алексѣевы, были сосланы, первый въ Оранiенбургъ, а вторый въ Пустозерскъ, а князя Александра, другаго брата Алексѣева, послали служить лейтенантомъ морскимъ въ Каспійскомъ морѣ. Таковъ былъ трагическій конецъ етой вѣтви дома Долгоруковыхъ, которую любилъ Петръ II, и кажется, что паденіе оной было справедливымъ судомъ Божіимъ, для наказанія ихъ дурныхъ дѣлъ, безмѣрнаго высокомѣрія и тщеславія (27).

Іюля 8 пріѣхалъ изъ Польши графъ Потоцкій, 1730
близкій родственникъ Царицы, которая приняла его очень милостиво и велѣла отвести ему комнаты во дворцѣ. Онъ пріѣхалъ за тѣмъ, что бы поздравить Ея Величество отъ примаса Польши, своего дяди, и что бы развѣдать о намѣреніяхъ Русскаго Двора относительно къ Польскимъ дѣламъ.

Іюля 9, Ея Величество возложила орденъ св. Александра на князя Куракина, своего камергера, прежде бывшаго министромъ при Французскомъ Дворѣ.

Іюля 11, получилъ я новыя кредитивныя граматы, и хотя на другій же день сообщилъ копію съ оныхъ государственному канцлеру Головкину; но не могъ еще имѣть аудіенціи, по тому что 13 числа по утру Царица отправилась на богомолье въ Троицкій монастырь, лежащій въ 12 миляхъ отъ Москвы.

Она возвратилась 19 іюля и на другій день государственный канцлеръ далъ мнѣ знать, что Ея Величество изволитъ принять меня 23, по утру, въ селѣ Измайловскомъ, куда я и пріѣхалъ въ назначенный часъ и былъ введенъ графами Бирономъ, оберъ-камергеромъ, и Левенвольдомъ, оберъ-гофмаршаломъ.

Августа 13, графъ Потоцкій откланялся Царицѣ, которая украсила его орденомъ Св. Андрея,

1730 а 14 числа онъ отправился въ путь на Гродненскій сеймъ.

Сентября 10 праздновали, по обыкновенію, день ордена Св. Александра, и мы всѣ кавалеры сего ордена имѣли честь обѣдать и ужинать съ Ея Величествомъ, послѣ чего былъ сожженъ прекрасный фейерверкъ. Въ тотъ же день Государыня возложила сей орденъ на генерала Вейсбаха, который вмѣстѣ съ симъ получилъ повелѣніе ѣхать на Гродненскій сеймъ, въ качествѣ министра Ея Величества.

Въ ето же время Ея Величество приказала сформировать третій полкъ гвардіи, который назвала Измайловскимъ, и полковникомъ онаго пожаловала генерала Левенволда, а подполковникомъ генерала Кейта. Производство послѣдняго принесло мнѣ большое удовольствіе, по тому что я любилъ его душевно, да сверхъ того, по моему ходатайству, онъ былъ принятъ въ Русскую службу, два года тому назадъ.

Октября 12, Ея Величество опредѣлила генерала Ягужинскаго генералъ-прокуроромъ сената и въ тоже самое время повелѣла ему присутствовать при всѣхъ конференціяхъ по иностраннымъ дѣламъ, что много умеьшило кредитъ графа Остермана, который отъ сего пересталъ распоряжать негоціяціями по своей волѣ, какъ дѣлалъ до сего. Ягужинскій, еще при Петрѣ I,

былъ уже генералъ-прокуроромъ и всѣ были имъ 1730
довольны, и какъ скоро онъ снова вступилъ въ сію должность, то дѣла пошли очень скоро и къ общему всѣхъ удовольствію. Но всѣхъ болѣе былъ доволенъ я, по тому что сей генералъ былъ всегда моимъ искреннимъ другомъ и оставался таковымъ до конца.

Въ тотъ же день Ея Величество пожаловала орденъ Св. Андрея графу Бирону, и етотъ случай показался мнѣ очень удобнымъ для принесенія моего оправданія. Пріѣхавъ къ нему 13 числа, я засталъ его одного, и поздравилъ его съ новою, полученною имъ милостію. Получивъ отъ него тѣже увѣренія въ пріязни, какіе онъ мнѣ дѣлалъ въ послѣдній разъ, я сказалъ ему, что полагаясь на его дружбу, хочу открыть ему свое сердце, и именно, что ему не безъизвѣстна та ложь, которою нѣкоторые люди очернили меня въ глазахъ Ея Царскаго Величества, и что я могу доказать ему свою невинность въ коротких словахъ.

Во первыхъ, я никогда не былъ, какъ сказали, искреннимъ другомъ князя Василія Долгорукова, и первымъ его совѣтникомъ; ибо, не только я не имѣлъ съ нимъ ни какихъ связей во все то время, когда я былъ коротко знакомъ съ княземъ Иваномъ, фаворитомъ Петра II; но онъ всячески старался поссорить насъ, въ чемъ и успѣлъ

1730 мѣсяца за четыре до кончины Царя, въ чемъ свидѣтельствуюсь графомъ Левенвольдомъ, оберъгофмаршаломъ, который по напрасну старался помирить насъ. Во вторыхъ, Царицѣ сказали, будто я сильно противился ея самодержавію, давая совѣты тѣмъ, кои хотѣли ее ограничить. На ето скажу, что во все время, какъ спорили о семъ самодержавіи, я всячески удалялся отъ сообщества Русскихъ, что бы не слышать даже и разговоровъ о семъ дѣлѣ, и что въ бесѣдахъ съ своими пріятелями, я всегда смѣялся надъ ихъ республиканскимъ жаромъ, считая ето глупостію, и утверждалъ всегда, что всѣ споры кончатся объявленіемъ Царицы самодержавною, и что я всегда предувѣдомлялъ о семъ мой Дворъ, какъ могу доказать то копіями съ своихъ депешъ, кои представлю его сіятельству, прося его сдѣлать мнѣ милость повѣрить, что я еще не сшелъ съ ума, и что какъ для Короля, моего Государя, все равно, будетъ ли Царица самодержавною или нѣтъ; то я не такъ глупъ, что бы мѣшаться въ дѣло, которое до меня совсемъ не касается. Въ третьихъ, мои враги разсѣяли слухъ, будто бы я привязанъ къ графу Маврикію Саксонскому, хлопочу за него и постоянно переписываюсь съ нимъ. Не отрицаюсь, что я нахожусь съ нимъ въ дружескихъ связяхъ слишкомъ 15 лѣтъ; но ета дружба не такъ сильна, что бы я вздумалъ быть

его агентомъ, что не прилично ни моему званію, 1730
ни моему происхожденію; что въ дѣла графа Маврикія со всемъ не вступается Король, мой Государь, а я не таковъ, что бы захотѣлъ вмѣшаться въ нихъ, безъ повелѣнія Его Величества; что проѣзжая черезъ Данцигъ, я встрѣтился тамъ съ графомъ, который просилъ меня выхлопотать нѣсколько любовныхъ записочекъ, находившихся въ сундукѣ, который взяли у него въ Курляндіи и который находится въ Русской канцеляріи; что я нѣсколько разъ говорилъ о томъ графу Остерману, изъясняя, что не могу и не хочу говорить съ нимъ о дѣлахъ графа Саксонскаго, но прошу только о возвращеніи его любовныхъ записочекъ, коп совершенно неважны для Русскаго Государства; что хотя графъ Остерманъ и обѣщалъ мнѣ всегда возвратить сіи записочки, но не исполнилъ своего обѣщанія, и что графъ Саксонскій раза три или четыре писалъ ко мнѣ о нихъ, но ничего не писалъ о другихъ какихъ дѣлахъ. Я прочелъ ему сіи письма, и клялся, что никогда не говорилъ о дѣлахъ сего графа, ни прямо, ни околичностями. Вмѣстѣ съ симъ я назвалъ графу Бирону людей, разсѣвавшихъ сіи ложные обо мнѣ слухи, примолвивъ, что я всюду нахожу ядовитость и злость графа Остермана и другихъ, которыхъ я не хотѣлъ назвать по имени (т. е., графа Вратиславскаго,

1730 барона Мардефелдскаго и барона Крама), кои боялись, что если я удостоюсь получить благоволеніе Ея Величества; то они не могутъ успѣть въ своихъ замыслахъ; но что, благодаря Бога, я презираю такихъ враговъ и иду по стезѣ чести и истины, не совращаясь съ нее, для ихъ удовольствія, и что въ етомъ именно состоитъ обязанность моего званія и происхожденія.

Наконецъ просилъ я графа довести все ето до свѣдѣнія Государыни, и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣрить Ея Величество, что ни одинъ изъ ея подданныхъ не уважаетъ и не любитъ ее болѣе меня.

Графъ Бирон слушалъ меня съ величайшимъ вниманіемъ, и когда я пересталъ говорить, то сказалъ, что о всемъ томъ, что я говорилъ ему, онъ непремѣнно донесетъ Государынѣ; при чемъ признался, что дѣйствительно старались вселить въ Ея Величество все то, что я говорилъ ему; но что онъ, по чести, можетъ увѣрить меня, что Ея Величество уже разувѣрилась на мой счетъ и уважаетъ меня такъ, что при всякомъ случаѣ говоритъ обо мнѣ съ отличіемъ; а что касается до него, то онъ былъ и хочетъ всегда быть моимъ другомъ и употребитъ, при етомъ случаѣ, все возможное, что бы доказать мнѣ ето, присовокупивъ къ тому, почти со слезами на глазахъ, другіе выраженія его привязанности и почтенія ко мнѣ.

Отъ графа Бирона поѣхалъ я къ графу Левен- 1730
волду, моему истинному другу, пользовавшему-ся всею довѣренностію Царицы и Бирона. Я говорилъ ему тоже, что и послѣдиему, а онъ обѣщалъ мнѣ стараться разувѣрить Государыню.

Октября 21 было погребеніе тѣла графа Василія Салтыкова, умершаго 18 числа. Онъ былъ дядя Царицы, мать которой была его сестрою. Его былъ очень хорошій человѣкъ и искренній мнѣ другъ. Смерть его для меня была очень прискорбна, по тому что онъ не перемѣнялся ко мнѣ даже въ то время, когда всѣ отъ меня бѣгали.

Октября 28, Царица возвратилась въ Москву изъ Измайловскаго и стала жить въ новомъ дворцѣ, который она построила, и который былъ очень красивъ и убранъ великолѣпно.

На другій день 29, былъ я у графа Бирона, для поздравленія его съ благополучнымъ возвращеніемъ. Онъ сказалъ мнѣ, что бы я пріѣхалъ во дворецъ въ три часа по полудни, по тому что Государыня хотѣла говорить со мною.

Въ назначенный часъ я пріѣхалъ во дворецъ и она, пожаловавъ мнѣ поцѣловать свою руку, приказала мнѣ идти за нею въ ея кабинетъ, вмѣстѣ съ графомъ Левенволдомъ, который будетъ между нами переводчикомъ. Вошедъ туда, Ея Величество изволила сказать мнѣ, что она узнала отъ оберъ-камергера графа Бирона, что я ду-

1730 маю, будто она не благорасположена ко мнѣ, и по етому она хочетъ успокоить меня на етотъ счетъ. Правда, что по пріѣздѣ ея въ Москву, говорили ей обо мнѣ дурно; что ето время было такое критическое, что она не знала, кто ей другъ и кто врагъ, и по тому была принуждена вѣрить всему, что нѣкоторые люди говорили ей обо мнѣ и о другихъ; но убѣдясь въ злости моихъ враговъ и въ моей невинности, она призвала меня къ себѣ, что бы лично самой засвидѣтельствовать мнѣ, какъ теперь она выведена изъ заблужденія, уважаетъ меня и увѣряетъ въ своемъ ко мнѣ благоволеніи.

Слова сіи привели меня въ такое восхищеніе, что я едва собрался съ духомъ отвѣчать на нихъ; но поцѣловавъ ея руку, я сказалъ, что почтеніе мое къ Ея Величеству было всегда непзмѣнно, и ничто не могло принудить меня сдѣлать что либо противъ ея особы; что я благодарю Бога, что могъ объяснить Ея Величеству истину, и никогда не забуду оказанной сю мнѣ чести. Къ етому примолвилъ я, что меня огорчаетъ только то, что я получилъ повелѣніе отъ Короля, моего Государя, выѣхать изъ Россіи; ибо ничто не принесло бы мнѣ такого утѣшенія, какъ прожить нѣсколько лѣтъ у ногъ Ея Величества. Она благодарила меня за ето, изъявивъ сожалѣніе, что я такъ скоро отъѣзжаю, и по томъ удалилась.

Враги мои узнавъ о томъ, что было на етой 1730
конференціи, чуть было не померли отъ бѣшенства, а особливо графы Остерманъ и Вратиславскій, коп, какъ я уже сказалъ, были главнѣйшими моими клеветниками. Симъ оправданіемъ обязанъ я графу Бирону и генералу Левенволду, коп при семъ случаѣ оказали мнѣ всю свою дружбу и не успокоивались до тѣхъ поръ, пока не открыли всей лжи, разсѣянной на мой счетъ Австрійцами.

ХАРАКТЕРЫ ЛИЦЪ,

БЫВШИХЪ ПРИ РУССКОМЪ ДВОРѢ.

Въ этомъ небольшомъ сочиненіи я опишу характеры главнѣйшихъ лицъ, коихъ я зналъ при Русскомъ Дворѣ, и постараюсь сдѣлать ето съ величайшимъ безпристрастіемъ. Опишу также характеры чужестранныхъ министровъ, бывшихъ въ Россіи въ мое время, и могу увѣрить, что перомъ моимъ руководствовала истина, и что я лично зналъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ говорить буду. Начну съ Царя Петра II.

Петръ II былъ высокаго роста, красивъ собою и сложенъ хорошо; на лицѣ его видна была задумчивость; сложеніе крѣпкое, поступь величественная и сила необыкновенная. Хотя и трудновато сказать что либо рѣшительное о характерѣ 14 лѣтняго Государя; но можно было догадываться, что онъ будетъ вспыльчивъ, рѣшителенъ и, можетъ быть, жестокъ. Онъ не терпѣлъ вина *),

*) Сочинитель упоминаетъ ето по тому, что въ то время неумѣренное употребленіе вина было общимъ порокомъ, не только въ Россіи; но и во всей Европѣ.

то есть, не любилъ пить болѣе надлежащаго, и весьма щедръ, такъ, что щедрость его походила на расточительность. Хотя съ приближенными къ нему онъ обходился ласково, однакоже не забывалъ своего высокаго сана и не вдавался въ слишкомъ короткія связи. Онъ быстро понималъ все; но былъ осмотрителенъ, любилъ народъ свой и мало уважалъ другіе. Словомъ, онъ могъ бы быть, со временемъ, великимъ Государемъ, если бы удалось ему поправить недостатокъ воспитанія, даннаго ему Долгоруковыми.

Царица Анна.

Царица Анна была вдовствующею герцогинею Курляндскою, когда была возведена на престолъ, и дочерью Царя Іоанна, старшаго брата Петра I. Она толста, смугловата и лице у нее болѣе мужское, нежели женское. Въ обхожденіи она пріятна, ласкова и чрезвычайно внимательна. Щедра до расточительности, любитъ пышность до чрезмѣрности, отъ чего Дворъ ея великолѣпіемъ превосходитъ всѣ прочіе европейскіе. Она строго наблюдаетъ повиновеніе къ себѣ и желаетъ знать все, что дѣлается въ ея государствѣ; не забываетъ услугъ, ей оказанныхъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ хорошо помнитъ и нанесенные ей оскорбленія. Словомъ, я могу сказать, что она совершенная Государыня, достойная долголѣтнаго царствованія.

Великая Княжна Наталія.

Великая Княжна Наталія, сестра Петра II, была украшена всѣми возможными добрыми свойствами. Она не только не была красавицею, а напротивъ дурна лицемъ, хотя и хорошо сложена; но добродѣтель замѣнила въ ней красоту: она была любезна, великодушна, внимательна, исполнена грацій и кротости, такъ, что всѣхъ привлекала къ себѣ. Она совершенно говорила на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, любила чтеніе и покровительствовала чужестранцамъ. Все сто заставляло возсылать теплыя къ небу молитвы о ея долгодействіи; но Всевышнему угодно было отозвать ее къ себѣ, послѣ долговременной болѣзни, 3 октября 1728, на 15 году ея жизни. Смерть ея оплакали и Русскіе, и чужеземцы, знатные и бѣдные.

Принцесса Елисавета.

Принцесса Елисавета, дочь Петра I и Царицы Екатерины, такая красавица, какихъ я никогда не видывалъ. Цвѣтъ лица ея удивителенъ, глаза пламенные, ротъ совершенный, шея бѣлѣйшая, и удивительный станъ. Она высокаго роста и чрезвычайно жива. Танцуетъ хорошо и ѣздитъ верхомъ безъ малѣйшаго страха. Въ обращеніи ея много ума и пріятности; но замѣтно нѣкоторое честолюбіе.

Герцогиня Мекленбуржская.

Герцогиня Мекленбуржская, сестра Царицы Анны, чрезвычайно живаго характера, не имѣетъ скромности и откровенно высказываетъ все, что ей приходитъ въ голову. Она чрезвычайно толста

Принцесса Параскевія.

Принцесса Параскевія, вторая сестра Царицы, отличается способностями, очень дурна лицемъ и худощава, здоровья слабаго.

Теперь приступлю я къ описанію характеровъ знатнѣйшихъ вельможъ и начну съ фаворита Царя Петра II.

Князь Иванъ Долгоруковъ.

Князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ отличался только добрымъ сердцемъ. Государь любилъ его такъ нѣжно, что дѣлалъ для него все, и онъ любилъ Государя также. Ума въ немъ было очень мало, а проницательности ни какой, но за то много спеси и высокомѣрія, мало твердости духа и никакого расположенія къ трудолюбію; любилъ женщинъ и вино; но въ немъ не было коварства. Онъ хотѣлъ управлять государствомъ, но не зналъ съ чего начать; могъ воспламеняться жестокою ненавистію; не имѣлъ воспитанія и образованія; словомъ, былъ очень простъ.

Графъ Головкинъ.

Графъ Головкинъ, государственный канцлеръ, старецъ почтенный во всѣхъ отношеніяхъ, осторожный и скромный; съ образованностію и здравымъ разсудкомъ, соединялъ онъ въ себѣ хорошія способности. Онъ любилъ свое отечество и хотя былъ привязанъ къ старинѣ; но не отвергалъ и введенія новыхъ обычаевъ, если видѣлъ, что они полезны; былъ привязанъ къ своимъ Государямъ, и его подкупить было невозможно, по сему-то онъ держался при всѣхъ Государяхъ и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, по тому что упрекнуть его не льзя было ни въ чемъ.

Графъ Апраксинъ.

Графъ Апраксинъ, великій адмиралъ, братъ Царицы, супруги Царя Ѳеодора Алексѣевича, старшаго брата Петра I. Съ величайшимъ усердіемъ служилъ онъ Петру I; имѣлъ посредственныя способности, былъ храбръ и рѣшителенъ, и довольно прозорливъ; но не выѣзжал никогда изъ своей земли, онъ не любилъ нововведеній, сдѣланныхъ Петромъ I до того, что не пожалѣлъ бы ничего, что бы возстановить старинные обычаи. Иноземцевъ ненавидѣлъ смертельно и былъ очень корыстолюбивъ, за что чють было не погибъ, но отдѣлался деньгами. Въ политическихъ

дѣлахъ былъ вовсе несвѣдущь, и хотя былъ великимъ адмираломъ; но не зналъ даже первыхъ началъ мореходства.

Баронъ Остерманъ.

Вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, родомъ Нѣмецъ: отецъ его былъ лютеранскимъ пасторомъ въ одной Вестфальской деревушкѣ. Баронъ пріѣхалъ въ Россію въ очень молодыхъ еще лѣтахъ и выучившись основательно языку сей земли, досталъ себѣ мѣсто въ какой-то канцеляріи, гдѣ, по знанію многихъ языковъ, былъ замѣченъ Петромъ I, который сталъ употреблять его, какъ переводчика. Остерманъ умѣлъ также обратить на себя благоволеніе князя Меншикова, который вывелъ его такъ скоро, что онъ сдѣлался вице-канцлеромъ на мѣсто барона Шафирова, который также ему покровительствовалъ. По смерти Царицы Екатерины, Меншиковъ сдѣлалъ его наставникомъ и оберъ-гофмейстеромъ Петра II, и за сто Остерманъ сталъ стараться о погибели своего благодѣтеля и скоро успѣлъ въ этомъ. Онъ имѣлъ всѣ нужныя способности, чтобъ быть хорошимъ министромъ и удивительную дѣятельность. Онъ истинно желалъ блага Русской земли; но былъ коваренъ въ высочайшей степени, и религіи въ немъ было мало, или лучше, ни какой; былъ очень скупъ; но не любилъ взя-

токъ. Въ величайшей степени обладалъ искусствомъ притворяться и съ такою ловкостію умѣлъ придавать лоскъ истины самой явной лжѣ, что могъ бы провести хитрѣйшихъ людей. Словомъ, сто было великій министръ; но поелику онъ былъ чужеземецъ, то не многіе изъ Русскихъ любили его, и по тому нѣсколько разъ былъ близокъ къ паденію, однако же всегда умѣлъ выпутываться изъ сѣтей.

Князь Дмитрій Голицынъ.

Князь Дмитрій Голицынъ, министръ верховнаго совѣта, былъ однимъ изъ числа тѣхъ стариковъ, которые покачивая головою, всегда говорили: «Къ чему всѣ сіи затѣи? развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши отцы и дѣды, которые не пускали къ себѣ иноземцевъ!»

Впрочемъ онъ былъ человѣкъ свѣдущій; но чрезвычайно злый, несносно тщеславенъ и до невѣроятности гордъ.

Князь Василій Долгоруковъ.

Князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, также министръ верховнаго совѣта, былъ уменъ и не дуренъ собою. Онъ былъ посланникомъ въ Швеціи, Даніи, Польшѣ и во Франціи, и всюду заслужилъ имя искуснаго и хитраго министра. Онъ очень хорошо говорилъ на многихъ языкахъ, и съ нимъ пріятно было провести время въ разго-

ворахъ; но вмѣстѣ съ симъ онъ очень любилъ взятки, не имѣлъ ни чести, ни совѣсти, и способенъ былъ на все по корыстолюбію. Наконецъ, онъ понесъ достойную казнь за свои интриги: Царица сослала его на одинъ пустынный островъ Бѣлаго моря.

Князь Алексѣй Долгоруковъ.

Князя Алексѣй Долгоруковъ, второй наставникъ Царя Петра II, министръ верховнаго совѣта и отецъ фаворита, былъ ума очень ограниченнаго, и не зная никакихъ хорошихъ свѣтскихъ обращеній, былъ коваренъ и не терпѣлъ иностранцевъ; былъ рабомъ Двора, преданъ старинымъ обычаямъ и набитъ тщеславіемъ до того, что вздумалъ возвести на престолъ дочь свою, заставивъ Царя Петра II жениться на ней. Но преждевременная смерть Государя разрушила его замыслы, а Царица Анна сослала его въ Сибирь, со всемъ его семействомъ.

Голицынъ, Фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ князь Голицынъ, герой Россіи, былъ человѣкъ умный и благородный; очень хорошо зналъ военное искуство, былъ храбръ и любимъ войсками; смѣлъ, отважевъ и великодушенъ; иноземцевъ не любилъ; но не смотря на его отдавалъ справедливость достойнымъ изъ нихъ; знатные люди его боялись, а Петръ I

уважалъ. Словомъ, сто былъ истинно великій человѣкъ.

Долгоруковъ, Фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ, князь Долгоруковъ, человѣкъ умный, храбрый, честный и довольно хорошо знавшій военное искуство. Онъ не умѣлъ притворяться и часто доводилъ искренность до излишества; былъ отважень и очень тщеславенъ; другъ искренній, врагъ непримиримый; не льзя сказать, что бы онъ ненавидѣлъ иноземцевъ, но и не жаловалъ ихъ слишкомъ. Онъ жилъ благородно и я по истинѣ могу сказать, что сто такій Русскій вельможа, который болье всѣхъ приносилъ чести своему отечеству.

Князь Михаилъ Долгоруковъ.

Князь Михаилъ Долгоруковъ, братъ фелдмаршала, былъ такій тщеславный человѣкъ, какого я не встрѣчалъ никогда: для него все было бездѣлица; но вмѣстѣ съ симъ, онъ готовъ былъ сдѣлать все, что бы только достичь до своей цѣли. Ума у него было не много; онъ лгалъ ужаснымъ образомъ; былъ коваренъ; нелюбилъ никого и скупъ до чрезвычайности; словомъ, въ немъ не было ничего путнаго.

Сапѣга, Фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ Сапѣга, Полякъ, не отличался ни чѣмъ, кромѣ личной храбрости; но о воен-

помъ искусствѣ не имѣлъ и начальнаго понятія; ума въ немъ не было ни крошки; онъ былъ злопамятенъ и горячъ, коваренъ и способенъ на все, лишь бы только достичь до своего намѣренія; напивался каждый день.

Трубецкій, Фелдмаршалъ.

Фелдмаршалъ князь Трубецкій былъ очень простъ и тщеславенъ, впрочемъ человѣкъ добрый, онъ заикался.

Брюсъ, Фелдмаршалъ.

ФелдмаршалъБрюсъ родился въ Москвѣ; отецъ его былъ Шотландецъ. Онъ служилъ съ величайшимъ отличіемъ и Петръ I очень уважалъ его; одаренный большими способностями, онъ хорошо зналъ свое дѣло и Русскую землю, а неукоризненнымъ ни въ чемъ поведеніемъ, онъ заслужилъ общую къ себѣ любовь и уваженіе

Князь Черкасскій.

Князь Черкасскій, человѣкъ благородный, умный, образованный лучше многихъ своихъ соотчичей, отличавшійся безкорыстіемъ и любившій иностранцевъ; но робкій и нерѣшительный.

Графъ Бирономъ.

Графъ Бпронъ, обер-камергеръ и любимецъ Царицы Анны, родомъ Курляндецъ, долго служившій Ея Величеству съ величайшею вѣрно-

стію. Въ обращеніи онъ былъ весьма вѣжливъ; имѣлъ хорошее воспитаніе; любилъ славу своей Государыни и желалъ быть для всѣхъ пріятнымъ; но ума въ немъ было мало и по тому дозволялъ другимъ управлять собою до того, что не могъ отличать дурныхъ совѣтовъ отъ хорошихъ. Не смотря на все его, онъ былъ любезенъ въ обращеніи; наружность его была пріятна; имъ владѣло честолюбіе, съ большею примѣсью тщеславія.

Графъ Левенвольдъ, старшій.

Графъ Левенвольдъ старшій, генералъ-лейтенантъ, полковникъ третьяго гвардейскаго полка, родомъ Лифляндецъ: человѣкъ одаренный способностями, храбрый, отважный и живый. Онъ любилъ славу своей Государыни и пользовался особенною довѣренностію Ея Величества; но Русскіе ненавидѣли его за то, что онъ старался употреблять всюду иностранцевъ. Страшный игрокъ и вмѣстѣ съ тѣмъ скряга, онъ любилъ взятки; но впрочемъ былъ такій человѣкъ, съ которымъ можно было совѣтоваться.

Графъ Левенвольдъ, младшій.

Графъ Левенвольдъ, младшій братъ вышесказаннаго, оберъ-гофмаршалъ, былъ такого дурнаго характера, какихъ я встрѣчалъ мало. Счастіемъ своимъ онъ былъ обязанъ женщинамъ. Ни что не останавляло его въ достиженіи его намѣре-

нія, и онъ не пощадилъ бы лучшаго своего друга и благодѣтеля, если бы видѣлъ для себя какую либо изъ того пользу. Честолюбіе его и тщеславіе простирались до высочайшей степени. Религіи въ немъ совсемъ не было и едва ли онъ вѣрилъ въ Бога, одна только корысть управляла имъ; онъ былъ лживъ и коваренъ. Всѣ вообще его ненавидѣли. Но вмѣстѣ съ симъ, онъ былъ ловокъ въ обращеніи, хорошо служилъ и умѣлъ давать блестящіе при Дворѣ праздники; наконецъ въ немъ былъ умъ и красивая наружность.

Генералъ Вейсбахъ.

Генералъ Вейсбахъ, Нѣмецъ, не дальняго ума. Онъ считалъ себя величайшимъ полководцемъ; но другіе не только не говорили о семъ, а напротивъ имѣли дурное мнѣніе, какъ о его храбрости, такъ и о его опытности. Онъ былъ скученъ и тяжелъ въ обращеніи, а впрочемъ честный человѣкъ.

Генералъ Боиъ.

Генералъ Боиъ, также Нѣмецъ, генералъ отъ инфантеріи, служилъ долго и порядочно зналъ свое дѣло; человѣкъ честный, но чрезвычайно робкій, если боялся навлечь на себя неудовольствіе Двора. Въ обращеніи онъ былъ осторожень и холоденъ со всѣми, а съ офицерами своими поступалъ съ неизъяснимою надменностію.

Генералъ Ласси.

Генералъ Ласси, генералъ отъ инфантеріи, родомъ Ирландецъ, зналъ свое дѣло въ совершенствѣ; его любили и онъ былъ человѣкъ честный, неспособный сдѣлать ничего дурнаго и вездѣ пользовался бы славою хорошаго генерала.

Графъ Минихъ.

Графъ Минихъ, Нѣмецъ, служилъ генераломъ отъ артиллеріи: онъ очень хорошо зналъ военное дѣло и былъ отличнымъ инженеромъ; но самолюбивъ до чрезвычайности, весьма тщеславенъ, а честолюбіе его выходило изъ предѣловъ. Онъ былъ лживъ, двоедушенъ, казался каждому другомъ, а на дѣлѣ не былъ ни чьимъ; внимателенъ и вѣжливъ съ посторонними, онъ былъ несносенъ въ обращеніи съ своими подчиненными.

Гюнтеръ, генералъ.

Генералъ Гюнтеръ, Нѣмецъ, былъ генераломъ отъ артиллеріи: дѣло свое зналъ очень хорошо; былъ честный человѣкъ, надежный и постоянный другъ своимъ друзьямъ; но врагъ непримиримый и весьма мстительный; онъ былъ уменъ и очень уважаемъ отъ Русскихъ.

Матюшкинъ, генералъ.

Генералъ Матюшкинъ, генералъ отъ инфантеріи, служилъ очень хорошо и порядочно зналъ

свое дѣло; человѣкъ добродѣтельный и совершенно честный.

Графъ Ягужинскій

Графъ Ягужинскій, генералъ отъ кавалеріи и оберъ-шталмейстеръ, родомъ Полякъ, и очень низкаго происхожденія. Пришедъ въ Россію въ молодыхъ очень лѣтахъ, онъ принялъ Русскую вѣру и такъ понравился Петру I, что сей Государь любилъ его нѣжно до самой своей смерти. Онъ не слишкомъ много зналъ военное дѣло, да и самъ не скрывалъ этого; но былъ человѣкъ умный, способный, смѣлый и рѣшительный. Полюбивъ кого одинъ разъ, онъ оставался ему искреннимъ другомъ, а если дѣлался врагомъ, то явнымъ. Говорили, будто онъ лживъ; но я не замѣтилъ въ немъ этого порока. Рѣшась на что-либо, онъ былъ твердъ въ исполненіи онаго, и къ Государямъ своимъ былъ весьма привязанъ. Но если случалось ему выпить лишній стаканъ вина; то онъ могъ надѣлать множество глупостей; однако же послѣ, оставивъ эту дурную привычку, онъ сдѣлался совсемъ другимъ. Словомъ, это былъ одинъ изъ способнѣйшихъ людей въ Россіи.

Чернышевъ, генералъ.

Генералъ отъ инфантеріи Чернышевъ, былъ уменъ, храбръ и служилъ хорошо; но былъ чрезвычайно скупъ и лживъ, и нелюбилъ иноземцевъ.

Князь Юсуповъ.

Князь Юсуповъ, генералъ отъ инфантеріи, татарскаго происхожденія, родный братъ котораго былъ въ то время еще магометаниномъ: человѣкъ хорошій, хорошо служившій и довольно хорошо знавшій свое дѣло; онъ былъ покрытъ ранами; любилъ чужеземцевъ, весьма привязанъ къ своему Государю; словомъ, былъ одинъ изъ тѣхъ людей, кои идутъ прямою дорогою; но сильно любилъ пить.

Ушаковъ, генералъ.

Ушаковъ, генералъ отъ инфантеріи, человѣкъ храбрый, исполненный чести, чрезвычайно привязанъ къ своему Государю; сердце у него доброе.

Салтыковъ, графъ.

Графъ Салтыковъ, генералъ отъ инфантеріи и оберъ-гофмейстеръ, человѣкъ весьма хорошій. Онъ служилъ очень хорошо и былъ весьма храбръ; хотя умъ у него былъ небольшій, но онъ зналъ свое дѣло.

Мамоновъ, генералъ.

Мамоновъ, генералъ отъ инфантеріи: человѣкъ храбрый, умный и рьянительный; служилъ хорошо и былъ хорошій офицеръ; но былъ золъ и коваренъ, и всѣ его боялись.

Баронъ Абисдаль.

Баронъ Абисдаль, оберъ-церемоніймейстеръ, родомъ Швейцарецъ; человѣкъ чрезвычайно умный, съ большими свѣденіями и удивительной памяти. Онъ былъ остороженъ; честный человѣкъ; любилъ своихъ друзей и не довѣрялъ тѣмъ, коихъ дружба казалась ему сомнительною; но предавался неограниченно тѣмъ, которыхъ зналъ за честныхъ людей, и кои полагались на его довѣренность. Онъ былъ очень привязанъ къ службѣ своего Государя и уважаемъ всѣми. Ни о комъ не говорилъ онъ дурно, и по истинѣ былъ такимъ человѣкомъ, котораго называютъ честнымъ и некорыстолюбивымъ.

Вотъ характеры знатнѣйшихъ людей, съ которыми я былъ знакомъ при Русскомъ Дворѣ. Теперь я скажу свое мнѣніе о всѣхъ чужестранныхъ министрахъ, кои тамъ были въ одно со мною время.

Графъ Вратиславскій.

Графъ Вратиславскій, посолъ Императора, происходилъ отъ одного изъ древнѣйшихъ домовъ Богемскихъ. Долгое время былъ онъ министромъ при Ратисбонскомъ сеймѣ, а по томъ посломъ въ Польшѣ, откуда былъ перемѣщенъ въ Россію, по смерти графа Рабутинскаго. Но не льзя было выбрать человѣка къ этому Двору, хуже его. Рус-

скіе любятъ, что бы чужестранные министры были вѣжливы, щедры и жили великолѣпно, а въ графѣ не было ни одного изъ сихъ качествъ Хотя онъ и твердилъ о своемъ великолѣпіи; но жилъ такъ, что всегда замѣтна была какая-то скупость. Онъ безпрестанно хвастался добротою своего сердца; но я не зналъ человѣка лживѣе его: болтунъ до того, что не позволялъ никому сказать слова и не слушалъ того, что ему говорили. Воспитанія не имѣлъ ни какого, и по тому обращался очень невѣжливо со всѣми, даже съ дамами. Онъ былъ очень пристрастенъ и мстителенъ; ума въ немъ было мало, а самолюбіе несносное. Я не зналъ человѣка, который такъ легко довѣрялъ бы всякому. Словомъ, онъ скорѣе собенъ былъ забавлять дѣтей сказками старухъ, чемъ быть министромъ, и кажется, что друзья графа Рабутинскаго послали его въ Россію для того только, что бы увѣковѣчить тамъ память послѣдняго, котораго поведеніе и искуство были удивительны.

Баронъ Мардефельдскій, старшій.

Баронъ Мардефельдскій старшій былъ десять лѣтъ Прусскимъ полномочнымъ министромъ въ Россіи: былъ очень уменъ, рисовалъ отлично и очень хорошо игралъ на лютнѣ, и могъ бы считаться любезнымъ и пріятнымъ въ обществѣ человѣкомъ, если бы все сто не потемнялось

множествомъ его недостатковъ. Душа въ немъ была такая корыстолюбивая, что онъ изъ денегъ готовъ былъ пуститься на все. Религіи въ немъ не было никакой, и не смотря на ето, онъ былъ непримиримый врагъ католицизма. Мнѣ не случалось видѣть человѣка, который бы такъ былъ увѣренъ въ успѣхѣ всего, чего ни пожелаетъ, и по етому легкомыслію онъ разсѣвалъ такія новости, коихъ основаніемъ было одно только его желаніе, что бы онѣ были справедливы. Онъ былъ золъ и лживъ, неспособенъ дѣлать никому добра; но очень склоненъ надѣлать много зла, не только умышленно, но и по тому, что управлялся во всемъ пристрастіемъ. Самолюбіе его было ужасно, и ему ничто не казалось хорошимъ, кромѣ того, что было сдѣлано имъ самимъ или приверженными къ нему. Словомъ, можно сказать, что онъ былъ любезный повѣса, любившій забавляться и хорошо покушать.

Баронъ Мардефелдъ, младшій.

Баронъ Мардефелдъ, племянникъ и преемникъ вышесказаннаго, былъ человѣкъ умный, но очень злый, не имѣвшій ни какой чести. Онъ велъ очень дурную жизнь: любилъ играть и проигрывалъ болѣе, чемъ могъ заплатить; не имѣлъ ни малѣйшей способности быть министромъ, и обладалъ всѣми пороками своего дяди, не имѣя хорошихъ его качествъ.

Лефортъ.

Г. Лефортъ, чрезвычайный Польскій посланникъ, родомъ Женевецъ и племянникъ славнаго Лефорта, любимца Петра I. Ето былъ весьма хорошій человѣкъ, неспособный ни къ чему такому, что могло бы запятнать его характеръ. Онъ былъ совершенно безкорыстенъ и готовъ жертвовать всемъ для своихъ друзей; очень хорошо зналъ все, что дѣлалось, и за всѣ его-его уважали при Дворѣ. Но хотя онъ былъ и не глупъ; но о дѣлахъ говорилъ такъ дурно, какъ будто ни одно не бывало у него въ рукахъ. Домъ его былъ открытъ для всѣхъ и онъ жилъ довольно хорошо.

Вестфалей.

Г. Вестфалей, чрезвычайный посланникъ Дацкій; былъ уменъ, опытенъ и имѣлъ много познаній; человѣкъ очень честный, ни мало неспособный къ дурнымъ какимъ дѣламъ и очень привязанный къ службѣ своего Государя; но самолюбіе и тщеславіе его были несносны. Безпрестанно занятый величествомъ своего Короля, онъ думалъ, что всѣ Государи должны уступать его Государю. Онъ обсуживалъ все и выводилъ важные заключенія изъ пустяковъ, случавшихся при Дворѣ или между дипломатическимъ корпусомъ. Онъ жилъ очень уединенно, и рѣдко ѣзжалъ на чужіе обѣды для того, что бы не быть принужденнымъ звать къ себѣ другихъ.

Баронъ Цедеркрейцъ.

Баронъ Цедеркрейцъ, чрезвычайный посланникъ Шведскій, былъ очень красивый мужчина. Онъ слѣдовалъ за Карломъ XII во всѣхъ его походахъ, былъ честный человѣкъ и любилъ своихъ друзей; но былъ не дальняго ума и легко позволялъ себя обманывать. Жена его, которая управляла имъ совершенно, была коварна, тщеславна и скупа.

Дитмаръ.

Г. Дитмаръ, преемникъ Цедеркрейца, человѣкъ былъ не глупый и хорошій; былъ не словоохотенъ, зналъ хорошо Русскій языкъ и его любили всѣ.

Баронъ Стамбкенъ.

Баронъ Стамбкенъ, посланникъ Голштинскій, былъ человѣкъ весьма разсудительный, писалъ удивительно хорошо; но говорилъ дурно. Онъ былъ остороженъ, ученъ и скроменъ; служилъ хорошо своему Государю, жилъ благородно и напивался каждый день. Впрочемъ онъ любилъ своихъ друзей и былъ неспособенъ сдѣлать что либо дурное.

Графъ Бонде.

Графъ Бонде, преемникъ вышесказаннаго, былъ такій глупецъ, какихъ я встрѣчалъ рѣдко: невѣжда, тяжелъ въ обращеніи, надоѣдавшій своими вопросами и со всемъ тѣмъ думавшій, что

въ немъ много ума. Онъ былъ золъ и скупъ, такъ что изъ денегъ готовъ былъ сдѣлать всякую подлость; словомъ, ето былъ человѣкъ безъ всякихъ достоинствъ.

Генералъ Тессинъ.

Генералъ Тессинъ, также министръ Голштинскій, очень отличался отъ своего товарища; въ немъ было много ума. Получивъ хорошее воспитаніе, онъ былъ любезенъ, веселъ, очень откровененъ и неспособенъ ни къ какой подлости; словомъ, человѣкъ совершенный во всѣхъ отношеніяхъ и хорошій министръ.

Дедье (De Dieu).

Г. Дедье, чрезвычайный посланникъ Голландскій, не имѣя ни способностей, ни ума, ни достоинства, былъ невѣжда, дурно воспитанъ, тяжелъ въ обращеніи, и настоящій Голландецъ.

Баронъ Ассебургъ.

Баронъ Ассебургъ, посланникъ Волфенбюттельскій, молодый человѣкъ, знатнаго происхожденія былъ уменъ, осторожевъ, скроменъ и исполненъ чести и добрыхъ качествъ, и при томъ любезенъ въ обращеніи и умѣлъ быть хорошимъ другомъ.

Баронъ Крамъ.

Баронъ Крамъ, посланникъ Блакенбуржскій, походилъ на обезьяну и былъ настоящій педантъ; всегда погруженный въ политику, онъ каждый

день ходилъ по министрамъ, что бы думали, что онъ трактуетъ о дѣлахъ. Онъ былъ не глупъ; но ленивъ, хотя почти плакалъ о всякой бездѣлицѣ. Онъ считалъ себя за величайшаго министра въ Европѣ, хотя могъ быть только хорошимъ школьнымъ учителемъ.

Баронъ Остерманъ.

Баронъ Остерманъ, посланникъ Мекленбургскій и братъ вице-канцлера, былъ величайшій глупецъ; но не смотря на ето, считалъ себя человѣкомъ съ величайшими способностями. Онъ всегда говорилъ загадками; жилъ очень уединенно и его никто не уважалъ.

Гогенцоллернъ.

Г. Гогенцоллернъ, резидентъ Императорскій, былъ человѣкъ честный, добросердечный; но глупый, не знавшій ничего, и пьяница. Но, не смотря на ето, онъ хорошо зналъ Русскую землю.

Вилде.

Г. Вилде, резидентъ Голландскій, изъ Амстердамскихъ купцевъ, не имѣлъ ни ума, ни достоинства, и скорѣе былъ купцемъ, нежели министромъ. Вмѣстѣ съ симъ онъ былъ скупъ и служилъ посмѣшищемъ для Двора, также какъ и его жена, которая прежде была у него кухаркою.

ПРИМѢЧАНІЯ.

I (стр. 2). О болѣзненныхъ припадкахъ, отъ которыхъ скончалась Им. Екатерина I, архіатеръ (т. е. лейбъ-медикъ) Блюментростъ сообщилъ Россійскому министерству слѣдующее описаніе. «ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, 10 числа «апрѣля, впала въ горячку, отъ которой въ седь-«мой день, т. е., 16 числа, чрезъ кризисъ облегче-«ніе имѣла, и потому нѣсколько дней надежду имѣ-«ла къ выздоровленію; но по томъ кашель, ко-«торый она и прежде сего имѣла, токмо не весь-«ма великой, сталъ умножаться, такожде и фебра «(лихорадка) приключилась и въ большее без-«сильство приходить стала, и признакъ объявила, «что нѣсколько поврежденія въ легкомъ быть «падлежало, и мнѣніе дало, что въ легкомъ имѣ-«етъ быть фомика (нарывъ), которая за четыре дня «до ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА смерти явно оказалась, по-«неже, по великомъ кашлѣ, прямой гной, въ вели-«комъ множествѣ, почала ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО выпле-«вывать, что до ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА кончины не «преставала, и отъ тоя фомики, 6 дня Мая, съ «великимъ покоемъ преставилась.»

2 (стр. 3). Духовное завѣщаніе, или, по тогдашнему, тестаментъ, заключалось въ слѣдующихъ статьяхъ:

I. Великому Князю Петру Алексѣевичу быть наслѣдникомъ, и

II. Пользоваться всѣми правами и преимуществами, какими пользовались и Мы.

III. Въ правленіе ему вступить не прежде, какъ на 16 году возраста своего.

IV. Во время Его малолѣтства правленіе поручить: двумъ Нашимъ Принцессамъ, Герцогу и прочимъ членамъ Верховнаго Совѣта, который долженъ состоять не болѣе, какъ изъ 9 особъ.

V. Совѣту сему имѣть полную власть, равную Государской, кромѣ того только, что онъ ничего не можетъ перемѣнить въ наслѣдіи престола.

VI. Все должно быть рѣшено по большинству голосовъ, а особо никто приказать не можетъ ничего.

VII. Великому Князю присутствовать при разсужденіяхъ совѣта; но, по окончаніи регентства, онъ не можетъ требовать ни отъ кого отчета въ произведенныхъ дѣлахъ.

VIII. Ежели Великій Князь безъ наслѣдниковъ преставится; то имѣетъ по немъ Цесаревна Анна, съ своими десцендентами, по ней

Цесаревна Елисавета, съ ел десцендентами, и по томъ Великал Княжна и ея десценденты, наслѣдовать. Однако же, мужеска пола наслѣдники предъ женскимъ предпочтены быть имѣютъ, и никто никогда Россійскимъ престоломъ владѣть не можетъ, который не Греческаго закона, или кто уже другую корону имѣетъ.

IX. Каждая изъ Принцессъ, въ вознагражденіе за исключеніе изъ наслѣдія своего родителя, сверхъ приданаго, состоящаго въ 300 тысячахъ рубляхъ, должна получить наличными деньгами одинъ миліонъ рублей, который будетъ имъ выплачиваемъ мало по малу во время малолѣтства Великаго Князя, съ тѣмъ, чтобы ни онъ, ни супруга его, не могли уже послѣ никогда требовать того обратно. Сверхъ того, обѣ Принцессы получатъ для себя и для фамиліи своей все наше движимое имѣніе, какъ то: драгоцѣнные каменья, золото, серебро и екипажи, принадлежащіе собственно Намъ, а не казнѣ; недвижимое же Наше имѣніе и земли, принадлажавшія Намъ до вступленія на престолъ Всероссійскій, должны быть, по всей справедливости, раздѣлены, составляющими регентство, между прочими ближайшими родственниками Нашими.

X. Во время регентства каждой Принцессѣ выдавать сверхъ вышеписаннаго, по 100 тысячъ рублей ежегодно.

XI. Принцессѣ Елисаветѣ вступить въ бракъ съ Герцогомъ Шлезвикъ-голштинскимъ, Епископомъ Любскимъ, на что и даемъ Мы Наше материнское благословеніе.

XII. Принцессамъ Нашимъ и составляющимъ регентство стараться также соединить бракомъ Великаго Князя съ одною изъ княженъ, дочерей князя Меншикова.

XIII. Все то, чемъ пользовался уже Его Королевское Высочество Герцогъ, ни когда не можетъ быть требовано отъ него назадъ, ниже въ счетъ поставлено.

XIV. Все сіе, по кончинѣ Нашей, должно быть обнародовано, подтверждено присягою и строжайше соблюдено; сопротивляющійся сему наказанъ да будетъ, какъ измѣнникъ, въ чемъ потребовать гарантіи отъ Римскаго Императора.

XV. Вся фамилія Наша должна жить между собою въ согласіи, страшась, въ противномъ случаѣ, подвергнуться материнскому Нашему проклятію. Великому Князю не оставлять Голштинскаго Дома, пока сохранится въ немъ потомство Наше; достигшувъ же совершеннолѣтія, долженъ Онъ исполнить

все, что можетъ еще недоставать къ тому, что Нами здѣсь выше упомянуто.

XVI. Въ случаѣ, если Принцессы отсюда отъѣдутъ, дать имъ свободный пропускъ, а для Голстинскихъ министровъ купить приличный домъ, свободный отъ всѣхъ обывательскихъ повинностей.

Подписано: Екатерина.

Учинено въ С. Петербургѣ
1727 года мая 6 дня.

Его духовное завѣщаніе заимствовано мною изъ имѣющихся у меня выписокъ. Въ нихъ также подъ 19 мая сказано слѣдующее: «Предъ выходомъ изъ собранія, запечатана, при всѣхъ членахъ совѣта, духовная Императрицы Екатерины I, малою печатью Г. канцлера, и пакетъ сей положенъ въ шкатулу, гдѣ хранятся государственныя печати; ключь отъ оной канцлеръ взялъ къ себѣ, приложивъ и къ шкатулкѣ свою же печать и поставивъ ее въ лучшій шкафъ изъ имѣющихся въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.»

Но въ тѣхъ же выпискахъ, составлявшій оныя замѣчаетъ слѣдующее: «Отъ нѣкоторой особы, все «вѣроятіе заслуживающей, и занимавшей одну «изъ первѣйшихъ въ государствѣ степеней, ска«зано мнѣ, что Императрица Анна Іоанновна, по «возшествіи на престолъ, приказала: *подлинное «завѣщаніе сжечь*, и что канцлеръ графъ Голов-

«книъ оставилъ у себя съ онаго списокъ, на ко«торомъ своею рукою отмѣтилъ о сожженіи под«линника. Но какъ и сего въ дѣлахъ нѣтъ; то «статьи изъ тестамента, здѣсь помѣщенныя, пере«ведены изъ книги, извѣстной подъ заглавіемъ: «Supplement au corps diplomatique, par Rousset, «tom II, part. II, pag. 188.

3 (стр. 4). Причины, заставившія Герцога Голстинскаго и супругу его выѣхать изъ Россіи, обстоятельно описаны въ сочиненіи К. Н. Арсеньева.

4 (стр. 4). Настоящая исторія опалы Дивіера съ товарищами была слѣдующая. Онъ былъ женатъ на сестрѣ Меншикова, которая вышла за него совершенно противъ воли своего брата, отъ чего сдѣлалась между ими смертельная ненависть. Во время жизни Петра Великаго они не могли вредить другъ другу; но послѣ Его кончины, Меншиковъ, сдѣлавшись самовластнымъ, тѣмъ сильнѣе поразилъ своего врага. Вотъ какъ происходило его дѣло, которое я заимствую изъ имѣющихся у меня выписокъ.

Меншиковъ, своимъ самовластіемъ, сдѣлался ненавистнымъ для всѣхъ. Сверхъ того Дивіеръ, съ нѣкоторыми другими, былъ употребленъ Петромъ Великимъ по дѣлу Царевича Алексѣя Петровича, и по тому они боялись, что бы сынъ его, сдѣлавшись Императоромъ, не погубилъ ихъ, и его

опасеніе заставило ихъ помышлять о средствахъ лишить Его наслѣдства. Они воспользовались отъѣздомъ Меншикова въ Курляндію, и стали внушать Императрицѣ, что для усовершенія юнаго Царевича въ наукахъ, необходимо нужно отправить его въ чужіе краи, полагая, что если бы въ ето время Екатерина кончила жизнь свою; то имъ можно бы было возвести на престолъ, не Петра, находящагося за границею, а Герцогиню Голстинскую Анна Петровну. Но какъ при етомъ они знали, что Меншиковъ возвратясь, легко можетъ уничтожить ихъ замыслы, то и старались чернить его въ глазахъ Императрицы, что имъ и удалось; ибо и сама Государыня тяготилась уже властію, которую позволила имѣть надъ собою Меншикову, и подписала указъ арестовать его прежде, нежели онъ возвратится въ Петербургъ. Но счастіе и тутъ помогло своему баловню: графъ Бассевичъ, министръ Герцога Голстинскаго, вздумалъ спасти его; не большаго труда стоило ему убѣдить своего Государя вступиться за Меншикова, а Герцогу столь же легко было склонить и Екатерину.

Меншиковъ, возвратясь въ Петербургъ, узналъ о злоумышленіи на него Дивіера съ товарищами, и искалъ случая низвергнуть ихъ въ ту яму, которую они для него копали; наконецъ, случа сей предсталъ.

Въ апрѣлѣ 1727, Екатерина впала въ жестокую болѣзнь. Почувствовавъ облегченіе, она узнала, что всѣ пріѣзжавшіе ко Двору вельможи, были въ превеликой печали, кромѣ Дивіера, который былъ отмѣнно веселъ, шутилъ, смѣялся, и даже не оказывалъ Царевнамъ должнаго (*рабскаго*) респекта. Правда ли ето была, или нѣтъ; но ей такъ сказали, и весьма естественно, что его воспалило ее гнѣвомъ. Она подписала 26 апрѣля указъ о составленіи коммисіи для произведенія слѣдствія о продерзостяхъ, злыхъ совѣтахъ и намѣреніяхъ Дивіера, и къ тому, по изустному ея повелѣнію, было прибавлено слѣдующее: «И кромѣ того, во время Нашей, по волѣ Божіей, прежестокой болѣзни, многимъ грозилъ онъ Дивіеръ и напоминалъ съ жестокостію, чтобъ всѣ его боялись.» На слѣдующій день, князь Меншиковъ доставилъ въ коммисію записку и пункты, по которымъ надлежало допросить Дивіера. Записка сія начиналась слѣдующими словами: «Понеже объявили Намъ Ихъ Высочества Государыни Цесаревны, что сего мѣсяца 16 числа, во время Нашей, по волѣ Божіей, жестокой болѣзни *параксизмусъ*, всѣ доброжелательные Наши подданные были въ превеликой печали, а Антонъ Девіеръ, въ то время будучи въ домѣ Нашемъ, не токмо не былъ въ печали, но и веселился. . . » За симъ описываются его преступленія: 1) пла-

кавшую Софью Карлусовну вертѣлъ вмѣсто танцевъ и говорилъ: не надобно плакать; 2) въ другой палатѣ самъ сѣлъ на кровать и посадивъ съ собою Великаго Князя шепталъ ему: поѣдемъ со мною въ колясцѣ; будетъ тебѣ лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой; 3) Царевнѣ Аннѣ Петровнѣ, бывшей въ безмѣрной печали, онъ, сидя на той же кровати, сказалъ смѣясь: о чемъ печалишься? выпей рюмку вина. Рейхсмаршалъ генералъ-фелдмаршалъ, свѣтлѣйшій князь, видя такія Дивіеровы злые поступки, сказалъ Ихъ Высочествамъ, чтобъ онѣ его не слушали, а былибъ всегда при матушкѣ съ нимъ, свѣтлѣйшимъ княземъ вмѣстѣ.

Меншикову казалось, что слѣдствіе надъ Дивіеромъ идетъ медлѣнно и при томъ видя, что въ жизни Императрицы не было ни какой надежды, онъ подпесъ сй, 5 мая, къ подписанію слѣдующій указъ: «Сочинивъ по дѣлу Антона Дивіера и его сообщниковъ екстрактъ и положивъ сентенцію, соотвѣтственно воинскимъ регламентамъ и указамъ, представить все то на другій день, т. е., 6 числа, а буде нѣкоторые сообщники не были еще допрашиваны, таковыхъ за краткостію времени допросить послѣ.»

Императрица скончалась на другій же день, т. е., 6 мая, около 9 часовъ по полудни; но сентенція надъ Дивіеромъ и его сообщниками,

вѣролтно, была приведена въ исполненіе еще по утру, а по восшествіи на престолъ Петра II, былъ изданъ, 26 мая, манифестъ о томъ, что «открылись такіе мятежники, которые тайнымъ образомъ совѣщались противу устава и соизволенія Императрицы Екатерины I о наслѣдованіи Россійской короны царствующему Императору и вымышляли всякіе коварства, какимъ бы образомъ не только до сего законнаго наслѣдства его не допустить и отлучить въ чужіе краи; но каждый изъ нихъ избиралъ наслѣдника по своей волѣ. Въ семъ сонмищѣ приличились: Антонъ Дивіеръ, Петръ Толстой, Иванъ Бутурлинъ, Григорій Скорняковъ-Писаревъ; а генералъ-лейтенантъ Андрей Ушаковъ слыша такія слова отъ Скорнякова-Писарева не донесъ о томъ, гдѣ надлежитъ. Сверхъ того оказались виновными: Александръ Нарышкинъ и князь Иванъ Долгоруковъ въ томъ, что старались препятствовать сватовству Императора на княжнѣ Меншиковой. Въ наказаніе за такіе злые умыслы повелѣно: Дивіера и Толстова лишить чиновъ и чести, данныхъ деревень и дворовъ, и послать: Дивіера, бивъ кнутомъ, въ Сибирь, а Толстова съ сыномъ Иваномъ, заключить въ Соловецкій монастырь; Бутурлина, лиша всѣхъ чиновъ, послать въ дальнія его деревни; Скорнякова-Писарева, лишивъ чина и чести, и бивъ кнутомъ, послать въ ссыл-

ку, а данныя деревни и дворы у него взять; князя Ивана Долгорукаго отлучивъ отъ Двора и унизя чиномъ, записать въ полевые полки; Нарышкина лишить чина и сослать на житье въ деревню; Андрея же Ушакова опредѣлить къ другой командѣ.» См. Полное собраніе законовъ, VII, нум. 5084.

5 (стр. 4). Изъ вышеприведеннаго тестамента Екатерины I видно Ея желаніе, что бы дочь Ея Принцесса Елисавета вступила въ бракъ съ Герцогомъ, Епископомъ Любскимъ; но онъ умеръ въ Петербургѣ 19 мая 1727, отъ оспы.

6 (стр. 5). Въ числѣ сихъ великановъ, было нѣсколько Русскихъ, конхъ Петръ I прислалъ Королю. Меня увѣряли, что потомство ихъ и теперь живетъ въ Потсдамѣ, особою слободою, сохраняя православную вѣру, хотя по Русски уже не говоритъ.

7 (стр. 48). Среди хаотическаго состоянія Двора Петра II, Александръ Львовичь Нарышкинъ, внукъ Кирила Полуехтовича, родителя второй супруги Царя Алексѣя Михайловича, держалъ себя независимымъ отъ всѣхъ тогдашнихъ партій и считалъ ниже своего достоинства спорить о первенствѣ, которое принадлежало ему по праву рожденія. Дѣйствительно, Нарышкины, со времени Петра Великаго, пользовались при Дворѣ преимуществами, предоставляемыми

обыкновенно Принцамъ крови и вообще считались членами Царскаго Дома. По сему-то, кажется, Дюкъ Лирійскій титулуетъ сказаннаго Нарышкина графомъ. По симъ родственнымъ отношеніямъ Александръ Львовичъ позволялъ себѣ говорить съ Им. Петромъ съ полною откровенностію и свободою, и смѣло укорялъ его.

Долгоруковы, противъ которыхъ откровенность Нарышкина была направлена прямо, поспѣшили избавиться отъ него: въ ноябрѣ 1728, было ему повѣлено оставить Москву и жить въ подмосковныхъ его деревняхъ. Нарышкинъ, раздраженный опалою, не переставалъ и въ ссылкѣ говорить о непорядкахъ правительства и говорилъ не только по прежнему свободно, но даже дерзко, какъ горько обиженный и безвинно страждущій. Въ то время, какъ Государь забавлялся охотою близъ села Чашникова, гдѣ жилъ Нарышкинъ, предложено было Александру Львовичу свиданіе съ Императоромъ и доставлялся случай примириться съ нимъ, и испросить прощеніе; но онъ съ презорствомъ отверъ его предложеніе. Такое явное неуваженіе къ Высочайшей власти и дерзкія слова Нарышкина, переданные Государю, подвергли его суду по законамъ. Онъ былъ призванъ въ верховный тайный совѣтъ и былъ въ опасности подпасть пыткѣ; но Государь, какъ сказано въ Высочай-

шей резолюціи 14 января 1729, по примѣрной своей къ милосердію склонности и великодушію, не указалъ опое дѣло розыскомъ (т. е. пыткою) вести, и чтобъ оное, яко весьма мерзкое и ужасное, не могло разгласиться и въ народѣ разсѣяно быть, чего ради указалъ: послать Нарышкина въ дальнюю его деревню безвыходно, въ слѣдствіе чего онъ былъ отправленъ на житье въ Шацкую его деревню. Впрочемъ надобно замѣтить, что допросъ Нарышкину и судъ надъ нимъ производился не въ полномъ собраніи Совѣта, а только двумя членами, Остерманомъ и княземъ Василіемъ Лукичемъ Долгоруковымъ. По свидѣтельству лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу Нарышкина, и вмѣстѣ съ нимъ пострадавшихъ, Долгоруковы показали себя, при семъ случаѣ, не только злобными и мстительными; но и готовыми посягнуть на чужое достояніе, или преступнокорыстными: они, чрезъ агентовъ своихъ, велѣли сказать Нарышкину, что *когда де онъ отдастъ имъ двѣ вотчины свои: Покровское да Кунцово, то де будетъ по прежнему въ Москвѣ.* Нарышкинъ съ негодованіемъ отвергнулъ постыдное предложеніе и отъ того остался въ опалѣ до самой смерти Петра II: (Арсеньевъ).

8 (стр. 57) См. выше №. 7.

9 (стр. 68). Обрядъ обрученія Им. Петра II съ княжною Долгоруковою происходилъ 30

полбря слѣдующимъ образомъ. Описаніе сто заимствовано изъ современныхъ извѣстій.

За день передъ тѣмъ, къ сему торжеству званы были, чрезъ гофмаршала Шепелева, Ея Величество вдовствующая Царица, Государыня бабка Его Императорскаго Величества, а Ихъ Высочества: Принцесса Елисавета, Герцогиня Мекленбургская, Принцесса Парасковія, и Ея Высококняжеская Свѣтлость Принцесса Мекленбургская, черезъ Императорскаго камеръ-юнкера; но Принцессы фамиліи Долгоруковой и ближніе высокіе сродники отцовой и матерней стороны, для препровожденія Принцессы невѣсты изъ Головинскихъ палатъ ко Двору, были званы чрезъ ихъ собственнаго шталмейстера; также и всѣ прочія знатныя особы обоего пола, какъ Русскія, такъ и иностранныя, приглашены были въ два часа по полудни обыкновеннымъ образомъ. По пріѣздѣ ихъ во дворецъ, дамы были введены въ апартаменты большой залы и стали по правую руку, а кавалерамъ указаны антикаморы Его Величества.

Опредѣленный для сего торжества большій залъ во дворцѣ былъ убранъ слѣдующимъ образомъ:

Посреди онаго лежалъ большій Персидскій шелковый подножный коверъ, на верхнемъ концѣ котораго столлъ четвероугольный столъ, по-

крытый золотою парчею, а на немъ лежалъ ковчегъ, въ которомъ былъ св. крестъ; тутъ же, были поставлены двѣ золотыя тарелки, на которыхъ обручальные перстни благословлены быть имѣли. Передъ симъ столомъ, на коврѣ держали за штанги шесть генералъ-майоровъ, нарядный, по серебреной парчѣ золотомъ богато вышитый болдахинъ, подъ которымъ Императорское обрученіе отправляться имѣло. Сіи генералъ-майоры были: князь Борятинскій, Венедигеръ, Бибиковъ, Измайловъ, Кейтъ, и оберъ-комендантъ Московскій Еропкинъ.

По правую сторону лежалъ такой же долгій шелковый, подножный коверъ, на которомъ Его Величества креслы стояли, а болѣе стульевъ на сей сторонѣ не было.

По лѣвую сторону лежалъ такой же коверъ, на которомъ стояли въ рядъ два зеленыя бархатныя, золотомъ вышитыя кресла, и четыре также вышитые стула; но сіи послѣдніе немного назадъ отодвинуты были. Кресла были: для Ея Величества вдовствующей Государыни бабки, и для Ея Высочества Императорской Принцессы невѣсты, а четыре стула: для Ихъ Высочествъ: Принцессы Елисаветы, Герцогини Мекленбургской, Принцессы Парасковіи и Ея Высококняжеской свѣтлости Принцессы Мекленбургской. За сими стояли, въ другомъ, третьемъ и четвертомъ

ряду, нѣсколько дюжинъ стульевъ для ихъ свѣтлостей: Принцессиной матери, Принцессиныхъ сестеръ и другихъ сродственныхъ Принцессъ, и для другихъ дамъ.

А когда всѣ ко Двору съѣхались, тогда поднялся его свѣтлость оберъ-камергеръ князь Иванъ Алексѣевичъ Долгоруковъ, оной Принцессы невѣсты братъ, яко Императорскій, къ сей церемоніи учрежденный принципальный коммисаръ, со свитою Императорскихъ камергеровъ и Императорскихъ златыхъ каретъ и служителей, въ Головинскій домъ, гдѣ Принцессы фамиліи Долгоруковой въ собраніи были, для препровожденія Императорской Принцессы невѣсты къ сему торжеству.

А когда его свѣтлость оберъ-камергеръ туда прибылъ, тогда онъ, вышедъ изъ кареты, пошелъ въ комнаты и объявилъ причину своей присылки, при томъ просилъ Принцессу къ походу, и сведши ее на низъ, проводилъ до кареты, а самъ былъ въ своей каретѣ. Послѣ сего походъ начался слѣдующимъ образомъ:

1. Шли двѣ Императорскія кареты цугами, въ которыхъ сидѣли господа камергеры.
2. Императорская карета цугомъ, для его свѣтлости камергера.
3. Четыре Императорскіе скорохода.
4. Два придворные фурьера верхами.

5. Императорскій шталмейстеръ Кошелевъ верхомъ одинъ.
6. Ея Высочества гвардіи гренадеровъ верхами.
7. Четыре Императорскіе постильона.
8. Для привезенія опредѣленная карета цугомъ, въ которой Ея Императорское Высочество, а на противъ ихъ свѣтлости: Принцесса мать и сестры сидѣли. Напереди стояли 4 Императорскіе пажа, а назади ѣхалъ камеръ-пажъ верхомъ, а по сторонамъ шли 6 Императорскихъ гайдуковъ и лакеи, всѣ въ уборной ливреѣ.
9. Позади слѣдовали прочія придворныя кареты съ Принцессами Долгоруковой фамиліи такимъ образомъ, что ближайшіе сродники передъ взяли.
10. Дамы отъ свиты Ея Высочества, которыя ея придворный штатъ сочиняютъ.
11. Напослѣдокъ порожнія кареты.

Сей походъ чинился чрезъ такъ называемый Салтыковъ мостъ, большею улицею въ Нѣмецкой слободѣ, ко Двору.

И когда сіе шествіе приближалось, то гофмаршалъ и оберъ-церемоніймейстеръ, оба съ своими чиновными тростьми, при провожденіи Императорскихъ придворныхъ кавалеровъ, пошли въ комнату дамскую, и просили Ея Величество

вдовствующую Государыню бабку, дабы она, купно съ Принцессами крови и прочими дамами изволила идти въ обручальную палату, и когда сіе учинено и назначенные мѣста заняты стали, тогда они, такою же церемоніею, пошли съ большой лѣстницы на низъ, для пріема Принцессы невѣсты.

Его свѣтлость Г. оберъ-камергеръ вывелъ ее изъ кареты и взявъ подъ руку проводилъ въ верхъ, а вахта подняла ружье на караулъ, безъ барабаннаго боя.

И какъ скоро она изволила войти въ залу; то учиненъ избранный концертъ на оркестрѣ, въ которое время, когда Принцесса невѣста въ свое мѣсто вступила, оберъ-камергеръ, камергеры и придворные кавалеры, подъ препровожденіемъ гофмаршала и оберъ-цемоніймейстера, пошли въ покои Его Императорскаго Величества, для приведенія онаго такожде въ то собраніе.

За Его Императорскимъ Величествомъ слѣдовали: ихъ свѣтлости, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгоруковъ, оберъ-камергеръ, генералъ-фелдмаршалъ князь Долгоруковъ и другіе знатные сей фамиліи, такожде ихъ сіятельство и превосходительство, Г. государственный канцлеръ и вице-канцлеръ, и прочіе знатнѣйшіе, и вступили въ залу при боѣ на литаврахъ и играніи на трубахъ.

Когда Его Величество изволилъ войти и сталъ передъ своими креслами, то музыка престала и церемонія слѣдующимъ образомъ началась:

Его свѣтлость Г. оберъ-камергеръ привелъ Ея Высочество Принцессу, свою сестру, подъ балдахинъ, и когда сіе учинено, то Его Величество изволилъ стать подлѣ ее на правой сторонѣ, а при Немъ Его оберъ-гофмейстеръ, его превосходительство Г. баронъ фонъ Остерманъ. Потомъ служащій архіепископъ Новгородскій, по прочтеніи молитвы, приступилъ къ столу и перстни обоихъ Высокихъ обручальниковъ, каждый на особливой золотой тарелкѣ, положилъ, и потомъ паки предъ столомъ ставъ, оные перстни, по обычаю Греческой церкви, благословилъ, а послѣ, паки подошедъ, обмѣненные персти вручилъ, по чемъ пѣніе учинено и нѣкоторыя молитвы чтены.

И потомъ Его Величество, внѣ балдахина, на Его Императорское, а Принцесса на ея мѣсто препровождены, и публичныя поздравленія, при цѣлованіи рукъ, начались, въ которомъ времени били въ литавры и троекратная пушечная пальба съ болверковъ учинена.

Его Величество изволилъ церемоніально повести Принцессу невѣсту за руку въ свои апартаменты, и имъ послѣдовали: Императрица Государыня бабка, Императорскія Принцессы, и ихъ

высокіе сродники, гдѣ подань былъ сигналъ для зажженія фейерверка; оный зѣло изрядно окончился. Такожъ и презрядныя иллюминаціи, внутри и внѣ Дворца, состоящія во многихъ тысячахъ фонарей различныхъ цвѣтовъ, которые были зѣло изрядно устроены, предивный видъ казали.

По окончаніи фейерверка начался балъ въ большой залѣ, при которомъ и Ея Величество Императрица Государыня бабка, для показанія сердечнаго своего удовольствія, присутствовать изволила. Между тѣмъ при нѣкоторыхъ столахъ, по соизволенію, кушали, а на другихъ играли.

И когда балъ (который не такъ долго, какъ обыкновенно, продолжался) окончился, тогда Принцесса невѣста еще съ большимъ торжествомъ, нежели какъ привезена, паки назадъ провождена, а именно: въ каретѣ о осьми коняхъ, при томъ было 8 верховыхъ, 6 пажей, 8 гайдуковъ, 8 кавалегардовъ верхами. Ея Высочество въ каретѣ при себѣ никого не имѣла. При походѣ, отъ гвардіи били барабаны, и возвратный походъ съ тѣмъ же провожаніемъ воспріятъ. И тако оный высокоприятный вечеръ счастливо окончился.

10 (стр. 71). Тутъ или описка или ошибка. Меншиковъ умеръ не на берегахъ *Бѣлаго* моря, а *Ледовитаго*, въ городѣ Березовѣ.

11 (стр. 72). Въ выпискахъ, имѣющихся у меня, записано слѣдующее:

« Генваря 12, по случаю болѣзни Императора оспою, приказано: отправить изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ ко всѣмъ Россійскимъ при чужеземныхъ Дворахъ министрамъ слѣдующее о томъ извѣстіе:

« Объявляется вамъ чрезъ сіе, для извѣстія «вашего, что понеже Его Императорскому Величе- «ству, всемилостивѣйшему Государю нашему, «въ 7 сего мѣсяца, малый жаръ со рвотою при- «ключился, и по томъ, въ послѣдующіе дни у «Его Величества знакъ оспы явился, которая «такъ и выходить начала, что, по мнѣнію докто- «ровъ и по всякой надеждѣ и виду, Его Величе- «ство, Божіею помощію, счастливо и безъ «страха, отъ оной освободится; того ради, за «потребно разсуждено, васъ о семъ благовременно «увѣдомить, дабы вамъ при тамошнемъ Дворѣ, «ежели тамо о семъ вѣдомости произойдутъ, при- «стойнымъ образомъ оное сообщить можно «было, и ежели тамо, гдѣ вы обрѣтаетесь, о семъ «неосновательныя и сему противныя вѣдомости «разгласятся, тобъ вы оныя надлежащимъ обра- «зомъ опровергать въ состояніи были.»

Генваря 25, по случаю болѣзни Императора, отправлено вновь къ Россійскимъ въ чужихъ

кралхъ министрамъ, вторичное извѣщеніе о миновавшей отъ оспы большей опасности:

«На прошлой почтѣ, о немощи Его Император-«скаго Величества, нашего всемилостивѣйшаго «Государя, уже объявлено, что у Его Величест-«ва оспа счастливо и безъ знака особливой опа-«сности оказываться начала; но потомъ оное та-«ко продолжалось, что опая оспа нынѣ совершен-«но выступила и уже созрѣла. И тако, за Божіею «помощію, Его Императорскаго Величества со-«стояніе въ очевидное влящее исправленіе при-«ходитъ и, по разсужденію докторовъ, и по «всѣмъ человѣческимъ видамъ, надѣяться можно, «что въ нынѣшній, яко девятый день отъ нача-«ла болѣзни, наибольшая опасность минула, къ «чему всещедрый Богъ свою дальшую помощь и «сильное благословеніе, даровать да благоволитъ.»

«Генваря 19, по полупочи, въ три четверти перваго часа, скончался отъ оспы Россійскій Императоръ Петръ II, сподобясь предъ кончиною Святыхъ таинъ и муропомазанія.«

12 (стр. 76). Въ имѣющихся у меня выпискахъ, составлявшій оныя, сдѣлалъ слѣдующее замѣчаніе: «По силѣ духовнаго завѣщанія Екатерины (см. выше), на Россійско-Императорскую корону имѣлъ тогда неотрицаемое право наслѣдный Принцъ Шлесвикъ-Голштинскій Карлъ Петръ Ульрихъ (сынъ покойной Герцогини Анны,

дочери Петра I); но члены верховнаго тайнаго совѣта самовластно присвоили себѣ право располагать престоломъ и приступили къ избранію. Прежде всѣхъ нѣкто предложилъ избрать вдовствующую Царицу Евдокію Ѳеодоровну; но старость ея, образъ жизни монашеской и самыя несчастія, при жизни супруга ея воспослѣдовавшія съ нею, отклонили сіе предложеніе общимъ при произнесеніи имяни ея, молчаніемъ. Все вниманіе избирателей обратилось тогда на послѣднія отрасли Императорскаго въ Россіи поколѣнія. Старшая дочь Царя Іоанна Алексѣевича, Мекленбургская Герцогиня Екатерина Іоанновна, неизбрана для того, что имѣла супругомъ иностранца, который будучи неспокойнаго нрава, могъ по случаю разстроенныхъ дѣлъ своихъ въ Германіи, вовлечь Россію въ разорительную войну. Младшую сестру ея, Великую Княжну Прасковью Іоанновну, признали неспособною правительствовать по слабости ея здоровья. Дщерь Петра Великаго Цесаревна Елисаветъ Петровна, сама не приложила попеченія воспользоваться своимъ правомъ на корону по тестаменту Пресвѣтлѣйшей Матери своей и, не имѣвъ на своей сторонѣ старыхъ вельможъ, обойдена была, по ихъ произволу, за молодостію лѣтъ ея. Герцогу Голштинскому не захотѣли вручить скипетра, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ Россія не

принуждена была воевать съ Датскимъ Королемъ за Шлезвикъ, и чтобъ не быть подъ игомъ Голстинцевъ, а особливо у министра графа Бассевича, который въ царствованіе Екатерины I, умѣлъ сдѣлаться для всѣхъ несноснымъ. Члены Верховнаго Тайнаго Совѣта приведены будучи въ заблужденіе примѣромъ Швеціи, и руководствуясь болѣе всего частными выгодами своими, предприняли ограничить самодержавную въ Россіи власть, дабы чрезъ то умножить свою. Выборъ ихъ рѣшился на вдовствующей Герцогинѣ Курляндской Аннѣ Іоанновнѣ, средней дочери Царя Іоанна Алексѣевича, въ томъ чаяніи, что она, за неожиданное сю возвышеніе, также охотно пожертвуетъ монархическимъ преимуществомъ, какъ и Королева Елсопора.»

Въ выпискахъ генваря 19, т. е., самаго дня кончины Императора, записано слѣдующее:

»Въ 5 часу того же утра разосланы были повѣстки ко всѣмъ, обрѣтающимся въ Москвѣ, воинскимъ и статскимъ чинамъ до полковника, что бы непремѣнно черезъ два часа явились въ собраніе Совѣта, гдѣ и пробыли они до исхода 10 по полуночи, послѣ чего, по древнему обыкновенію, для всенароднаго извѣстія о преставленіи Государя, ударено было трижды въ большій успѣнскій колоколъ.

»Въ Совѣтѣ присутствовали тогда: канцлеръ

графъ Головкинъ; дѣйствительные тайные совѣтники: князь Василій Лукичь Долгоруковъ, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ и два генералъ-фелдмаршала: князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ и князь Василій Володимировичъ Долгоруковъ.

»Послѣ сего чрезвычайнаго собранія приказано было дать изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ пашпортъ отправленнымъ отъ Верховнаго Совѣта: члену онаго князю Василью Лукичу Долгорукову; тайному совѣтнику и сенатору князю Михаилу Михайловичу Голицыну, и генералъ-майору Михаилу Леонтьеву, *для нѣкоторыхъ дѣлъ* въ столичный Курляндскаго княжества городъ Митаву.«

13 (стр. 76). Въ выпискахъ сказано: «Оригинальныхъ бумагъ о ихъ коммисіи, въ архивѣ не находится, а осталась одна только слѣдующая собственноручная князя Долгорукова записка: «Роспись письмамъ, отправленнымъ со мною въ Митаву: 1) письмо къ Государынѣ; 2) кондиціи Россійскому правленію; 3) инструкція, почему поступать; 4) копія съ письма, писаннаго къ Государынѣ и 5) цыфирная азбука.«

Кондиціи, предложенныя Императрицѣ, состояли, по удостовѣренію иностранныхъ писателей, въ слѣдующихъ 7 статьяхъ.

1)Que l' Imperatrice ne regnèrait que par les délibérations du conseil souverain.

2) Que de son chef Elle ne ferait ni la guèrre ni la paix;

3) Qu' Elle ne mètrait aucun impot et qu' Elle ne disposerait d'aucune chose de conséquence;

4) Qu' Elle ne punirait de mort aucun gentilhomme sans être auparavant convaincu de son crime;

5) Qu' Elle ne confisquerait non plus des biens de personne;

6) Que Sa Majésté ne pourrait ni disposer de terres appartenantes à la couronne, ni les aliéner;

7) Qu' Elle n'aurait pas la liberté ni de se marier, ni se choisir un successeur, sans demander sur tous ces points l'agrement du Conseil Souverain. (*)

Что касается до *Инструкціи*, то оного пове-

(*) Ето взято изъ извѣстнаго сочиненія Манштейнова, стр. 36 и изъ Mercure historique et politique, Avril, p. 425, 426. Но по запискамъ Дюка Лирійскаго, кондицій состояли изъ 11 статей. Недостающія противъ Манштейна 4 статьи суть слѣдующія: 1) Le grand conseil sera composé de 8 membres qui gouverneront la monarchie; 2) Que la czarine ne pourra pas donner un emploi qui soit au de là du grade de colonel; 3) Que les gardes et l'armée entiére dependraient du grand conseil; 4) Que la czarine ne pourrait donner aucun emploi de la cour, soit à un russe ou à quelqu' étranger sans avoir préalablement consulté le grand conseil. Манштейново извѣстіе напечатано также въ сочиненіи Мальгина: Зерцало Россійскихъ Государей (СПБ.), стр. 564. 565.

лѣвалось: объявивъ Государыни о Ея избраніи, предложить упомянутыя кондиціи и убѣждать къ принятію оныхъ. Между прочимъ упомянуто было и о томъ, чтобъ она не изволила брать съ собою въ Москву камеръ-юнкера своего Бирона.

Послѣ сего, января 22, Совѣтъ опредѣлилъ: отправить ко всѣмъ, при чужестранныхъ Дворахъ обрѣтающимся министрамъ Россійскимъ, окружное письмо о кончинѣ Петра II, и о избраніи на престолъ Анны Іоанновны. Письмо ето, подписанное канцлеромъ и вице-канцлеромъ, содержало въ себѣ слѣдующее:

«Вамъ уже прежде сего чрезъ двѣ отходящія «отсюда почты дано знать, какимъ образомъ «Его Императорское Величество, нашъ всемило-«стивѣйшій Государь, заболѣлъ оспою, которая «не токмо счастливо и по желанію вышла; но и «до 12 дня отъ начатія сей болѣзни, по общему «докторовъ разсужденію и по всему человѣче-«скому виду, ни какой опасности и страха во все-«дражайшемъ Его Величества здравіи, не явилось; «но въ прошедшее воскресеніе, въ 18 день сего «мѣсяца, нечаянно, къ Его Величеству такой жес-«токой жаръ приступилъ и съ часу на часъ та-«кимъ образомъ умножался, что по полудни въ «1 часу, къ неописанному сокрушенію и печали «всѣхъ вѣрныхъ Его Величества подданныхъ и все-«го Государства, отъ сего временнаго житія, по

«соизволенію Божескому, отыде и преселился въ «вѣчное блаженство.

«И понеже послѣ такого печальнаго случая, отъ «владѣющихъ Всероссійскихъ Государей мужеска-«го пола никого не осталось, того ради, по еди-«ногласному всѣхъ чиновъ совѣту, и по желанію, «и всенародному согласію, на Россійскій пре-«столъ въ Императрицы избрана крови Импера-«торской высокодостойныя и блаженныя памя-«ти Великаго Государя Царя Іоанна Алексѣевича, «самодержца всероссійскаго, дщерь, великая Го-«сударыня ,Цесаревна и вдовствующая Герцогиня «Курляндская Анна Іоанновна, къ которой, ради «объявленія о томъ и для препровожденія въ пу-«ти сюда, сего 19 отправлены въ Курляндію: дѣй-«ствительный тайный совѣтникъ князь Василій «Лукичь Долгоруковъ, тайный совѣтникъ князь «Михаилъ Михайловичъ Голицынъ, да генералъ «маіоръ Леонтьевъ. И понеже до прибытія Ея «Величества сюда, формальная нотификація о «томъ учинена быть не можетъ, того ради, имѣ-«сте вы, по полученіи сего, немедленно испроси «партикулярную аудіенцію, о томъ Его Величе-«ству донесть и при томъ наилучшимъ образомъ «обпадежить, что сей случай въ имѣющейся меж-«ду Ихъ Величествъ дружбѣ и обязательствахъ «ни какой отмѣны не учинитъ, но со стороны «всероссійскаго Государства непарушимо и не-

«премѣнно всегда содержаны будутъ. А коего «времени, Богу изволившу, Ея Величество Госу«дарыня Императрица, сюда изъ Курлиндіи при«быть и на престолъ вступить, изволитъ, то фор«мальная о томъ нотификація отъ Ея Величества «прислана быть имѣетъ.

«Что же надлежитъ до интересовъ государст«венныхъ, и въ томъ вы поступать имѣете по «прежнимъ, отправляемымъ къ вамъ Указамъ «безъ всякой отмѣны. И какъ сія вѣдомость «при . . : Дворѣ принята, и что происходить бу«детъ, о томъ имѣете вы коллегію иностран«ныхъ дѣлъ доносить.»

Генваря 28, Верховный Совѣтъ письмомъ къ князю Долгорукову просилъ его: «когда Ея Величество изволитъ подписать, по прошенію ихъ, отправленное съ нимъ къ подписи Ея Величества извѣстное письмо; то оное, ни мало не удержавъ прислать къ нимъ въ Москву, съ Г. Леонтьевымъ. При семъ Совѣтъ увѣдомлялъ, что они здѣсь, ко входу Ея Величества всякое приуготовленіе чинятъ на двое, и въ цвѣтномъ и въ черномъ, для того, что Его Императорское Величество, блаженныя памяти Петръ II, еще не погребенъ, и учинятъ оный входъ тогда, какъ Ея Величество, при сближеніи своемъ, за потребно разсудитъ изволить.«

14 (стр. 78): »Января 30, Верховный Совѣтъ

получилъ изъ Митавы слѣдующее отъ князя Долгорукаго доношеніе, писанное 26 числа:

«Пріѣхали мы въ Митаву 25 сего мѣсяца, въ 7 «часу по полудни, и тогожъ числа донесли Ея Вели- «честву Государынѣ Императрицѣ, въ началѣ о пре- «ставленіи Его Императорскаго Величества, а по- «томъ, что набрали Ея Величество на Россійскій «престолъ, и просили, чтобъ изволила подпи- «сать посланныя съ нами кондиціи. Ея Величество «изволила печалиться о преставленіи Его Вели- «чества, а по томъ, по челобитью нашему, пове- «лѣла, тѣ кондиціи передъ собою прочесть и вы- «слушавъ изволила ихъ подписать своею рукою «тако: «По сему обѣщаюсь все, безъ всякаго изъ- «ятія содержать. АННА.» Тѣ подписанныя кон- «диціи мы удержали и привеземъ ихъ съ собою, а «съ курьеромъ не послали за опасностію, чтобъ «какимъ несчастіемъ въ дорогѣ не утратились.

«Ея Величество намѣрена отсюда идти сего «мѣсяца 28 или конечно 29 числа, и въ пути «медлить не изволитъ. Для проѣзда Ея Величества «чрезъ Ригу приказалъ я [князь Долгоруковъ] «генералу Лессію стрѣлять изъ пушекъ и полки «гарнизонные поставить въ строй. О въѣздѣ же «Ея Величества въ Москву, зѣло нужно мнѣ вѣ- «дать: публичный ли будетъ и съ какою цере- «моніею? о томъ буду ожидать отвѣта.

«Государыня изволила требовать десяти ты-

«сячъ рублевъ на всякіе расходы и на подъемъ, «и я, по Ея Указу, послалъ письмо къ оберъ «инспектору Ильѣ Исаеву въ Ригу, чтобы тое «сумму выдалъ тому, кому Ея Величество при-«шлетъ повелитъ.«

По прочтеніи сего доношенія, члены Совѣта немедленно отправили въ Митаву курьера съ двумя рескриптами къ князю Долгорукову. Первымъ они просили его о скорѣйшей присылкѣ подписанныхъ кондицій съ генералъ-маіоромъ Леонтьевымъ или съ кѣмъ другимъ. При второмъ доставили ему росписаніе о мѣстахъ, гдѣ будутъ заготовлены лошади для шествія Императрицы.

15 (стр. 78). Леонтьевъ привезъ съ собою подписанныя Императрицею кондиціи, при слѣдующемъ доношеніи князя Долгорукаго:

«Вчерашняго числа доносили мы въ Верховный «Тайный Совѣтъ о пріѣздѣ нашемъ въ Митаву и «что посланныя съ нами кондиціи Ея Величество «Государыня Императрица подписать изволи-«ла, а нынѣ оныя кондиціи, за собственнымъ Ея «Величества подписаніемъ отправили въ Верхов-«ный Тайный Совѣтъ съ генералъ маіоромъ Ми-«хайломъ Леонтьевымъ, при чемъ же вложено «письмо Государыни Императрицы, которое из-«волила писать въ Верховный Тайный Совѣтъ въ «отвѣтъ на присланное съ нами къ Ея Величест-«ву изъ Верховнаго Тайнаго Совѣта письмо о из-

«брашіи Ея Величества на Россійскій Престолъ.
«Генваря 28 дня 1730.»

Высочайшій рескриптъ Тайному Совѣту былъ слѣдующій:

«Любезновѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, при-
«сутствующимъ въ Тайномъ Верховномъ Совѣтѣ.

«Отправленные отъ васъ, любезновѣрные Намъ
«тайный дѣйствительный совѣтникъ и членъ
«Верховнаго Тайнаго Совѣта, князь Василій Дол-
«горуковъ, да тайный совѣтникъ и сенаторъ
«князь Михаилъ Голицынъ, и генералъ маіоръ
«Леонтьевъ, 25 числа сего мѣсяца пріѣхавъ къ
«Намъ въ Митаву горестную и неописанную
«объявили Намъ печаль о преставленіи Его Им-
«ператорскаго Величества Петра II, Нашего лю-
«безнѣйшаго племянника и Государя. Мы, какъ
«по близости крови, такъ и по всѣмъ Его Вели-
«чества благосклоннымъ къ Намъ поступкамъ,
«признавасмъ тое печаль за крайнее Божеское
«наказаніе Нашей фамиліи и всѣмъ Россійскаго
«народа праволюбящимъ дражайшее свое отече-
«ство. По томъ, вышепомянутые отправленные
«къ Намъ отъ васъ особы, объявили Намъ, что,
«по соизволенію всемогущаго Бога, который тог-
«мо едини державы и скиптры Монарховъ опредѣ-
«ляетъ, изобраны Мы на Россійскій прародите-
«лей Нашихъ престолъ, и хотя Я разсуждала,

«какъ тяжко есть правленіе толь великой и слав-
«ной Монархіи, однакоже повинулась той боже-
«ской волѣ и прося Его создателя помощи, къ
«томужъ не хотя оставить отечества Моего и
«вѣрныхъ Нашихъ подданныхъ, намѣрилась, при-
«нять державу того государства и правительст-
«вовать, елико Богъ мнѣ поможетъ, такъ, чтобы
«всѣ Наши подданные, какъ мірскіе, такъ и ду-
«ховные, могли быть довольны. А понеже, къ то-
«му Моему намѣренію потребны благіе совѣты,
«какъ и во всѣхъ государствахъ чинится, того
«для, предъ вступленіемъ Моимъ на Россійскій
«престолъ, по здравомъ разсужденіи, изобрѣли
«Мы за потребно, для пользы Россійскаго госу-
«дарства и къ удовольствованію вѣрныхъ Нашихъ
«подданныхъ, дабы всякъ могъ ясно видѣть го-
«рячесть и правое Наше намѣреніе, которое Мы
«имѣемъ къ отечеству Нашему и вѣрнымъ На-
«шимъ подданнымъ, и для того, елико время Насъ
«допустило, написавъ, какими способы Мы то
«правленіе вести хощемъ, и подписавъ Нашею
«рукою, послали въ Тайный Верховный Совѣтъ,
«а сами сего мѣсяца въ 29 день конечно изъ Ми-
«тавы къ Москвѣ, для вступленія на престолъ,
«пойдемъ. Впрочемъ обѣщаемъ вамъ, и всѣмъ
«Нашимъ подданнымъ, Нашу Монаршескую ми-
«лость, которую по прибытіи Нашемъ, дѣйстви-

«тельно показать хощемъ, и всѣхъ васъ вручаемъ «всемогущему Богу. Дано въ Митавѣ 28 Генваря «1730 года.(*).

Всѣ сіи присланныя изъ Митавы бумаги были прочтены въ собраніи Совѣта 2 февраля.

16 (стр. 80). О семъ происшествіи записано въ выпискахъ моихъ 2 февраля, что князь Долгоруковъ прислалъ слѣдующее особое донесеніе:

«Увѣдали мы, что вчерашняго числа пріѣхалъ «въ Митаву съ Москвы Петръ Спиридоновъ «г. Сумароковъ и живетъ здѣсь тайно. А «понеже, при отъѣздѣ нашемъ съ Москвы, не «только пріѣзжіе и почты всѣ удержаны, того «для мы его Сумарокова нашедъ, допрашивали, и «тѣ распросныя рѣчи за его рукою, и найден- «ные у него письма, и его Сумарокова оковавъ, «послали съ генералъ-маіоромъ Михайломъ Леонть- «евымъ, и приказали сіе донесеніе и его Сумаро- «кова, объявить въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ. «Генваря 28 дня 1730 года.»

Составитель выписокъ дѣлаетъ при семъ слу- чаѣ слѣдующіе замѣчанія:

«Не смотря на заставы, около Москвы раз- ставленныя, дабы никто прежде отправленной въ Митаву депутаціи не предъувѣдомилъ Госу-

---

(*) Сей Высочайшій рескрипть напечатанъ также въ Сказаніи о родѣ князей Долгоруковыхъ, стр. 233.

дарынію о избраніи Ея на Престолъ и о всемъ происшедшемъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ; но посланный въ ту же самую ночь отъ графа Ягужинскаго адъютантъ Сумароковъ доѣхалъ туда безпрепятственно.—Графъ Ягужинскій, какъ сказываютъ, писалъ къ Императрицѣ, чтобъ Она изволила поспѣшить отъѣздомъ своимъ изъ Митавы, и склонилась на всѣ требованные Совѣтомъ условія, а онъ, между тѣмъ, обѣщалъ приложить попеченіе о умноженіи числа своихъ единомышленниковъ, увѣряя Императрицу, что тесть его, канцлеръ графъ Головкинъ, уже на сторонѣ Ея, и что по пріѣздѣ въ Москву, все кончится по желанію.

Февраля 4 отправленъ къ князю Долгорукову въ дорогу съ курьеромъ слѣдующій рескриптъ:

«Сего настоящаго февраля 2 дня прибылъ сюда «генералъ-маіоръ Г. Леонтьевъ и привезъ, къ не«описанной намъ радости, отъ Ея Императорскаго «Величества милостивѣйшее къ намъ писаніе отъ «28 минувшаго генваря, купно съ подлинными «кондиціями, за подписаніемъ собственныя Ея «Величества руки. И мы, воздавъ всевышнему «Богу благодареніе за толикую Ея Величества къ «намъ и ко всему государству показанную ми«лость, созвали, какъ синодъ, такъ сенатъ и ге«нералитетъ, и то Ея Величества милостивѣйшее «писаніе и кондиціи всѣмъ прочли, которыя,

«такожъ, съ великимъ Богу благодареніемъ, оную «Ея Величества милость приняли.

«Онъ же Г. Леонтьевъ отдалъ намъ вашего «сіятельства два писанія отъ тогожъ 28 минув- «шаго генваря, и при одномъ допросъ Сумаро- «кова, изъ котораго усмотрѣли о дѣйствіяхъ Ягу- «жинскаго, и опаго, тогожъ времени, при собра- «ніи всѣхъ заарестовали, и которые знали, съ «чемъ онъ Сумароковъ отъ Ягужинскаго отправ- «ленъ, взяли за караулъ, между коими здѣсь не «явился Воинъ Корсаковъ, сказали, что поѣхалъ «въ Новогородскія свои деревни, и мы вчераш- «няго дня, отправили съ нарочно посланнымъ «указъ въ Новгородъ къ губернатору, что бы «онъ, по полученіи того указа, тотчасъ въ ту его «деревню послалъ кого изъ офицеровъ съ сол- «даты, или, гдѣ сыскать его можно, велѣлъ взять «подъ крѣпкій караулъ и отдать въ содержаніе «генералъ-маіору Порошину, и ни кого къ нему «не допускать; и буде явятся у него какія пись- «ма, отобрать и запечатавъ прислать въ Верхов- «ный Тайный Совѣтъ, о чемъ вашему сіятельст- «ву даемъ знать ради вашего извѣстія, дабы вы, «къ предосторожности потребныя мѣры взять «изволили.

«Изъ письма вашего сіятельства отъ 29 дня «усмотрѣли, что путешествіе Ея Императорскаго «Величества въ Москву имѣетъ быть въ скоромъ

«времени, того ради просимъ ваше сіятельство, «доложа Ея Величеству, дать намъ знать, гдѣ со- «изволитъ, по прибытіи, остановиться: въ Ни- «кольскомъ ли, или въ Всесвятскомъ, или, для «близости, въ слободахъ въ Земляномъ городѣ? «а между тѣмъ, въ тѣхъ мѣстахъ дворцы, гдѣ «лучшіе сыскать можно, приказали осмотрѣть и «приготовить.

«О похоронахъ тѣла Его Императорскаго Ве- «личества хотя и обнадеживаютъ насъ, что мо- «гутъ управиться къ 15 числу сего мѣсяца; одна- «кожъ чтобъ къ тому времени управились, на- «дѣяться не можно.

«Генералъ-маіоръ Леонтьевъ, по желанію ва- «шего сіятельства, отправленъ къ вамъ по преж- «нему.»

«При томъ просимъ ваше сіятельство по ча- «сту насъ увѣдомлять о благополучномъ здра- «віи нашей всемилостивѣйшей Государыни, и «сколь скоро ожидать намъ прибытія Ея Велич- «ства.»

Вашего сіятельства, доброжелательные слуги:

Подписали: Князь Михайла Голицынъ.

Князь Василій Долгоруковъ.

Князь Дмитрій Голицынъ.

Князь Алексѣй Долгоруковъ.

Такимъ образомъ верховный тайный совѣтъ получивъ кондиціи, подписанныя Ея Император-

скимъ Величествомъ, издалъ того же 4 февраля, отъ своего имени, слѣдующій манифестъ.

«Понеже по волѣ всемогущаго Бога, всепре-«свѣтлѣйшій, державнѣшій, Великій Государь, «Петръ II, Императоръ и Самодержецъ Всерос-«сійскій, болѣзнуя оспою, генваря отъ 7 дня, отъ «временнаго въ вѣчное блаженство, тогожъ ген-«варя 18 числа, въ 1 часу по полуночи, отыі-«дѣ, и сія горестная всему Государству Его Им-«ператорскаго Величества кончина пресѣкла на-«слѣдство Императорскаго мужескаго колѣна, «того ради общимъ желаніемъ и согласіемъ всего «Россійскаго народа, на Россійскій Император-«скій престолъ избрана по крови Царскаго колѣ-«на тетка Его Императорскаго Величества, Госу-«дарыня Царевна Анна Іоанновна, дщерь Великаго «Государя Царя Іоанна Алексѣевича. Чего ра-«ди къ Ея Императорскому Величеству, чтобъ «изволила Россійскій престолъ принять, отпра-«влены съ прошеніемъ: дѣйствительный тайный «совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгорукій, да «сенаторъ тайный совѣтникъ князь Михайло «Михайловичъ Голицынъ, да генералъ-маіоръ Ми-«хайло Леонтьевъ, по которому прошенію Ея «Императорское Величество всемилостивѣйше «соизволила, и нынѣ обрѣтается въ пути. И для «того симъ объявляется, чтобъ всякаго чина лю-«ди, какъ духовнаго, такъ воинскаго и граждан-

«скаго, о томъ вѣдали и о воспріятіи Ея Импе«раторскимъ Величествомъ Россійскаго престола «Бога благодарили. А какъ Ея Императорское «Величество къ Москвѣ прибудетъ, тогда о прибо«дѣ къ присягѣ, отъ Ея Императорскаго Величе«ства указы выданы будутъ впредь немедлѣнно.»

На другій послѣ сего день, 5 февраля, Верховный Тайный Совѣтъ опредѣлилъ: объ Императрицѣ въ церквахъ Бога молить при возношеніи Ея имени; въ грамотахъ, указахъ, челобитныхъ и во всякихъ публичныхъ бумагахъ писать и въ печатяхъ титулъ изображать точно такимъ образомъ, какъ было при Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ.

17 (стр. 81). Императрица, прибывъ 16 февраля въ подмосковное село Чашниково, была тамъ встрѣчена тремя членами синода и тремя сенаторами, и имѣла тамъ обѣденный столъ. Во Всесвятское прибыла того же числа, въ 3 часу по полуночи, и тамъ, отъ герцогини Мекленбурской и Царевны Параскевіи Іоанновны, приняла первыя поздравленія съ счастливымъ прибытіемъ.

18 (стр. 82). Тѣло въ Бозѣ почившаго Императора предано землѣ 11 февраля въ соборной церкви Архистратига Михаила.

19 (стр. 82). Въ тотъ же самый день, члены Верховнаго Тайнаго Совѣта и прочія знатнѣйшія

особы, ѣздили во Всесвятское для отдапія Императрицѣ поклоновъ.

20 (стр. 83). Торжественное вшествіе Императрицы въ Москву производилось по слѣдующему, предварительно въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ апробованному церемоніалу:

Отъ тріумфальныхъ воротъ, которые отъ Земляпаго города, даже до тѣхъ тріумфальныхъ же воротъ Воскресенскихъ, которыя у Китая города, по обѣ стороны улицы, стояли армейскій полки, а именно: первый и вторый Московскіе, Копорскій, Выборгскій, Воронежскій, Вятскій, Сибирскій и Бутырскій:

Лейбъ-гвардіи Преображенскій и Семеновскій полки стояли въ Китаѣ, на Красной площади, отъ Воскресенскихъ воротъ, такожде и въ Кремлѣ, даже до большаго Успенскаго собора.

При входѣ Ея Императорскаго Величества, маршъ отправился слѣдующимъ образомъ:

1. Гранодерская рота Лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка ѣхала конницею.

2. Шли кареты порожнія генеральскихъ и знатнаго шляхетства персонъ съ ихъ служители въ либирѣ, цугами, а именно всѣхъ 21 карета.

3. Ѣхали въ своихъ каретахъ о шести возпикахъ Верховнаго Тайнаго Совѣта министры и прочія знатнѣйшія особы, въ цвѣтномъ богатомъ платьѣ, а именно:

Тайные дѣйствительные совѣтники:
Князь Михайло Володимировичъ Долгорукій.
Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій.
Князь Михайло Михайловичъ Голицынъ.
Генералъ-Фелдмаршалы:
Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой.
Князь Василій Володимировичъ Долгорукій.
Князь Михайло Михайловичъ Голицынъ.
Государственный канцлеръ
графъ Гаврило Ивановичъ Головкинъ.
Грузинскій Царь
Вахтангъ Леоновичъ.

И того 8.

4. Ея Императорскаго Величества 4 лакея пѣшками.

5. Ея Императорскаго Величества 7 каретъ цугами: кучера и форреты въ либреѣ съ золотыми позументы; на лошадяхъ шоры вызолоченые. Изъ оныхъ въ трехъ каретахъ сидѣли Ея Императорскаго Величества три дамы.

6. Знатное шлахетство и офицеры, по рангамъ верхами, 21 человѣкъ, надъ которыми команду имѣлъ генералъ-маіоръ князь Шаховской. А за тѣмъ съ шляхетствомъ въ замкѣ ѣхалъ генералъ-маіоръ Петръ Измайловъ.

7. Передъ кавалергардіею, генералъ-лейтенантъ и отъ кавалергардіи лейтенантъ Дмитрі-

евъ-Мамоновъ; а впереди кавалергардіи трубачи и литаврщики и ихъ заводныя лошади.

8. Два камеръ-фурьера верхами; лакеевъ 12 пѣшками.

9. Арановъ и скороходовъ 4.

10. Карета большая о 9 лошадяхъ съ богатыми уборами, въ которой Ея Императорское Величество сидѣть изволила. Подлѣ всякой лошади той кареты было конюшенныхъ служителей въ либреѣ, пѣшихъ по одному человѣку; кучеръ и форрейторъ въ либреѣ бархатной съ позументомъ золотымъ.

По сторонамъ той Ея Императорскаго Величества кареты шло гайдуковъ пѣшихъ 6, да ѣхали верхами, съ правую сторону: дѣйствительный тайный совѣтникъ князь Василій Лукичъ Долгоруковъ, а за нимъ генералъ-маіоръ Леонтьевъ; съ лѣвую сторону: тайный совѣтникъ князь Михайло Михайловичъ Голицынъ, а за нимъ генералъ-маіоръ Шуваловъ.

Князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой; за нимъ караульные кавалергарды.

11. Въ заключеніи марша слѣдовала гренодерская рота лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка.

12. Сенаторы Высокаго Сената и коллежскіе члены, которые не были въ опой церемоніи, такожде офицеры, которые внѣ команды, для встрѣчи Ея Императорскаго Величества, были

при большомъ Успенскомъ соборѣ, въ цвѣтномъ же платьѣ.

13. Знатныя дамы ожидали Ея Императорскаго Величества пришествія въ помянутомъ соборѣ, въ цвѣтномъ же платьѣ, въ робахъ, а у кого робовъ не было, тѣ въ самарахъ.

14. Когда Ея Императорское Величество, изволила придти къ Земляному городу, тогда палили изъ 71 пушки, а когда Ея Императорское Величество приближалася къ Бѣлому городу, тогда палили изъ 85 пушекъ.

15. При приходѣ Ея Императорскаго Величества въ городъ Китай, встрѣчали Ея Императорское Величество, у воротъ Воскресенскихъ, Архіереи и прочія духовныя особы, съ честнымъ крестомъ и со святыми иконы.

16. Когда же Ея Императорское Величество прибыла въ городъ Кремль и изволила идти, для отправленія Господу Богу молитвы, въ большой Успѣнской соборъ, и при вступленіи Ея Величества въ оный палили изъ 101 пушки, да изъ мѣлкаго ружья стоящіе полки отъ того собора до Земляного города, по обѣ стороны улицы бѣглымъ огнемъ троекратно.

17. По томъ Ея Императорское Величество изволила изъ онаго Успенскаго собора ходить, для моленія жъ, въ другій соборъ Архангельскій, гдѣ погребены предки Ея Величества, такожде

и недавно преставившійся блаженной памяти Его Императорское Величество.

А изъ того собора соизволила Ея Императорское Величество пойтить, при провожденіи всѣхъ здѣшнихъ главныхъ и прочихъ знатныхъ особъ мужеска и женска пола, во Дворъ Императорскій въ апартаменты Ея Императорскаго Величества.

18. Во время шествія Ея Императорскаго Величества въ Москву, улицы всѣ усыпаны были пескомъ и противъ всякаго двора поставлены елки, и по ночамъ, чрезъ три дни, отъ 15 по 18 число февраля, и чрезъ всѣ тѣ три дни, употреблено здѣсь платье у всѣхъ цвѣтное.

21 (стр. 83). Въ выпискахъ моихъ записано: «Февраля 20, по формѣ изданной Верховнымъ тайнымъ Совѣтомъ, началась прежде въ большомъ Успенскомъ, а потомъ и во всѣхъ соборахъ, присяга Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ и *Государству*, отъ членовъ Совѣта и отъ всѣхъ военныхъ, придворныхъ и статскихъ чиновъ, и продолжалась токмо до полудня 24 числа.»

22 (стр. 88). Петръ Великій, учредивъ сенатъ, далъ ему титулъ *Правительствующаго*, поелику онъ содѣлалъ его средоточіемъ всѣхъ государственныхъ властей, высшимъ трибуналомъ суда и расправы и администраціи. Екатерина I, учредивъ Верховный Тайный Совѣтъ, подчинила ему

Сенатъ оставивъ его только высшимъ судебнымъ трибуналомъ, и по тому вмѣсто *Правительствующаго*, повелѣла называть его *Высокимъ*.

25. (стр. 89). Сочинитель *Сказаній* о родѣ князей Долгоруковыхъ пишетъ (стр. 235), что прошеніе дворянства было сочинено княземъ Антіохомъ Кантемиромъ, по доношенію князей Черкасскихъ. Вообще подробности сего важнаго происшествія, въ *Сказаніяхъ* описаны нѣсколько иначе (стр. 121, 122).

24 (стр. 90). О семъ спасительномъ для блага Россіи происшествіи, записано въ моихъ выпискахъ слѣдующее:

«Февраля 25, по сдѣланной повѣсткѣ, собра-
«лись послѣ полудня, въ Кремлевскій дворецъ, всѣ
«государственные чины, какъ то: члены Вер-
«ховнаго Тайнаго Совѣта, сената, генералитетъ,
«гвардіи оберъ-офицеры; всѣ штатскіе, и знатнѣй-
«шее дворянство, и бывъ допущены къ Импера-
«трицѣ, провозгласили Ее самодержицею всерос-
«сійскою, безъ всякаго ограниченія власти, при
«чемъ кондиціи, Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ
«предложенныя къ подписанію Ея Величества,
«были торжественно уничтожены.

«Первое употребленіе самовластія своего, Им-
«ператрица оказала надъ арестованнымъ отъ
«Совѣта генераломъ Ягужинскимъ, приказавъ
«освободить его, съ прежнею честію.

«По случаю сего сложенъ былъ трауръ на три «дни и происходило торжество, колокольнымъ «звономъ и иллюминаціями ознаменованное.

«Февраля 26, отъ канцлера графа Головкина «отправлены циркулярныя письма ко всѣмъ «Россійскимъ въ иноземныхъ государствахъ ми- «нистрамъ, увѣдомляющія ихъ, что 25 сего мѣ- «сяца Императрица, по прошенію Россійскихъ «чиновъ и дворянства, слѣдуя примѣру предковъ «своихъ, совершенное самодержавіе воспріять «изволила.

«Февраля 27, отправлено въ большомъ Успен- «скомъ соборѣ, и во всѣхъ Московскихъ собо- «рахъ, монастыряхъ и приходскихъ церквахъ, «молебное Господу Богу пѣніе, въ возблагодаре- «ніе за вручение Императрицѣ самодержавія.

25 (стр. 91). Я нашелъ въ своихъ бумагахъ слѣдующую очень любопытную записку, не знаю кѣмъ писанную:

«Долгоруковы строго наблюдали, что бы ни- «кто изъ знатныхъ людей не имѣлъ къ Ней до- «ступа и не говорилъ съ Нею на единѣ, также «надзирали и за ихъ сношеніями съ Нею. Но его «затруднение преодолѣно было слѣдующимъ об- «разомъ.

«Штатсъ-дама Прасковья Юрьевна Салтыкова, «урожденная Трубецкая, была употреблена для «узнанія мыслей знатныхъ людей скрытнымъ

*

«образомъ, для чего она ко многимъ пріѣзжала «по ночамъ.

«Когда желаніе всѣхъ, что бы Императрицѣ «быть самодержавною, открылось; тогда сочине- «но было къ ней прошеніе о принятіи самодер- «жавія и подписано множествомъ знатныхъ людей.

«Императрица увѣдомленія о семъ получала «такимъ образомъ:

«Каждый день приносили къ Ней младенца «Биронова сына, котораго Она отмѣнно любила; «ему клали за пазуху записки о успѣхахъ сего «дѣла, и Императрица относивъ сего младенца на «рукахъ въ свою спальню, прочитывала ихъ.

«Когда дѣло приведено было уже къ оконча- «нію, Новогородскій архіепископъ Ѳеофанъ, въ «знакъ усердія, поднесъ Ея Величеству столо- «вые часы, которые Она принимать отрицалась; «но онъ убѣдилъ ее принять ихъ. По томъ Она, «взявъ Биронова сына, прочла за платье у него «положенную записку, и узнала, что въ тѣхъ «часахъ подъ доскою положенъ планъ, который «прочитавъ, вышла; въ назначенный день, въ «тронную залу и, противъ чаяніи Долгоруко- «выхъ, взошла на тронъ, и тутъ множество зна- «тныхъ особъ поднесли Ей прошеніе о принятіи «самодержавія.

«Она тронута бывъ толь лестнымъ для Нее «усердіемъ, хотѣла было поклономъ изъявить

«свое удовольствіе; но помянутая штатсъ-дама «удержала Ее за платье.»

О важныхъ происшествіяхъ, по кончинѣ Петра II послѣдовавшихъ, Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ оставилъ намъ весьма любопытное описаніе, которое сообщаю я здѣсь въ приложеніи. Его описаніе приложено къ имѣющимся у меня разнымъ выпискамъ.

26 (стр. 91). Февраля 28 выданъ былъ слѣдующій манифестъ:

«По благополучномъ и счастливомъ Нашемъ «прибытіи въ Москву и вступленіи на Россійскій престолъ, вѣрные Наши подданные, какъ «духовные, такъ и свѣтскіе, всѣ въ вѣрности «Намъ и государству присягу чинили. Но посе«же, потомъ, вѣрные жъ Наши подданные, всѣ «единогласно Насъ просили, дабы Мы самодер«жавство въ Нашей Россійской Имперіи, какъ «издревле прародители Наши имѣли, воспріять «соизволили, по которому ихъ всенижайшему «прошенію, Мы то самодержавство воспріять и «соизволили, и для того вновь присягу сочинить «и въ печать издать повелѣли, по которой да «имѣютъ всѣ вѣрные Наши подданные, какъ «духовные, такъ и свѣтскіе, въ Москвѣ при«сутствующіе, и во всей Нашей всероссійской «Имперіи обрѣтающіеся, въ вѣрности своей къ «Намъ, яко самодержавной Государынѣ, прися-

«гать и на томъ слово и крестъ цѣловать и ко «оной подписываться.»

Верховный Тайный Совѣтъ уничтожилъ манифестомъ Ея Императорскаго Величества 4 марта, и возстановленъ Правительствующій Сенатъ на томъ же самомъ основаніи, какъ былъ при Петрѣ Великомъ.

27 (стр. 103). Избраніе на престолъ Им. Анны Іоанновны и послѣдовавшія за тѣмъ происшествія, описаны, хотя кратко, но довольно вѣрно, въ книгѣ: Сказанія о родѣ Князей Долгоруковыхъ (Спб. 1840), стр. 115—122.

Долгоруковы сами ископали себѣ пропасть, въ которую послѣ были низвергнуты. Дюкъ Лирійскій говоритъ только о началѣ ихъ опалы; но по выѣздѣ его изъ Россіи, постигла ихъ совершенная гибель. Біографъ рода князей Долгоруковыхъ пишетъ (стр. 125), что важнѣйшею причиною ихъ гибели былъ страхъ Бирона, что бы князь Василій Лукичъ, государственнымъ своимъ умомъ, князь Сергій Григорьевичъ, дипломатическими дарованіями, и князь Василій Владимировичъ, вліяніемъ на войско, не уменьшили къ нему Бирону довѣренности Императрицы.

Ета догадка кажется основательною, приняв въ соображеніе, что ни одинъ изъ Долгоруковыхъ, при возвращеніи Государынь самодержа-

вія, не подвергся смертной казни, а всѣ они были сосланы или въ *честную* ссылку, а кто именно и куда, показано въ *Сказаніяхъ*, ст. 123. Но послѣднюю чашу бѣдствій испили они чрезъ девять лѣтъ, по слѣдующему, какъ говоритъ сочинитель *Сказаній*, случаю:

Въ 1739 году Императрица вспомнила о дарованіяхъ князя Сергія Григорьевича, жившаго въ опалѣ въ Оренбургѣ (Рязанской губерніи) и возъимѣла намѣреніе употребить его по дипломатической части. Разумѣется, что это не понравилось Бирону, и онъ рѣшился нанести послѣдній ударъ всему дому Долгоруковыхъ. Подьячій Тишинъ, подкупленный Бирономъ, закричалъ *слово и дѣло*, и главнѣйшіе изъ Долгоруковыхъ, кромѣ Алексѣя Григорьевича, отца обрученной невѣсты Петра II, умершаго въ Березовѣ, были свезены изъ разныхъ мѣстъ, въ Новгородъ, гдѣ произведенъ былъ надъ ними (какъ сказано въ *Сказаніяхъ* стр. 124), судъ Шемякинскій, въ слѣдствіе котораго, 8 ноября 1739, Василій Лукичъ, Сергѣй Григорьевичъ, съ братомъ своимъ Иваномъ, лишились головъ, а Иванъ Алексѣевичъ, любимецъ Петра II, былъ четвертованъ.

Биронъ, избавясь отъ главнѣйшихъ изъ Долгоруковыхъ, не оставилъ въ покоѣ и остальныхъ. Несчастная невѣста Петра II, и сестры ея, Елена и Анна, томившіяся въ Березовѣ, были

заключены въ разные монастыри. Братья ея: князь Алексѣй, отправленъ въ Камчатку служить матросомъ; князей Николая и Александра наказали кнутомъ, урѣзали имъ языки и сослали ихъ въ работу вѣчно, перваго въ Охотскъ, послѣдняго въ Камчатку.

Сочинитель *Сказаній* говоритъ на стр. 163, что одному только Николаю былъ урѣзанъ языкъ, *не извѣстно за что.*

Причиною сей казни былъ тотъ же подьячій Типпинъ, который донесъ, будто они говорили важныя, злодѣйственныя, непристойныя слова.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

О важныхъ происшествіяхъ, послѣ кончины Императора Петра II воспослѣдовавшихъ, Новгородскій Архіепископъ Ѳеофанъ Прокоповичъ оставилъ намъ описаніе весьма любопытное въ разсужденіи разныхъ особенностей и минутныхъ дѣйствій, которыя при тогдашнемъ переворотѣ, не избѣгли отъ его проницанія. Сей славный витія своего времени повѣствуетъ о семъ тако:

Преставился Петръ вторый 1730 года Генваря 18 дня, во второмъ часу по полуночи, по учиненномъ ему, (какъ въ Греческой Церкви обычно) отъ трехъ Архіереевъ елеосвященіи, меньше часа; и пробыли Архіереи въ палатахъ до кончины его; были тамже Верховнаго Совѣта члены, такожъ и изъ сената и генералитета не малое число.

И тогда князь Василій Владимировичъ Долгорукій, именемъ прочихъ, просилъ Архіереевъ помѣшкать немного, внушая, что тамъ же скоро имѣетъ быть совѣтованіе о избраніи Государя новаго; но скоро потомъ возвратясь къ нимъ сказалъ, что Верховному Совѣту заблагоразсудилось, къ

надходящему дню, и въ палатахъ Верховнаго Совѣта, быть всѣхъ членовъ собранію въ 10 часу по полуночи, куда и они Архіереи изволили бы прибыть сами и другихъ бы, какъ Архіересвъ, такъ и Архимандритовъ, съ собою привели, понеже сіи были синодальные. И тако Архіереи, всякъ во своя отошли.

Но уже въ самомъ семъ поступкѣ нѣкая была хитрость; ибо, по отшествіи Архіересвъ, Верховники (*) и другіе начальники, тамже остались, и долго разглагольствованіе было о наслѣдникѣ Государя, съ немалымъ разногласіемъ.

Князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, невѣстѣ новопреставльшагося Государя родитель, дочерѣ своей скипетра домогался, которой его дерзости, яко весьма нечаянной, многіе удивлялись. Но онъ, властолюбіемъ ослѣпленный, не устыдился показать и нѣкое письмо, яко бы Петра II, завѣтъ, прежде кончины своей, отъ него написанный, которымъ будто бы Онъ державы своея наслѣдіе невѣстѣ Екатеринѣ укрѣпилъ. Дивное всѣмъ стало князь Алексѣево безстудіе [кромѣ однихъ, чаю, свойственниковъ его] и на требованіе, яко весьма непристойное и смѣха достойное, никто не посмотрѣлъ, понеже отнюдь не могло быть вѣроятно, дабы учинилъ то Государь,

(*) т. е. члены Верховнаго Тайнаго Совѣта.

до болѣзни своей, отрокъ, крѣпкимъ составомъ цвѣтущій и толь сильное имѣющій здравіе, что многолѣтнаго весьма житія надежду подавало: какъ же бы онъ могъ и подумать о близкой себѣ смерти, не то, чтобы пещися и промышлять, чему быть по кончинѣ своей? а когда пришла ему болѣзнь [которая не болѣе двана-десяти дней удручая его, умертвила], во все то время дѣлали ему потѣшку скораго къ первому здравію возвращенія, не то, чтобъ ему о буду-щей смерти повѣщать, хотя бы и подлинно вѣдано, что ему прочее живу не быть.

По отверженіи же того домогательства, требо-вано другихъ господъ мнѣній.

Разные были голосы, однако же цѣ фамиліи Государя не выходили.

Некто приговаривалъ и за бабкою Петра II, недавно изъ заточенія освобожденною; но сіе прочіе судили яко непристойное и произшед-шее отъ человѣка, корыстей своихъ ищущаго, самымъ молчаніемъ притушили.

А когда произнесслось имя Анны, вдовы Кур-ляндской Герцогини, дщери Іоанна Царя, боль-шаго Петру I брата, купно съ нимъ до кончины своей царствовавшаго, между Екатериною и Пара-скевіею Царевнами среднія сестры, тотчасъ чуд-ное всѣхъ явилось согласіе, которому спорить не посмѣли и оные, коимъ завладѣная и, по

мѣнію ихъ, неотъемлемая уже, въ рукахъ была высочайшая власть, а тогда отъ нихъ уходила.

О перемѣнѣ формы или образѣ царствованія, чего нѣцыи изъ оныхъ господъ и прежде сего желали и желанія утаить въ себѣ не могли, (какъ уже ясно о томъ покажется), въ семъ же тогда собраніи, хотя не при всѣхъ, но по выходѣ оттуда многихъ прочихъ, говорено, и что о томъ умышлено, ниже сего извѣстно будетъ.

Когда день насталъ и великое всѣхъ штатовъ множество въ Верховный Совѣтъ собралось, куда и Синодальные и другіе прочіе Архіереи и Архимандриты прибыли, и великій канцлеръ въ слухъ предложилъ, что Верховный Совѣтъ, Курляндской Герцогинѣ Царевнѣ Аннѣ, Россійскую корону должну быть усматриваетъ; но требуетъ и всѣхъ, всего отечества лице на себѣ являющихъ чиновъ, согласіе, тотчасъ всѣ въ единъ голосъ изволеніе свое показали, и ни единаго не было, который бы хотя мало задумался. Первый же Архіерей, именемъ всѣхъ отвѣтствуя, сказалъ, что не только, какъ онъ, такъ и вся братія его на то согласуются; но и желаютъ, тотчасъ въ престольной церкви, при всенародномъ присутствіи, торжественнымъ молебствіемъ благодарить всемилостивому Богу за толикое, полученное отъ него дарованіе; но, когда сей Архіерей оное слово произнесъ, непріятно то стало верховнымъ госпо-

дамъ: отрекли и быть тому тогда не приговорили, что, ясно весьма нечаянное, подвигло всѣхъ до великаго удивленія. И тако, великій соборъ распущенъ.

Стали же многіе разсуждать: какая бы то была отъ Верховныхъ причина отлагать оное благодарственное молебствіе? И кто легко и скоропостижно разсуждаетъ, сію того вину быть думалъ, что еще неизвѣстно, соизволитъ ли Царевна Анна царствовать; но осторожнѣйшія головы глубочае нѣчто проницали и догадывалися, что господа Верховные иный нѣкій отъ прежняго видъ царствованія устроили, и что на нощномъ ономъ многочисленномъ своемъ бесѣдованіи, сократить власть царскую и нѣкими вымышленными доводами акибы обуздать и, просторѣщи, лишить самодержавія затѣяли. Если же и о согласіи Царевны Анны надлежитъ сомнѣваться; то сомнительства сего тожъ причиною, то есть, похощетъ ли Государыня Анна прикасаться за умаленную предковъ своихъ державу. И догадъ сей, какъ былъ неложный, скоро самимъ дѣломъ ясно показалось.

Здѣже, вопервыхъ надобно, кажется, изъяснить: кто они и сколько ихъ было, которыхъ въ повѣсти сей царицаемъ *Верховными*.

При Императрицѣ Екатеринѣ, сверхъ установленнаго Петромъ I Сената, новое и отъ Сенату

высшее правительство учреждено, и украшено оное особливымъ именемъ: *Верховный Совѣтъ*. Сіежъ собраніе, въ томъ влящше отъ Сената имѣло силу, что и нѣкую власти часть, у Сената отнятую, приняло къ себѣ, и что большую важность возъимѣло, однако же, что ни хотѣлъ бы Верховный оный Совѣтъ вновь уставить, неволенъ былъ сдѣлать то безъ изволенія Императрицы. А когда ее не стало, а насталъ Петръ II, двенадесятилѣтній тогда отрокъ, тогда Верховный Совѣтъ получивъ себѣ, по своему мнѣнію, совершенную и свободную власть, и могъ и дерзалъ дѣлать, что хотѣлъ, да и тогда еще, правительство оное не могло ничего учинить безъ воли князя Меншикова, который его членъ былъ, напаче, когда сей дочь свою Петру II въ невѣсту отдалъ публичнымъ обрученіемъ. Всѣхъ Совѣта того членовъ 9 человѣкъ было, а по изгнаніи въ ссылку Петра Толстаго, потомъ же Меншикова, собраніе оное умалилось, а послѣ того новымъ прибавленіемъ стало въ числѣ осмилицномъ; именно же сіи были:

Великій канцлеръ Гаврило Ивановичъ Головкинъ, первый;

Другій, неизвѣстнаго почитай порядка, князь Дмитрій Михайловичъ,

Да братъ его князь Михайло Михайловичъ, фелдмаршалъ; Голицыны.

Князь Василій Лукичъ,
Князь Василій Володимировичъ,
Князь Михайло Володимировичъ,
Князь Алексѣй Григорьевичъ,

И сіи 4 единой фамиліи Долгорукіе.

Одинъ еще изъ націи нѣмецкой, Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Добавилъ бы число Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, адмиралъ; но нестало его тогда, когда еще не всѣ здѣ помянутыи, къ оному правительству причтены были.

Именованные же Долгорукіи, каковое ни засѣдали мѣсто въ томъ собраніи, однако же другихъ товарищей своихъ весьма были сильнѣйшіи, имѣя основаніе на сродникѣ своемъ князѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ, который въ рукахъ своихъ имѣлъ Петра II, и Его же Государя, по всякому примѣру Меншикова, приводилъ къ понятію въ жену дочери своея, уже и обрученія совершеніемъ, и потому одинъ онъ Верховнаго Совѣта сильнѣйшій сталъ.

Еще же и сынъ его, князь Иванъ Алексѣевичъ, о которомъ въ народѣ слухъ обносился, что въ великой у Петра II милости, много Долгорукихъ фамиліи придавалъ можности. Но скоро явилось, что Иванъ сей пагубу, паче нежели помощь роду своему приносилъ, понеже бо и природою былъ злодерзостенъ, и еще къ тому, толи-

кимъ счастіемъ надменный, и ни о чемъ, якобы себѣ не доводилось, не думалъ, не только весьма всѣхъ презиралъ, но и многимъ зѣло страхъ задавалъ, однихъ возвышая; а другихъ низлагая, по единой прихоти своей, а самъ на лошадяхъ, окружась драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный; скакалъ; но и по ночамъ въ честные домы вскакивалъ гость досадный и страшный, и до толикой продерзости пришелъ, что кромѣ зависти, нечаянной славы, уже и праведному всенародному ненавидѣнію, какъ самаго себя, такъ и всю фамилію свою, аки бы нарочно подвергалъ.

Да и прочіи Долгорукіи, хотя по внѣшнему обходительства виду, будто бы и умѣренными являлися, однакоже дѣлами своими въ великое властолюбія подозрѣніе приходили. Основаніе или корень таковаго ихъ безпамятства было то, что возмечтали, будто бы Царская фортуна, чрезъ уготовляемое Петра II съ Екатериною ихъ бракосочетаніе, въ домы ихъ переселилась. Нѣкоторые же изъ нихъ, поостръе разсуждающіи; хотя уже о событіи желаній своихъ и несомнѣваясь, однако же промышляя, дабы отнюдь ни что не осталось, что намѣренію ихъ могло бы препятствовать, различныхъ хитростей употребляли: ревность къ православію показуя, бабку Государеву обогащевая, товарищей своихъ, да

не своей крови, притворными ласканьями себѣ привлекая.

Но больше всего возымѣли попеченіе, какъ бы Голицыныхъ примирить и присоюзить къ себѣ, понеже между двѣма сими фамиліями наслѣдныя зависти, и ненависти, и ссоры, и вражды, изъ давнихъ лѣтъ, даже до того времени были, что всему Русскому народу извѣстно и несомнительно. Начали же Долгорукіе всѣ къ тому употреблять способности: часто пріѣзжать къ Голицынымъ и ихъ къ себѣ призывать, просить же и увѣщавать прилежно перестать бы обѣимъ сторонамъ отъ прадѣднаго соперничества, и взаимныя распри, яко отечеству зѣло вредныя упразднить; и со временемъ того доспѣли, что Голицыны съ Долгорукими, прельщены ли или опасны будучи, въ союзъ вошли и за одно стали. Слухомъ же обносится, будто сіе дружество, и обѣихъ сторонъ присягою утверждено; но то же де само, во время опасной болѣзни Петра II, и вящше укрѣпить Долгорукіе потщились. Но уже пора на первое возвратиться.

Тіи же то Верховныи господа, собравъ первѣе по кончинѣ Петра II, какъ уже выше показано, Совѣтъ, когда Царевнѣ Аннѣ Императорская власть, согласіемъ всѣхъ присутствовавшихъ, присуждена стала, многихъ домой отпустили, а сами совѣтовали, какъ бы власть Госуда-

реву сократить, и нѣкіими установленіями малосильнѣе учинить? на что наипаче Долгорукіе настояли, показуя видъ, будто они народной нѣкоей пользѣ служать, а самымъ дѣломъ, желал получить себѣ хоть часть Царской власти, когда цѣлой той достичъ не могли. Сіе коварство ихъ по тому не тайно, что они не думали вводить народное владѣтельство (кое обычно вольною республикою называютъ); но всю владѣнія крайнюю силу осьмочисленному своему Совѣту учреждали, который владѣнія образъ, въ томъ маломъ числѣ владѣющихъ, не можетъ нарѣщись владѣтельствомъ избранныхъ, гречески аристократіа; по развѣ сковническимъ тиранствомъ или насильствомъ, которое олигархіа у Еллиновъ именуется, vide latin.

Еще же и другое умышленіе Долгорукихъ было. Другихъ они друзей своихъ надеждою только, якобы общаго съ собою корыстованія тѣшили на время, а имѣли намѣреніе и оныхъ изъ общества своего выключить.

Сіи же всенощной оной затѣйки ухищренія не трудно будетъ познать читателю, когда изъ разныхъ воспослѣдовавшихъ дѣла сего обстоятельствъ, такъ и изъ мастерства, котораго господа сіи, въ произведеніи умышленій своихъ, употребляли, что слѣдующее сказаніе ясно покажетъ.

И вопервыхъ, когда верховные оные господа

благодарственному, какъ выше сказано, молебствію быть не повелѣли, и тѣмъ самымъ у людей умныхъ вошли въ подозрѣніе, еще и сами торопясь затѣйки свои, какъ бы возможно произвесть скорѣе въ дѣло, аки бы нарочно, таинство свое открыли.

На другій день, по преставленіи Государевомъ, отправили въ Курляндію князь Василья Лукича Долгорукова, придавъ ему двоихъ будто бы товарищей (одинъ же изъ нихъ былъ Голицынъ, князь Михайло Михайловичъ меньшей); но съ такою скоростію, что на разставленныхъ нарочно для того частыхъ подводахъ, казалось, лѣтели они паче, нежели ѣхали. Тщались же то предъ всѣми утаить, но тотчасъ по всему городу вѣдомо учинилось. Въ то же время, по всѣмъ дорогамъ, которыми можно бы кому въ Курляндію пробираться, крѣпкія заставы расположили, давъ онымъ солдатамъ указъ, дабы оттуда въ Москву ѣдущихъ пропускали, а отъ Москвы туда шествующихъ удерживали бы, и письма бы у нихъ обирали. И отъ таковаго ихъ дѣйствія, не токмо догадливые люди, но и тупые простолюдины, явно уже видѣть могли, что господа Верховныи затѣиваютъ, и не трудно было разумѣть, что они вымышленный для себя новый царствованія порядокъ хотятъ Государынѣ поднесть именемъ всего народа, аки бы

всенароднымъ согласіемъ утвержденный. Опасаясь же и боясь, дабы отъ кого увѣдомлена Государыня, коварства ихъ не познала, старался такимъ-то обереженіемъ, чтобъ она о томъ знать не могла, пока мѣстъ сама въ руки ихъ не достанется. Многіе же и проклинали таковой поступокъ, яко къ презлѣйшему обычаю образецъ, что они такъ дѣлали съ ожидаемымъ Государемъ своимъ, какъ по нуждѣ дѣлаютъ съ наступающимъ непріятелемъ.

Жалостное же вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе: куда не прійдешь, къ какому собранію ни пристанешь, не ино что было слышать, только горестныя нарѣканія на осьмеричныхъ оныхъ затѣйщиковъ; всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе, и вездѣ, въ одну почитай рѣчь, говорено, что если по желанію господъ оныхъ сдѣлается, отъ чего бы сохранилъ Богъ, то крайнее всему отечеству настоитъ бѣдство. Самимъ имъ Господамъ не льзя долго быть въ согласіи: сколько ихъ есть числомъ, чуть не толико явится атамановъ междуусобныхъ браней, и Россія возымѣетъ скаредное лице, каково имѣла прежде, когда на многая княженія расторгнена бѣдствовала. И не ложныя, по моему мнѣнію, были таковыя гаданія, понеже Русскій народъ таковъ есть отъ природы

своей, что только самодержавнымъ владѣтельствомъ хранимъ быть можетъ а если каковое нибудь иное владѣнія правило воспріиметъ, содержаться ему въ цѣлости и благости отнюдь не возможно. Но о семъ, намѣреніе наше есть особливыя доказательства написать.

Между тѣмъ произошло въ слухъ, что другій родился союзъ, осьмолѣтнему союзу противный, Знатнѣйшіи, сирѣчь, изъ шляхетства, сноситься и совѣтовать стали, какъ бы дѣйствительно вопреки стать Верховникамъ и хитрое ихъ строеніе разрушить; и для того по разнымъ домамъ, да ночною порою собирались.

Я, въ то время, всякимъ возможнымъ прилѣжаніемъ старался провѣдать: что сія другая компанія придумала и что та къ намѣренію своему усмотрѣла? И скоро получилъ я извѣстіе, что у нихъ два мнѣнія споръ имѣютъ. «Одно дерзкое: на верховныхъ господъ, когда они въ мѣсто «свое соберутся, напасть незапно оружною рукою, и если не похотятъ отстать умысловъ «своихъ, смерти всѣхъ предать.« Другое мнѣніе кроткое было: »Дойти до нихъ въ собраніе и предложить, что затѣйки ихъ не тайны; всѣмъ извѣстно, что они строятъ; не малая вина, однимъ и «не многимъ, государства составъ передѣлывать; и хотя бы они преполезное нѣчто усмотрѣли, однакожъ скрывать то предъ другими, а

«наначе и правитетьствующимъ особамъ не со-«общать, непріятно то и смрадно пахнетъ.« Оба же мнѣнія сіи не могли произойти въ согласный приговоръ: первое, яко злотое и удачи неизвѣстной, а другое, яко слабое и недѣйствительное и своимъ же головамъ бѣду наводящее; и такъ нѣкоего другаго средства искать надлежало.

Досталь же и о томъ еще вѣдомости, что сіи Верховниковъ супостаты и между собою не единодушны были; но весьма противнаго хотѣнія. Нѣкоторые изъ нихъ тщились, старое и отъ прародителей воспріятое государства правило удержать непремѣнно, а другіе, да еще сильнѣйшіи, тогожде хотѣли, что они ихъ въ дружество свое не призвали. И потому не трудно было мнѣ прорицать, что сіи Верховныхъ противники ничего не сдѣлаютъ. И по истинѣ, все ихъ дѣйствіе, день по дни, знатно простывало.

Хотя же и другая сія факція зѣло старалась собраніе свое утаивать, и одинъ другаго заклиная, дабы пикнуть о семъ, и всѣ великія на себя налагали клятвы, если бы кто вынесть совѣты дерзнулъ; однако же отъ Верховниковъ утаиться не могли. Были въ толикомъ множествѣ, понеже до 500 человѣкъ себѣ исчитали, непостоянные и вѣроломные; были таковые, которые одинъ у одного, а другіе у другаго изъ Верховныхъ имѣли, или искали милости и призрѣнія,

или инымъ какимъ образомъ порабощенныи. Которые крѣпко хранили тайну, тіи тщательно искали провѣдать: кто именно предатель? О нѣкоторыхъ извѣстны стали; но тотъ укрывался, инако на посѣченіе суждень.

Не безъ страха же было Верховныхъ, когда еще не знали они, какъ дремливо было противниковъ дѣйствіе; но когда сіи узнали, показывали себя жестоко грозныхъ и яростныхъ; нарочно отъ нихъ разсѣвался слухъ о страшныхъ на противниковъ своихъ угроженіяхъ, и что мятежныя ихъ сонмища Верховному Совѣту гораздо вѣдомы, и что непокойныя оныя головы судятся, яко непріятели отечествія, и скоро пошлется, или уже и послано, ловить ихъ за арестъ, и что дурно они на множество свое уповаютъ, понеже въ числѣ Верховныхъ и главные полководцы обрѣтаются, и что ни кому изъ нихъ утаиться и избѣжать бѣды не льзя, понеже не многіе пойманные покажутъ на пыткахъ и прочихъ, и явится кто каковой казни достойны будутъ.

И хотя таковыя вѣсти поцептомъ въ народѣ обносилися, однако же толикій страхъ дѣлали новымъ союзникамъ, что многіе изъ нихъ, особливо маломощные, и въ домѣхъ своихъ пребывать опасались; но съ мѣста на мѣсто переходя, въ притворномъ платьѣ и не въ своемъ имяни, по ночамъ только, куда кого позывала нужда, перебѣгали.

Однакоже Верховники, поражая страхомъ соперниковъ своихъ, и сами еще не ощущали въ себѣ безстрашія. Смущала ихъ злая совѣсть, и что неизвѣстно было, чемъ окончится дѣло ихъ, толь дерзновенное. Начали же призывать къ себѣ первѣйшихъ изъ противной компаніи и принимать съ ласкосердіемъ, и къ общему сословію преклонять, ротяся и присягая, что они за собственнымъ своимъ интересомъ не гонятся, и жаловались, что напрасно то въ грѣхъ имъ поставлено, что они совѣта своего всѣмъ прочимъ не сообщили, подая тому вину, что хотѣли они первѣе искусить и отвѣдать, какову себе покажетъ на ихъ предложеніе избираемая Государыня, а то увѣдавъ, имѣютъ они намѣреніе, всѣ чины созвать и просить отвѣтовъ, что кому заблагоразсудится къ полезнѣйшему впредь состоянію государства, обѣщавая скоро то учинить, и себя, яко невинныхъ, предъ всѣми оправдать. Таковыя Верховныхъ выправки, кто изъ опасныхъ и нескоровѣрныхъ мужей слышалъ, вѣдалъ, что то обманное ловительство; но другіе, и числомъ множайшіи, сими плѣницами уловлены остались.

Когда же тако, чрезъ двадесять дней, а не больше, съ обою сторону различно мятется, а мы, что то со временемъ хощетъ быть, дожидаемся, и се во вторый день февраля, посланныи отъ Верховнаго Совѣта по Сенаторскимъ, Архіе-

рейскимъ и прочихъ чиновъ домамъ, разносятъ повѣстки, что Верховный Совѣтъ на утрешній день всѣхъ въ собраніе призываетъ (нарочно удерживаясь отъ нарѣчія, указываетъ и указъ ихъ, словомъ призыву умягчивая); тіи же вѣстники и привносили собранія того вину, будто о государственномъ установленіи совѣтовать будутъ.

Чудно же, воистину, сказать, каковыя многихъ явились тогда разгласія! Одни, да и многайшая часть, говорили, что уже въ затѣйкахъ своихъ Верховный Совѣтъ раскаялся и хощетъ просить себѣ въ томъ прощенія, какъ то члены его, въ недавнихъ разговорахъ и обѣщались. А другіе всѣ иное помышляли, и какъ сами они къ собранію призыва не любили, такъ и всѣмъ ходить туда весьма не совѣтовали, прилѣжно внушая, что новая то Верховниковъ хитрость, и злое изобрѣтеніе, какъ бы имъ прочіихъ или къ согласію затѣекъ своихъ сильно понудить, или противящихся себѣ вдругъ придавить. Въ тотъ же день нѣкая тайная носилась поговорка, будто изъ Курляндіи пришло письмо въ Верховный Совѣтъ, и когда сіе опаснѣйшіи оныя услышали, и паче тщились всѣхъ отъ повѣщеннаго собранія отводить, ибо они присматриваясь тогда, каковымъ лицемъ являютъ Верховники, примѣчали, что не только сами они, но и слуги ихъ необычно

веселы и радостны были, и потому не было уже сомнительно, что ухищреніе Верховниковъ удалось, и Анна Государыня ложнымъ, якобы всего народа именемъ, сведена, на подложные ихъ договоры пристала. И сей многихъ догадъ непогрѣшительный былъ; но большая часть перемогла лучшую.

Въ третій день февраля, превеликое множество къ назначенному мѣсту собралось, гдѣ, когда ожидано, что таковое къ совѣтованію отъ Верховниковъ произнесется, тогда они, указавъ молчаніе, повелѣли читать присланное изъ Курляндіи письмо, и дѣломъ явилось сущее то, что опаснѣйшія прорицали: было то посланіе Императрицы Анны.

Ни кого, почитай, кромѣ Верховныхъ, не было, кто бы таковая слушавъ, не содрогнулся, и самія тіи, которые вчера великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанія нѣкая во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не посмѣлъ. И не льзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ, многочисленно стояло вооруженное воинство. И дивное было всѣхъ молчаніе! Сами господа Верховные тихо нѣчто одинъ другимъ пошептывали, и остро глазами посматривая притворялись, будто бы и они, яко невѣдомой себѣ и нечаянной вещи, удивляются.

Одинъ изъ нихъ только, князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, часто похаркивалъ: «Видите «де, какъ милостива Государыня! и какого мы «отъ нее надѣялись, таковое она показала оте«честву нашему благодѣяніе! Богъ ее подвиг«нулъ къ писанію сему: отселѣ счастливая и «цвѣтущая Россія будетъ!» Сія и симъ подобная до сытости повторялъ. Но понеже упорно всѣ молчали и только одинъ онъ кричалъ, нарѣкать сталъ: «для чего никто ни единаго слова не проговоритъ? изволилъ бы сказать, кто что думаетъ, хотя и нѣтъ де ничего другаго говорить, только благодарить толь милосердой Государынѣ!» И когда нѣкто изъ кучи тихимъ голосомъ съ великою трудностію промолвилъ: «Не вѣдаю де и весьма чуждуся, отъ чего на мысль пришло Государынѣ такъ писать!»; то на его слова ни отъ кого отвѣта не было.

По томъ князь Алексѣй Михайловичъ Черкасскій предложилъ словесно, дабы ему и прочей братіи дано было время порассудить о томъ свободнѣе. И на то соизволили Верховныя, желая паче отпустить прочь упрямыхъ и себя отъ страха свободить, нежели вмѣняя то въ пользу свою.

Архіереи же Синодальные учали домогаться, что бы больше не отлагал, собраться и совершить благодарственное молебствіе, чему уже и не спорилъ никто.

Повелѣлъ же Синодъ діакономъ возносить Государыни имя съ полною Монаршескою титлою, самодержавіе въ себѣ содержащею, что и сдѣлано. Да тожъ Верховнымъ весьма не любо стало, и каялись, что о томъ прежде запамятовали посовѣтоваться, и когда, въ тотъ же день Синодъ посылалъ во вся страны письменная титулованія Государыни формы, посылали и они; но титлы самодержавія, уже прежде оброненной, перемѣнить не посмѣли.

И изъ онаго времени видѣть было, что всякаго почитай чина и званія люди, якобы драхлы и задумчивы ходили и будто нѣчто глубоко размышляли. И не мощно было иначе поступать, у кого здравый смыслъ и разумъ былъ! понеже, хотя затѣйка Верховныхъ господъ и не тайна была, однако же никто не надѣялся, дабы они отважились такъ рабскіе и тѣсные владѣнія уставы на Императрицу накинуть.

Надлежитъ же сіе вѣдать, что сія епистолія въ Москвѣ сплетена была и князь Василіемъ Лукичемъ въ Курляндію отвезена и подложена Государынѣ для подписанія, а дабы Государыня не отрѣклась подписать, князь оный Василій неслыханною лжею заклинался, что то требованіе есть отъ всѣхъ чиновъ и общее всего народа. И о семъ изъ устъ самой Императрицы, по пріѣздѣ Ея въ Москву, извѣстно стало.

Въ 10 день февраля получена вѣдомость, что Государыня отъ Москвы уже не далеко.

И скоро по томъ отъ чина Церковнаго три Архіереи, да три Сенатора отъ гражданскаго, на встрѣчу Ея Величества выправлены. Да и тутъ жалостное нѣчто и примѣчанія достойное явилось. Когда оные Сенаторы и Архіереи, по опредѣленію Верховнаго Совѣта, именемъ всѣхъ чиновъ, Императрицу привѣтствовать, въ дорогу наряжались, нужда имъ была требовать пашпорты отъ Верховнаго Совѣта, и получили. А когда доѣхали до заставы, понеже еще далече того мѣста была Государыня, тогда капитанъ, заставу держащій, съ объявленіемъ отъ нихъ пашпорта, какъ самихъ господъ, такъ служителей считалъ и потомъ далѣе шествовать пропустилъ. Вмѣстѣ ли и совокупно Сенаторы къ Государынѣ, которая тогда въ селѣ Чашникахъ остановилась, прибыли, или порознь и особно, я о томъ не извѣстенъ и не провѣдалъ, яко не нужнаго, а о семъ отъ нѣкіихъ изъ свиты князя Василья Лукича послѣ я увѣдомился, что когда, какъ Архіереи, такъ и Сенаторы, Государынню привѣтствовали, тогда оный князь Василій весьма прилежно на глаза ихъ и на руки, и отъ головы до ногъ, присматривался, и на вся ихъ движенія, именованія, остро наблюдалъ. Толико, сирѣчь, трусливо и опасно было оное властолюбивое шатаніе! а

правиламъ политическимъ сходна ли была хитрость оная, иным на разсужденіе оставляю.

Еще же и сего пропустить не надобѣ, что когда нѣкіи изъ правительствовавшихъ откланясь Государынѣ, прежде Ея похода къ Москвѣ, возвращались и зѣло скоро бѣжали, и уже три версты проѣхали, тогда Государыня, изъ квартиры выѣхавъ, тотчасъ ихъ миновала и не задолго изъ глазъ вышла. И въ томъ бо господа оные имѣли попеченіе, чтобъ елико можно спѣшить, которое поспѣшеніе такъ жестокое было, что въ десять дней (а если нужныя въ Ригѣ, Псковѣ, въ Новгородѣ и въ Твери остановки выключить, то развѣ въ восемь дней) больше тысячи верстъ убѣгли съ немалымъ здравія Государыни нарушеніемъ.

И того же дни прибыла Императрица въ село Всесвятское, семь верстъ отъ Москвы разстояніемъ, и здѣ, для успокоенія, остановясь, приказала: Петра II, до своего въ городъ вшествія, погребенію предать, что воутріе и совершилось.

Но и тутъ приключилось нѣчто не простое и такое, что трудно сказать, удивленію ли паче, или смѣху оное подлежитъ. Двинадесятаго дня февраля, на всходъ солнца, всѣ чины въ домѣ преставльшагося Государя сошлись; но долго ничего не дѣлано и невѣдомо, чего ожидали. Мы думали, что къ церемоніи опой не все изго-

товлено, однакожъ ничего, чтобъ неготово было, усмотрѣть не могли, и когда нѣкто изъ знатныхъ особъ, стуживъ долгимъ сѣденіемъ, спросилъ у единаго дѣйствія того управителя: для чего походъ до селѣ не начинается? онъ ему отвѣщалъ, что еще дожидались отъ Верховнаго Совѣта опредѣленія: гдѣ и какъ быть въ церемоніи покойнаго Государя невѣстѣ, а она де требуетъ себѣ, какъ мѣста, такъ и наряда и всей славы Императорской. И то многіе слыша, великимъ негодованіемъ возроптали, браня и проклиная необычное людей тѣхъ безстудіе и ничего дожидаться не веля, устроились всѣ къ погребальному походу, въ которомъ мечтанная опал Императрица нигдѣ не явилась. Велкъ же можетъ тутъ видѣть, что князь Алексіи, его помянутой невѣсты родителя, и другихъ ихъ сродниковъ, сіе дѣльце было, и что они видя себѣ отнятое, которое мечтали въ рукахъ своихъ имѣть, монаршее скипетро, не оставляли ничего, чтобъ ни показалось къ высокости ихъ угодное. Прежде уже мы показали, какъ безстыдно князь Алексій оный показывал хартію, якобы прямый завѣтъ, отъ Петра II написанный, а когда то не удалось, то избрали они Императрицу, да безъ власти и силы, чтобъ сами всѣмъ завладѣли и они бы дѣломъ царствовали, а Государыня царскимъ бы только именемъ тѣшилась. Но дабы и видъ Царской не

весьма отъ дома ихъ отлучался, сію-то штучку употребить затѣяли, понеже еслибъ Екатерина ихъ въ погребальномъ церемоніалѣ Императорское мѣсто заняла, сдѣлали бы оную, если не равною самой Государынѣ; то хотя второстепенною, да еще, чаю, и на томъ бы не остановились.

Того же февраля въ день, который воскресный былъ, Императрица Анна въ Москву вошла съ великою славою, да сама не имѣла, чемъ веселиться, и многіе о бѣдномъ Ея состояніи тужили и печалились. Когда вошла въ домъ Царскій, тотчасъ узнали, что она якобы полонена и заключена въ честную тюрьму. И не льзя было Ей иначе думать, понеже князь Василій Лукичъ Долгорукій, который изъ Курляндіи привезъ Ее въ Москву, у самыхъ дверей свѣтлицъ, ко пребыванію Ей уготовленныхъ, занялъ себѣ другія свѣтлицы такъ, что никому не возможно было доступить до Государыни безъ его позволенія, да и кого допускалъ, за тѣмъ и самъ вхаживалъ, и ни кто отнюдь, ниже сестры Ея Величества неволенъ былъ, что ни есть поговорить, развѣ присутствующу и слышащу ему.

Между же тѣмъ Верховные господа прежнюю присяги форму, которою народъ на вѣрность Государю своему себе обязуетъ, перемѣня, новую выковали, вымаравъ многія, какъ обноси-

лось, рѣчи, самодержавію служащія, и по томъ всѣхъ чиновъ созвали для присяги къ первопрестольной церкви, которая вдругъ, по площади, многимъ воинствомъ обставлена была.

И тогда въ собраніи Верховнаго Совѣта, нѣкоторыи изъ знатнаго шляхетства, о перемѣнной присяжной формѣ спорили. А въ палатѣ Синодской, первый членъ, архіепископъ Новогородскій, какъ къ товарищамъ своимъ, такъ и ко всѣмъ прочимъ Архіереямъ и Архимандритамъ (а было многое число), увѣщательную рѣчь имѣлъ, ясно показуя, что великое весьма дѣло есть присяга и вѣчное наводитъ бѣдство, если кто присягаетъ не то, что противно совѣсти, или чего и самъ не хощетъ или не вѣдаетъ, и для того настоялъ, дабы Синодъ, отъ Верховнаго Совѣта новосоставленной, какъ слышно, присяжной формы первѣе требовалъ, что бы знать, что въ ней содержится.

И тако отъ Синода въ Верховный Совѣтъ секретари посыланы ходили и возвращались одинъ по другому, и доносили, что господа Верховныи не отрицаютъ прислать въ Синодъ требуемую форму, однакожъ не присылали. И когда того Синодальныи многократно, чрезъ посылаемыхъ секретарей домогались, а Верховныи многократно прислать обѣщались, се незапно въ Синодъ повѣщено, что господа Верховныи въ

церковь вошли и духовныхъ тамо дожидаются. Новгородскій, тою вѣдомостію возмущенъ, совѣтовалъ не ходить туда; но какъ увидѣлъ, что всѣ идутъ, будто нѣкоею силою влекомы, и самъ за ними пошелъ.

Только же что вошли Архіереи въ церковь, тотчасъ господа Верховныи стали ласкательно просить ихъ, дабы первые они учинить присягу изволили, яко всего народа пастыріе и въ духовныхъ дѣлахъ предводители. И тогда Новогородскій вопросивъ у собраннаго народа молчаніе, которое и сдѣлалось, въ той же силѣ, какъ говорилъ въ Синодѣ, всѣмъ въ слухъ о присягѣ проповѣдовалъ. Великое собранныхъ было множество, и всѣ изъ шляхетства, и на слова Архіерейскіе, краткіе изъ кучи отвѣты съ воздыханіемъ произнеслись, что истинное то наставленіе и что присяга дѣло страшное. Увѣщавалъ же всѣхъ Архіерей, дабы никто безразсудно присягать не торопился, и домогаться сталъ, чтобъ первѣе форма присяги всѣмъ въ слухъ, и съ амвона прочтена была, чтобъ всѣ могли вѣдать: на что присягать надлежитъ. Прекословилъ же Новгородскому князь Дмитрій Голицынъ; но изъ рѣчей его Архіерей оный вящшія къ дѣлу своему доказательства выводилъ; но прочіе изъ Верховныхъ опасаясь, чтобъ не произошло до смуты, скоро на требованіе Новгородскаго позволили.

Да и тутъ вещица весьма чудная приключилась. Когда велѣно секретарю взыти на амвонъ и форму присяжную прочесть, и ее ни у него и ни у кого не было формулы, которыхъ многія тысячи напечатано! Изъ сего можно видѣть, что факція оная все торопко и непорядочно дѣлала, и въ затѣйкахъ своихъ больше имѣла страха, нежели упованія.

Когда же принесена и прочтена формула, стало ясно слышащимъ, что хотя нѣкія прежнія рѣчи, самодержавіе означающія, выключены, однакожъ не включено другихъ, которыя ясно бы изображали новый и отъ прежняго разнствующій владѣнія образъ, и осмоличныи оныи владѣтели не именованы (чего напаче весь народъ ожидая, дрожалъ), и о подтвержденныхъ Государынѣ договорахъ ничего не упомянуто, и всей присяги въ сихъ перемѣна рѣчахъ была, что присягаютъ Государынѣ и отечеству, того ради, какъ Архіереи, такъ и изъ мірскихъ наисильнѣйшіи, поразсудивъ, что формула Верховникамъ не къ пользѣ и впредь къ разсужденію намѣренія изъ помѣшки сдѣлать не можетъ, приговорили: принять оную снисходительно, и тако по словамъ оной формулы, присягу исполнили. Обносится же, что сочинена была формула иная, затѣйкамъ Верховныхъ господъ служащая весьма, да произвести ее господа оныи не посмѣли.

Видно же отъ сего, что Господа Верховныи ни какой себѣ выторжки не получили, однако же какъ они сами, такъ и сродники и друзья ихъ, якобы въ нѣкоемъ благоиоспѣшеніи своемъ торжествовали. Учинилась изъ того другимъ не малая тревога и разныя досады родились. Одни думали, что господа оныи притворяютъ себѣ видъ веселія, чтобъ себе побѣжденныхъ не показать, а другіе радость ихъ въ томъ быть разсуждали, что противная имъ факція кое какъ затихла, и таковая тишина угодна имъ къ вящшему впредь дерзновенію; простыи и трусливыи говорили, что въ новой оной присяжной формулѣ нѣкое содержится таинство, самимъ только творящимъ вѣдомое, а прочимъ не постигаемое. Что же бы то ни было, только же нахальная оныхъ господъ бодрость всѣмъ была съ досадой, и прежнее супротивъ ихъ возстаніе возбуждало; паче же бѣдное самой Государыни состояніе, аки бы предъ очами ходящее, на гнѣвъ и ярость позывало: не происходитъ она, не видитъ, не поздравляетъ ее народъ. А когда тому всюду вѣсть происилась, что князь Василій Лукичъ, какъ бы нѣкій драконъ, блюдетъ ее не приступну, и что она, безъ воли его, ни въ чемъ не вольна, и неизвѣстно, жива ли, а если жива, то насилу дышитъ, и что оныи тираны имѣютъ Государыню за тѣнь Государыни, а между

тѣмъ злѣйшее нѣчто промышляютъ, чего другимъ и догадываться не льзя. Симъ и симъ подобная, когда вездѣ говорено, ожидала другой компаніи ревность, и жесточаѣ, нежели прежде, воспламенялась; видить было на многихъ, что нѣчто весьма странное умышляютъ. Но тихомирныя головы къ тому всѣхъ преклонили, дабы мятежное оное господство упразднить правильнымъ и безопаснымъ дѣйствіемъ слѣдующимъ.

Сшедшись во едино собраніе, многіе изъ шляхетства написали къ Государынѣ челобитную, въ которой объявляютъ, что бывшее въ Курляндіи посольство, не только безъ согласія всѣхъ чиновъ, но и безъ вѣдома и нарочно скрытно устроено отъ приватныхъ осьми человѣкъ, для домашнихъ ихъ интересовъ, и покорно просятъ Ея Величество, чтобъ договорное Курлядское письмо, Ею подтвержденное (хотя оное, лживому доносу простотою повѣря, и подписала) изволила отвергнуть и уничтожить, яко нѣкій незаконный извергъ и уродъ, на гибель отечеству, отъ немногихъ затѣйщиковъ изданный. И скоро великимъ множествомъ въ палаты Царскія вошедъ, стали требовать, дабы до Ея Величества приступить имъ позволено было. И сіе услышавъ выбѣгъ къ нимъ князь Василій Лукичъ и притворя, будто бы во всемъ томъ имъ согласенъ, сталъ сочиненной отъ нихъ челобитной просить,

обѣщавал тотчасъ оную подать въ руки Ея Величества. Но никто такъ нечувственный не былъ, кто бы коварства его не узналъ; всѣ вопить стали; что подданныхъ отъ Государыни и сыновъ отъ матери, отрывать не надлежитъ, а кто такъ мудрствуетъ, тотъ врагъ есть и Государыни и государства. И тако онъ; стыда, страха и ярости исполненъ, отошелъ отъ нихъ.

Была тогда у Государыни сестра Ея Царевна Екатерина, и она прежде о такомъ шляхетства намѣреніи увѣдомлена, слыша нынѣ о собраніи ихъ, все что дѣлалось, Государынѣ донесла, увѣщавая произыти къ нимъ и послушать ихъ челобитья. И свободно было о семъ говорить, понеже князь Василій Лукичъ, на слухъ онаго собранія выходилъ, какъ уже упомянулось.

Вышла Государыня въ залу; стоя подъ балдахиномъ, впустить просителей и прошеніе ихъ прочесть повелѣла, а по прочтеніи того приказала: тотчасъ подать себѣ письмо курляндское. По томъ произнесла краткую рѣчь въ такой силѣ: что хотя весьма тяжелые поданы Ей были царствованія договоры, однако же вѣруя, какъ Ей докладываю, что оныи отъ всѣхъ чиновъ и отъ всего Россійскаго народа требуются, для любви отечества своего подписала. А понеже нынѣ извѣстно является, что лжею и лестію сдѣланъ Ей обманъ, того ради, оные договоры, яко сущею

неправдою отъ себя исторженные, уничтожаетъ и рукописаніе свое никому впредь имѣть за важное приказуетъ. И то сказавъ, тотчасъ упомянутое письмо, до руки Ея поданное, разодрала и на землю бросила.

Воскликнуло все предстоящихъ множество, зѣло Ея Величеству благодарствуя и кланялсь; были же при томъ нѣкоторыи и отъ Верховниковъ, и когда просители оныи, благодаря кланялись, тогда и сіи поклонились, кое дѣйствіе ихъ, понеже паче всякаго чаянія показалось, подало въ народъ довольную смѣха матерію.

2007058014